ДАГЕСТАН

№ 3

С юбилеем, дорогая Фазу!

Расул Гамзатов и Леонид Якубович. Поэт и шоумен. Каждый, по-своему, талантлив: один – за письменным столом, другой – за столом игровым. Каждый, по-своему, популярен: один – среди читателей, другой – среди зрителей.

Неожиданно вроде видеть их вместе. Столь разных. Однако – почему бы и нет: каждый делает свое дело… Но… Чье слово звучит сегодня «как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных»? Кто сегодня является «властителем дум»? Вопросы риторические – не будет удивительно, если где-нибудь в российской глубинке (да и не только в глубинке!) спросят, глядя на фотографию: «А кто это рядом с Якубовичем?». Как не приходится удивляться, к сожалению, и тому, что вряд ли кто из фанатов популярнейшего в Дагестане певца Авраама Руссо знает о его «однофамильце» Жан-Жаке.

Только не подумайте, что мы призываем отказаться от зрелищ и в новогоднюю ночь, сидя за столом, сервированным трудами античных философов, чокаться томиками стихов дагестанских поэтов, заранее украсив елку репродукциями полотен великих голландских живописцев… «Всему свое время, и время всякой вещи под небом. …время сетовать, и время плясать», как сказано в мудрой книге. Так давайте поднимем фужеры шампанского, поздравим друг друга с праздником и порадуемся тому, что пока еще шоумен берет автограф у Поэта, а не наоборот. Значит, еще не все потеряно. Значит, еще есть надежда.

Якубович и Гамзатов. Шоумен и Поэт. Преходящее и Вечное. Одним словом – жизнь… С Новым годом вас!

Фото Х. ЗУРГАЛОВА

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№3

ДАГЕСТАН

ноябрь/декабрь 2002

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Расул ГАМЗАТОВ,
народный поэт Дагестана

Магомедсалих ГУСАЕВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД

Расул МАГОМЕДОВ,
доктор исторических наук

Булач ГАДЖИЕВ,
народный учитель СССР

Казбек СУЛТАНОВ
литературовед

Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик

Камиль ХАНМУРЗАЕВ,
доктор филологических наук

Космина ИСРАПИЛОВА,
поэт, прозаик

Арбен КАРДАШ,
поэт

Шапи КАЗИЕВ,
писатель

РЕДАКЦИЯ

Далгат АХМЕДХАНОВ,
главный редактор

Мурад АХМЕДОВ,
заместитель главного редактора

Гаджикурбан РАСУЛОВ,
ответственный секретарь

Джамал РАБАДАНОВ
специальный корреспондент

Ольга МАТАЕВА,
экономист

Хуризадай МАГОМЕДОМАРОВА,
корректор

Байгиши БАЙГИШИЕВ,
выпускающий

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО

Дамир АРДАРОВ_____политология
Родимые корни террора. 2
Экономика_____событие
Энергетика — на марше. 4
Мурад МАГОМЕДОВ_____история
Сквозь толщу веков. 5
Гулизар СУЛТАНОВА_____театр
Наша многонациональная сцена. 8
Айгум АЙГУМОВ_____театр
«Гьей, Магьаммат...» — вчера и сегодня… 11
Татьяна ПЕТЕНИНА_____искусство
Не потерять прекрасного лица… 14
Джамал РАБАДАНОВ_____у экрана
Видение телевидения. 17
Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ_____здоровье
Бальзам. 20

ЛИТЕРАТУРА

Фазу АЛИЕВА_____поэзия
Я выплеснула чувства из груди… 22
Магомед АБАСИЛ_____поэзия
Ночная лампада горит на столе… 24
Владимир НОСОВ_____проза
Акватория души. 26
Шейит-Ханум АЛИШЕВА_____поэзия
Время, не очень торопись… 34
Марина АХМЕДОВА_____перевод
О бедном переводчике замолвите слово… 36
Поэзия и перевод_____конкурс
Чей перевод лучший?. 38
Яхья ЯХЬЯЛОВ_____сатира и юмор
Насреддин из Кяхулая. 39

Кроссворды. 40

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: 67-02-03 (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@iwt.ru

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала, К/с 30101810500000000882, БИК: 048209882, ИНН: 0562053040 КПП 056201001 ГУ Редакция журнала "Дагестан"

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии. Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Насрутдинова, 61.

Усл. п. л. – 5. **Тираж – 1500 экз.**
Номер заказа – 534.

Подписной индекс – 78434.
Цена подписки на год (6 номеров) – 196 руб. 68 коп.; на полгода (3 номера) – 98 руб. 34 коп.
Цена номера в киосках «Роспечати» – 29 руб., у общественных распространителей – свободная.

ОБЩЕСТВО

ПОЛИТОЛОГИЯ

Родимые корни террора

Как ни печально, и даже противно, это говорить, но приходится: «В России возник русский фашизм. Передача «Времена» на первом телеканале Владимира Познера 9 ноября подтвердила сей факт со всей очевидностью. Пересказывать ее не имеет смысла, это надо было видеть и слышать. Известная актриса и режиссер, руководитель театра «Современник», Галина Волчек, не нашлась даже, чтобы вымолвить слово — настолько поразило ее присутствие рядом русских фашистов и то, что они изрекали на всю страну.

Но предмет моего внимания не фашизм — с ним все ясно. Взяться за перо меня побудило его порождение, вернее — одна из его разновидностей, а именно — терроризм.

Размышляя о причинах, его порождающих, думая о том, как и чем можно предупредить его, чтобы избежать гибели невинных и мирных людей, пришел к некоторым выводам, которыми хочу поделиться.

Терроризм никогда не является самоцелью. Насилие, если совершается не в результате временного или постоянного психического расстройства, является средством достижения определенной цели. Какой? Очевидно, такой, достижение которой в данное время и в данном месте представляется террористу чем-то более значимым, нежели жизнь других людей, и даже зачастую — чем своя собственная жизнь. Признание ценностного приоритета чего-то по сравнению с человеческой жизнью — обязательная черта терроризма, его отличительный признак. И это означает, что терроризм бывает разным, он вариантен.

Чем, в основном, отличаются друг от друга разные варианты терроризма? Логика подсказывает: они отличаются конкретным характером тех целей, которые террорист считает более ценными, чем жизнь человека, включая подчас и свою собственную. В роли таких ценностей могут выступать, как свидетельствует история, определенная религия (в итоге образуется религиозный терроризм, образчиками которого являются крестовые походы, идеи «джихада» и т.п.), определенная нация (тогда возникает национальный терроризм, реализующийся в национализме, фашизме, геноциде), определенный класс (тогда складывается классовый терроризм, например, известный «красный террор», диктатура пролетариата), «денежный» или меркантильный терроризм (представлен едва ли не всем уголовным криминалом) и т.д. почти до бесконечности.

Каспийск. 9 мая 2002 года…

Эти и аналогичные им ценности могут сливаться или разделяться, усиливаться относительно друг друга или ослабляться, «мирно сосуществовать» или конфликтовать друг с другом. Но обратим внимание: во всех без исключения случаях терроризм связан с признанием приоритета чего-то общего по сравнению с личностным, индивидуальным. Это общее может быть различным: от какого-то вида спорта до какой-то моды, от известного направления в искусстве до расы, но это — всегда и неизменно – нечто коллективное. Иначе говоря, что-то коллективное признается более ценным, чем жизнь и свобода индивидуального человека. Это и есть питательная почва терроризма. Следовательно, возникновение терроризма более вероятно там и тогда, где и когда ценностный разрыв между коллективным и индивидуальным в сознании определенных групп людей достигает своего апогея. Когда личностная, пользуясь выражением Маяковского, «единица» начинает представляться «вздором», «нулем». Или, по сталинской терминологии, «винтиком». Или «пылинкой», «песчинкой», «атомом», тем, что всегда легко и просто можно «заменить».

Разумеется, и это нужно подчеркнуть, «общественно-коллективное» и «индивидуально-личностное» друг без друга немыслимы и связаны неразрывно: любой коллектив состоит из личностей, а любая личность, как таковая, формируется и живет в коллективах. Речь идет не об их отрыве друг от друга, а об их ценностном соотношении. Поставьте в приоритетное положение по отношению к личности любое «коллективное» — и вы получите почву для терроризма, и чем выше будет этот приоритет, тем «плодороднее» будет эта почва.

Жизнь наша такова, что мы очень часто почти бессознательно отдаем предпочтение «коллективному» (классовому, национальному, клановому и т.п.) перед «индивидуальным». Иногда это бывает оправдано. Чаще — нет. Старшее поколение в нашей стране, к которому принадлежу и я, воспитано и сформировано на догме: «Общественное — выше личного!». Но эта догма, становясь массовым убеждением, способствует расцвету терроризма.

Человечество всегда состояло и будет состоять из разных коллективов. И из разных личностей. Оцените свой коллектив выше личности, ее жизни и индивидуальной свободы — и вы придете в конечном итоге к оправданию терроризма. Следовательно, поскольку общество состоит из разных коллективов, всегда сохраняется и опасность возведения ценности этих коллективов или групп в абсолют, в приоритетное положение по отношению к личностному началу. И это означает, что навсегда сохранится и опасность терроризма.

Ныне наше общество резко поляризировано по многим критериям. И, прежде всего — по имущественному. Слой сверхимущих и слой нищенствующих разделены не столь внушительной на их фоне прослойкой с трудом вылупляющегося «среднего» класса. Подобное его состояние — то самое условие, которое порождает терроризм и подпитывает

его. Ценность материального благополучия или, точнее, его уровня, уже отчетливо начинает превышать в глазах многих наших сограждан ценность индивидуальной человеческой жизни. Отсюда — «взрыв» преступности, нашего терроризма. Он может сливаться с национальным или религиозным фактором, может выступать сознательно или бессознательно под их маской. И в сложившейся ситуации терроризм становится неизбежным, фатальным.

Мрачная перспектива? Согласен. Но можем ли мы что-либо сделать, чтобы нейтрализовать такую опасность, если она неизбежна и фатальна? Нравственно негодовать? Малоэффективно! Молиться? Увы — тоже! Смириться? Тем более! Силой перераспределить достаток, уравнять в этом плане «богатых» и «бедных» по рецепту булгаковского Шарика из «Собачьего сердца»? Но это тот же терроризм, что продемонстрировала наша собственная революция 17-го года и ее последствия.

Что же остается?

Видимо, только одно. Необходимо культивировать такой приоритет, значимость которого абсолютно и по всем критериям превосходила бы значимость «коллективного», «корпоративного» в шкале социальных ценностей. Нечто вроде святыни для нашего сознания. Ведь без признания какого-то приоритета мы существовать просто не можем. Так «устроено» наше сознание. Но если мы всегда творим себе «кумира», то пусть уж это будет такой кумир, который по самой своей сущности запрещает лишать жизни и личной свободы человека. Религия на эту роль не годится: для нее религиозные ценности могут оказаться значимее, чем человек, его жизнь и личная свобода. Нация? Тоже. Государство? Тоже. Деньги? Тоже.

Что же тогда может стать для нас таким «кумиром»?

Очевидно — только сам человек с его жизнью и личной свободой. Нельзя убить человека, если превыше всего ценишь его жизнь, так же как нельзя богохульствовать, если ты — искренне верующий. Никто не станет сознательно осквернять святыни, которым он искренне поклоняется, которые и ставит при всех условиях превыше всего другого.

Это — не очередной глас вопиющего в пустыне утописта-гуманиста. Признание приоритета главной ценности вовсе не уничтожает другие, но лишь ограничивает их. Так, к примеру, признание ценностного приоритета государства не уничтожает ценности национального патриотизма, но «контролирует» его, не позволяя ему «разобрать» многонациональные государства на национальные куски. Или признание ценностного приоритета религии не уничтожает ценности денег, спорта, искусства или науки (хотя исключения бывают), но удерживает последние в известных границах.

Разумеется, путь к утверждению в нашем сознании этого приоритета и долог, и тернист. Серьезную роль в его преодолении может сыграть вышедшая ныне у нас из моды… идеология. Да, именно она. Но какая! Пребывая в эйфории от достигнутой у нас безбрежной гласности и демократии, мы начали в упоении жонглировать таким термином, как «деидеологизация», вообразив, будто такое общество возможно. Но может ли, скажем, религия быть без признания Бога? Так и человек не может жить без всякого мировоззрения. Идеологии могут сменять друг друга (зачастую весьма болезненно), но существовать без идеологии общество не может. Все дело в том, какая идеология господствует в такое-то время и в таком-то обществе.

Ныне в человеческом обществе наряду с другими культивируются и идеологии локально-коллективные, содержащие в себе потенции терроризма и вольно или невольно способствующие ему. У нас долгое время безоговорочно господствовали «локально-коллективные» — партийная, классовая, национальная – идеологии, объективно питающие (и во многом продолжающие питать) террористические тенденции нашего бытия и сознания.

«Где все виноваты — там никто не виноват»

Русская пословица

Сегодня в условиях гласности и демократизации мы возвели в ранг господствующей идеологии свободу… тоже «социально-локальных групп», в частности — «право наций на самоопределение вплоть до отделения», хотя оно, это право, вопиющим образом противоречит элементарным правам человека, этой альфы и омеги любого гражданского общества, в чем мы довольно быстро и убедились на практике после развала Союза и чеченских событий, в которых это «право наций» слилось с «правом религий» и «правом государственности». Ценность человека, его личных прав и свобод у нас вновь оказалась в подчиненном положении по отношению к определенным коллективистским ценностям, чем мы и развязали руки терроризму.

Что из этого следует? Мы не сумеем «деидеологизироваться», но в наших силах поменять господствующую идеологию, точнее — конкретизировать ее, сменив ее акценты. Можно допустить, что некоторые добровольные общественные объединения могут иметь свои права (кстати, права неотделимы от обязанностей и ответственности). Но эти права, их значимость должны неизменно и постоянно занимать подчиненное положение по отношению к правам человека. И об этом надо сказать во всеуслышание, прямо, просто, ясно, понятно и честно. Мало утверждать, что у нас запрещена пропаганда национальной, расовой, религиозной, классовой и т.п. ненависти. Не менее важно провозгласить и реально проводить в жизнь политику, в соответствии с которой все права, свободы и т.д. любых коллективов или общностей могут реализовываться исключительно в тех границах, в которых они не нарушают прав человека. Потенциальную опасность терроризма это полностью, возможно, и не устранит, но, по крайней мере, будет способствовать ее нейтрализации.

Я далек от мысли, будто изложил нечто ошеломляюще новое. Напротив, отдаю себе отчет, что идея гуманизма стара как мир. Поэтому я готов к упрекам в тривиальности, в изобретении велосипеда. Но, во-первых, новое, как известно, это хорошо забытое старое, а во-вторых, еще ни одна истина не переставала быть истиной от того, что ее повторяют. Как говорит пословица, от повторения молитва не стареет. И, в-третьих, сейчас самое время напомнить о ней в связи с терроризмом, который становится на наших глазах еще одной глобальной проблемой современности. Мы можем сколько угодно возмущаться терроризмом на митингах и демонстрациях, ужасаться перед телевизорами, запершись по своим квартирам и недоумевая перед этим монстром, — он от этого не испарится и не исчезнет. «Страусиная позиция» (голову — в песок, хвост — наружу) не средство спасения, тем более – не средство предупреждения. Предвидеть ситуации, при которых терроризм возникает, не создавать их, зная, чем они неизбежно грозят, — об этом я и хотел напомнить.

И последнее. Думаю, не случайно эти строки рождаются именно на дагестанской земле. Дело не только в том, что Дагестан и дагестанцы особенно близко, к сожалению, познакомились с кошмарами современного терроризма, и у дагестанцев к нему свой, особый, счет. Дело еще и в том, что у Дагестана есть специфический опыт соблюдения межнационального, межконфессионального, гражданского мира. Есть основания думать, что в Дагестане в силу стечения целого ряда обстоятельств приоритет личностного, индивидуального, субъектного, человечного (пусть в виде почти бессознательной тенденции) проявился ярче, рельефнее, заметнее, чем в иных регионах России.

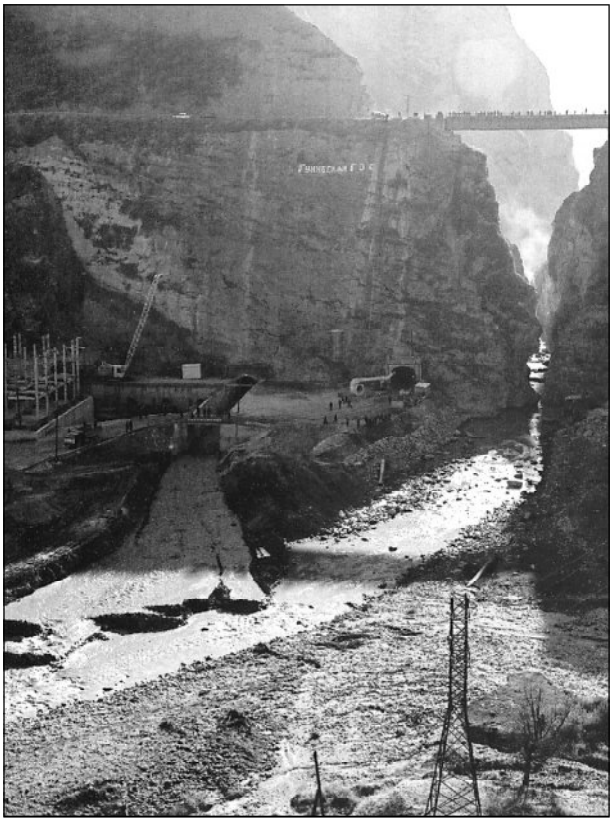
Так думаю, кстати, не только я один. Сочетание двух этих начал (соблюдение мира и приоритет человека) в Дагестане наводит на мысль о наличии здесь причинно-следственной связи.

Такой опыт заслуживает, на мой взгляд, как минимум, специального изучения, а, возможно, и распространения на многострадальной, терзаемой сегодня терроризмом нашей родной планете. И тогда, в частности, не придется «русским дагестанцам» в авральном порядке «на всякий случай» покидать свою Родину. И не придется москвичам «на всякий случай» с подозрением вглядываться в лицо типичного дагестанца как в лицо таинственной и неизвестной науке «кавказской национальности».

Дамир АРДАРОВ

СОБЫТИЕ

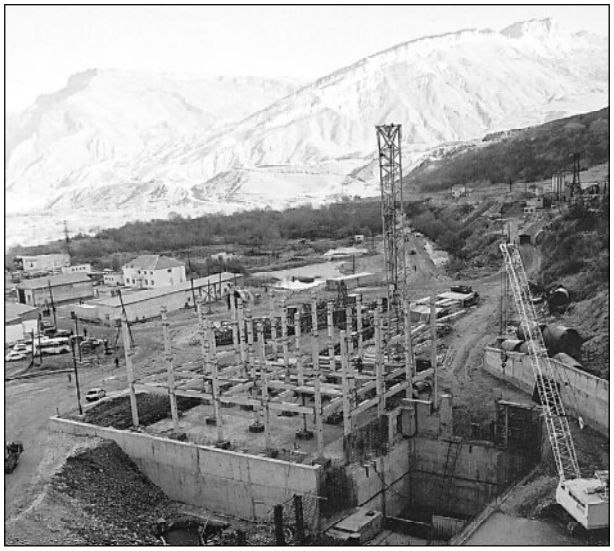
Энергетика - на марше

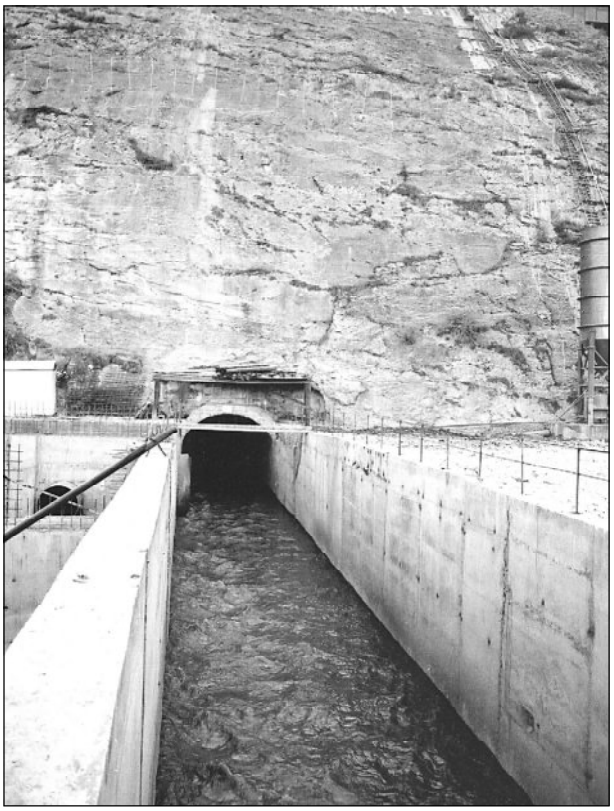


Среди событий последних двух месяцев особое место занимает перекрытие близ Гуниба реки Кара-Койсу. У знакомого всем, кто углублялся в горную часть республики, так называемого «Красного моста», через который от дороги в Гуниб, ответвляется направо дорога в Шамильский район, уже не один год ведется строительство Гунибской ГЭС мощностью 15 мегаватт. И вот 30 ноября начался новый ее этап, который знаменуется перекрытием реки и отводом ее русла в рукотворный туннель, проложенный в каменной толще правобережной горы. Ведет строительство ООО «Энергострой», учредителем которого является ОАО «Дагэнерго». Его президент, главный энергетик республики Гамзат Гамзатов поздравил строителей с этим успехом на митинге, в котором приняли участие также жители окрестных аулов и многочисленные гости из Махачкалы, в числе которых был и председатель Народного Собрания РД Муху Алиев, возглавлявший правительственную делегацию.

Присоединяемся к этим поздравлениям. Остается только добавить, что словосочетание «Сулак – река электрическая», появившееся на страницах прессы 40 лет назад, продолжает оправдываться. Вслед за Гунибской ГЭС, ввод которой в эксплуатацию планируется в четвертом квартале 2003 года, начнется строительство на Кара-Койсу Бацадинской и Курминской ГЭС. Так что энергетика республики – на марше.

Фото М. ХАЗАМОВА





ИСТОРИЯ

Сквозь толщу веков

Мурад Гаджиевич Магомедов родился в 1932 году в селении Баталаич Хунзахского района. Аварец. В 1962 году окончил Туркменский государственный университет. С 1962 по 1988 год работал в Институте ИЯЛ Дагестанского филиала Академии наук СССР. С 1988 года — заведующий кафедрой истории Дагестана Дагестанского государственного университета. Доктор исторических наук. Профессор. Заслуженный деятель науки РД. Автор более 150 научных трудов, в том числе монографий «Образование Хазарского каганата» (1983), «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века» (1988), «Живая связь эпох и культур» (1990), «Хазары на Кавказе» (1994), «История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века» (1997) и др.

Есть люди, в разговоре с которыми невольно чувствуешь, как заражаешься их идеями, начинаешь столь же отчетливо представлять важность их взглядов, проникаешься значимостью сделанного ими. Что это — простой дар убеждения? Или нечто большее? В случае с профессором Мурадом Магомедовым, нашим земляком, археологом мирового масштаба нельзя удержаться от слова талант.

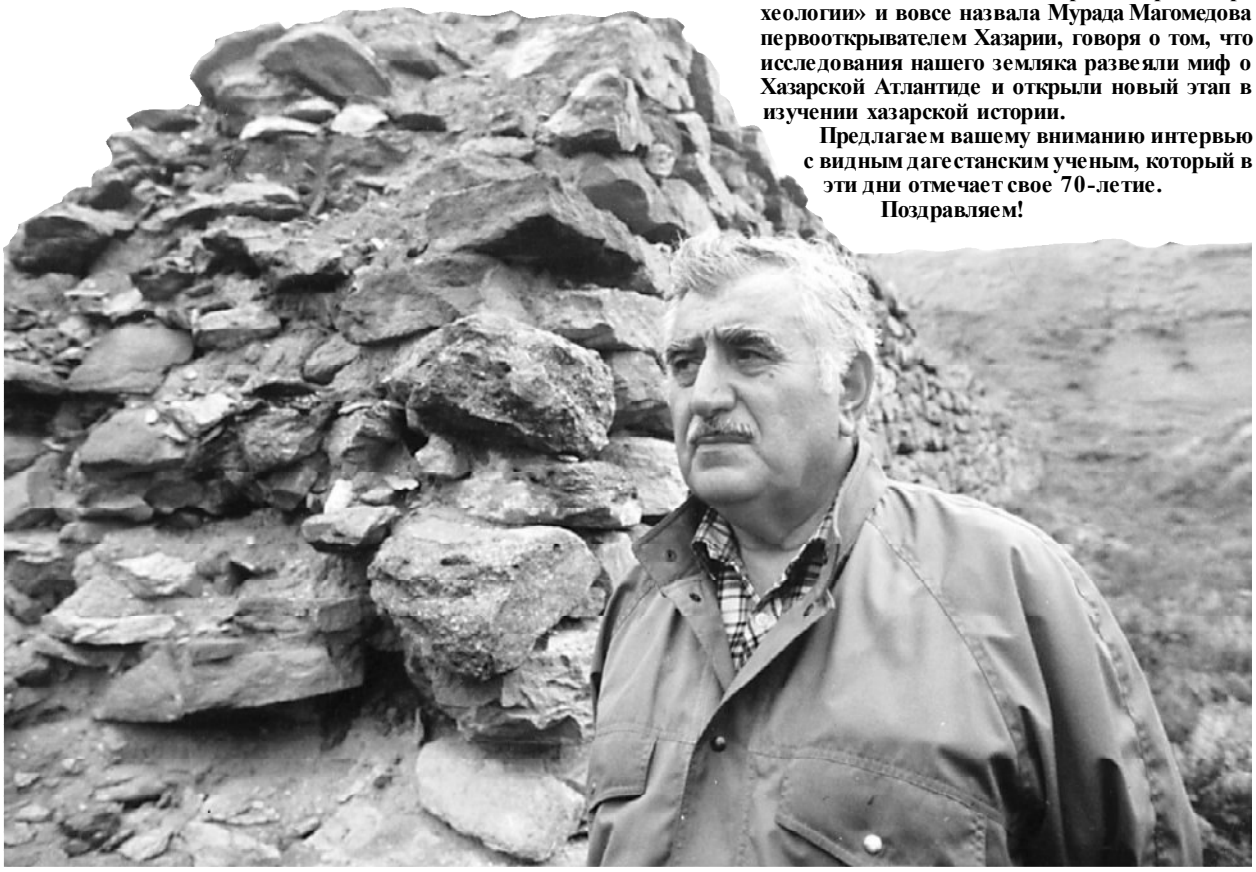
Когда Мурад Гаджиевич рассказывает о раскопанных им четырех столицах Хазарского каганата, которые до него пытались найти многие именитые ученые, с недоумением думаешь о том, как же много исторической правды еще скрыто от нас под слоем земли. До сделанных им открытий не только не было определено местоположение хазарских столиц, две из которых, к слову, находятся на территории Дагестана, но также были совершенно неизвестны многие стороны жизни могущественного некогда Хазарского каганата: погребальные обряды и антропологический тип хазар, их одежда и вооружение, политическое и общественное устройство.

Мы со школьной скамьи помним пушкинские строки «о неразумных хазарах», отомстить которым со своей дружиной отправлялся в путь легендарный князь Олег. Представить себе, что центры Хазарского каганата, бывшего одной из крупнейших держав древности, находятся на территории Дагестана, было трудно многим. Но более чем двадцатилетние археологические исследования, проведенные на территории республики профессором М.Г. Магомедовым, и огромное количество найденного фактического материала заставили поверить в это не только людей далеких от истории, но и тех, кто считался корифеями в области хазароведения и постоянно гневно оспаривал саму возможность этого.

Венгерский ученый Антал Барта в одном из своих выступлений отметил, что ученые Восточной Европы должны снять головной убор и низко поклониться выдающемуся ученому М.Г.Магомедову, который впервые сумел подвести под запутанную проблему хазар огромную базу вещественных источников. А ведущий специалист в области изучения истории хазар Светлана Плетнева, бывшая когда-то последовательным оппонентом дагестанского ученого, в своей недавно изданной книге «Очерки хазарской археологии» и вовсе назвала Мурада Магомедова первооткрывателем Хазарии, говоря о том, что исследования нашего земляка развеяли миф о Хазарской Атлантиде и открыли новый этап в изучении хазарской истории.

Предлагаем вашему вниманию интервью с видным дагестанским ученым, который в эти дни отмечает свое 70-летие.

Поздравляем!



— Мурад Гаджиевич, вся ваша научная деятельность тесно связана с археологией. Результаты ваших раскопок пролили свет на многие аспекты истории Дагестана, остававшиеся неизведанными еще совсем недавно. В былые времена археология была сродни космонавтике, профессия романтическая и увлекательная, а как сейчас?

— Я далек от мысли идеализировать былые времена. И тогда жизнь отечественных археологов не шла ни в какое сравнение с условиями, в которых могли работать их зарубежные коллеги. И тогда археологи были вынуждены не только отвоевывать у земли древние городища, но и воевать с чиновниками для обеспечения экспедиций транспортом, продуктами, палатками и прочими необходимыми вещами. Но все же отношение государства к науке в целом и к археологии в частности было совершенно иным, чем сейчас. На самом высоком уровне решались вопросы развития фундаментальной науки, без которой просто нельзя представить себе развитие образования. Роль истории и археологии, которым сегодня отводят место статистов в науке, была чрезвычайно велика. Хотя сегодня, осознав ошибки так называемого переходного периода, все мы стали убеждаться в том, что нежелание знать свою историю может привести к самым плачевным последствиям.

Что касается романтики, присущей археологической науке, то это действительно так. Но на одной романтике и энтузиазме далеко не уедешь. Раньше Академия наук СССР выделяла солидные средства, которые обеспечивали стабильное проведение масштабных раскопок по всей республике. Студенты, будущие историки и археологи, с большим рвением и усердием поднимали на поверхность все новые и новые бесценные исторические памятники, и мы имели возможность платить им за это. Тем самым мы решали одновременно две задачи — воспитывали ученых-практиков, не на словах, а на деле познававших науку, и стимулировали их материально.

Такой подход давал свои весомые плоды. В 50-е—80-е годы дагестанские археологи преуспели в изучении истории Дагестана. Колоссальное количество археологического материала, накопленное тогда, позволило сделать ряд выдающихся открытий на территории республики, охватывающих очень широкий исторический период, начиная с каменного века до позднего средневековья. Наука получила громадный толчок и активно развивалась, пока не грянули перемены 90-х. Что же происходит сегодня? Археология топчется на месте, масса интереснейших свидетельств нашей истории лежит у нас под ногами и ждет своих первооткрывателей. Мы увидели лишь верхушку огромного айсберга. Но сейчас, когда практически полностью исчезло государственное финансирование археологических исследований, на ближайшие прорывы археологам надеяться не приходится.

«Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем»

В. Белинский

— Известно, что вашими исследованиями не раз интересовались иностранные ученые...

— Да, когда наши экспедиции занимались раскопками памятников страны Берсилии и Хазарского каганата, в Дагестан несколько раз приезжали болгарские и венгерские ученые, так как история их стран и народов тесно связана с берсилами, гуннами и хазарами, которые были фактически их прародителями. Наша работа в этой области имела большой резонанс в археологическом мире, причем, не только в Болгарии и Венгрии, но даже в США и Японии. Японский исследователь Рюичи Хирокава даже профинансировал две экспедиции, которые позволили окончательно локализовать последнюю столицу хазар Итиль в районе острова Чистая Банка в Каспии, недалеко от устья Волги, и найти там остатки оборонительных валов. Фильмы о хазарах, основанные на наших раскопках, снимали и японцы, и израильтяне, и венгры. Американцы опубликовали материалы моих исследований в журнале «Археология США». К сожалению, только на родине к нашим исследованиям отнеслись с безразличием. Конечно, многие могут сказать: зачем нам Хазария, когда есть масса других, более насущных проблем. Но это отговорка. Как говорится — не хлебом единым жив человек. Исследуя историю своей земли, мы отдаем дань памяти нашим предкам, у которых, кстати, есть чему поучиться. В частности, один из аспектов, который сейчас очень интересует ученых всего мира — это мирное сосуществование в Хазарии на протяжении веков трех мировых религий — иудаизма, христианства и ислама. Изучая историю хазар, мы сможем понять, как они могли сотни лет назад достичь того, к чему мы так стремимся сейчас.

«Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки»

А. Гафуров

— Относительно исчезновения Хазарии существовало немало гипотез: писали, к примеру, что она «исчезла, как дым», «сгорела, как метеор», «полностью погрузилась в волны Каспия». Эти мнения высказывали ведущие ученые. Что вас побудило усомниться в их правоте и пойти наперекор общепринятому мнению?

— Я всегда был приверженцем того, что в истории не должно быть неоспоримых авторитетов, эталонов знания. История — динамичная, а не описательная наука и не должна зацикливаться на чем-либо одном. Нужно уметь сопоставлять факты, порой очень противоречивые. Это не значит, конечно, что не нужно уважать мнение своих коллег. Но доказывать свою правоту посредством фактов и расчетов, а не умозрительных заключений должен каждый ученый. Приведу лишь один пример. Камнем преткновения для многих было определение местонахождения последней столицы хазар — города Итиль. Из арабских источников было известно, что он находится в восьми днях пути (день пути равнялся приблизительно 30 км) от прежней столицы Хазарии — Семендера. Но вместе с этим одни источники сообщали, что

Семендер находится в четырех днях пути от Дербента, а другие говорили о целых восьми днях пути. Из-за этого возникала путаница. Позже нам удалось выяснить, что Семендера было два: первый в окрестностях Махачкалы, и второй, возникший севернее, на Тереке, около станицы Шелковской в результате вытеснения хазар арабами; загадка древних источников была разгадана. Все стало на свои места. От второго Семендера до Дербента было 8 дней пути, а от первого 4.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»

А. Пушкин

Сопоставив все это, я и вычислил с точностью до километра местонахождение города Итиль. С сожалением могу констатировать, что ученым было гораздо легче принять на веру миф о том, что от Хазарии не осталось никаких вещественных доказательств, чем попытаться пойти против стереотипов. Но и даже тогда, когда были представлены видеокадры и фотографии — неопровержимые подтверждения сделанного нами открытия, многие продолжали по инерции отрицать очевидное. Видимо, школьный стереотип — Итиль, изображавшийся на исторических картах в современном устье Волги, глубоко въелся в сознание многих ученых. На такое же активное неприятие в научных кругах в свое время натолкнулась гипотеза о том, что уровень Каспийского моря в хазарский период был намного ниже, чем сейчас. Позже, когда мои концепции получили все новые и новые подтверждения, с ними стали соглашаться даже противники.

— Вы нашли Итиль вместе с японцами в 1992 году. Неужели за 10 лет это никого не заинтересовало? Ведь там, на острове Чистая Банка, огромное поле для археологической деятельности?

— Увы. В начале 90-х было не до хазар. Да и сейчас ни в столице, ни в республике никто не проявляет интереса к этой теме, в то время как исследование последней столицы Хазарии может дать ответы на многие неразрешенные вопросы истории. Бюджетных денег археологам уже не дают, а без финансирования нельзя сделать и шага. Можно, конечно, опять обратиться к иностранным спонсорам, но, по-моему, изучать свою историю за иностранные деньги противоестественно. В истории Дагестана еще очень много белых пятен. И хотя за годы стабильного развития археологической науки мы наметили основные исторические вехи, огромные пласты остаются еще нетронутыми.

— Известна ваша гипотеза, которую вы высказывали еще в 1981 году в журнале «Советский Дагестан» о существовании в глубокой древности протонарода, давшего начало индоевропейской, угро-финской и алтайской языковым семьям и жившего на территории, ныне затопленной Каспием.

— И сейчас остаюсь ее приверженцем. Гипотеза эта родилась не на пустом месте. Ведь историки установили, что в междуречье Тигра и Евфрата, до недавних пор считавшемся колыбелью человечества, люди пришли из другого региона. Было это более 10 тысяч лет назад. Сопоставляя данные различных наук: археологии, лингвистики, исторической географии и геологии, я пришел к выводу, что такая общность могла сложиться на шельфе северного Каспия. Думаю, доказательства моей правоты находятся там, где покоится сейчас нетронутая археологами последняя столица хазар. Идея изучения истории того далекого протонарода сейчас, на мой взгляд, как никогда актуальна. Ведь в сегодняшнем разобщенном мире люди очень часто забывают о том, что все мы когда-то являлись одним единым народом.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Заканчиваю книгу «История аварцев». Работать над ней было достаточно трудно, ведь отделить историю любого дагестанского народа от общедагестанской истории практически невозможно. Я попытался показать историю народа во взаимосвязях с соседями и выдвинул ряд новых гипотез, касающихся, в частности, периода проникновения монголов в Дагестан.

— Мурад Гаджиевич, вы занимаетесь археологией всю свою жизнь, а как вы пришли в эту науку?

— Когда после окончания артиллерийского училища в 50-е годы меня направили на службу в Туркмению, я случайно стал свидетелем археологических раскопок. С тех пор я буквально заворожен магией исторической древности. Там же, в Туркмении, поступил на историко-юридический факультет университета, после окончания которого приехал работать в Дагестан.

— А что, по-вашему, должен прежде всего уметь хороший археолог?

— Нужно учиться видеть сквозь толщу веков. Любить землю, на которой живешь, и тогда можно рассчитывать на то, что когда-нибудь она раскроет свои тайны. Существует стереотип, утверждающий, что все древние народы были дикими и жестокими. Это не так. Я многое делал, чтобы развеять это убеждение. В давние времена жили такие же люди, как мы, а может быть, даже лучше нас. У древних можно очень многому поучиться, их мудрость пригодится нам и сейчас.

— У вас есть мечта?

— Моя мечта — написать еще одну большую книгу о хазарах и их предшественниках. В ней я хочу систематизировать весь исследованный мною за научную жизнь материал, касающийся хазар, и посмотреть на их историю и вместе с ней на историю Дагестана в несколько ином, чем ранее, ракурсе. История Дагестана не некое локальное явление, она всегда была единой частью всемирного исторического процесса. Лучше узнав свою историю, ощутив подлинную связь с соседями и всем остальным миром, дагестанцы будут себя чувствовать намного комфортнее и избегнут многих возможных ошибок.

«Первый закон истории — бояться какой бы то ни было лжи, а затем — не бояться какой бы то ни было правды»

Цицерон

Беседовал Мурад АХМЕДОВ

Гулизар СУЛТАНОВА,
ведущий научный сотрудник
ИЯЛИ ДНЦ РАН

Наша многонациональная сцена

Театральная жизнь Дагестана — это творческая деятельность одиннадцати государственных театров, говорящих на девяти языках народов нашей республики.

Самому старшему из них, Русскому драматическому театру имени М. Горького, в текущем году исполняется 77 лет, самому молодому, Табасаранскому театру, едва исполнился год.

Но не прожитые годы и не количество поставленных спектаклей определяют степень востребованности, художественную ценность театра, его вклад в культурную жизнь общества. Театры, которые органично вошли в культурную среду своего народа, поднимают актуальные для него вопросы, заботятся о его эстетическом воспитании, углубляя и расширяя свои связи со зрителем, становятся неотъемлемой частью его духовной жизни. Такие театры всегда посещаемы и любимы.

Большие испытания выпали на долю искусства в целом, и театрального в частности, в последнее десятилетие прошлого века. Ветер перемен, который был встречен с большим энтузиазмом, обернулся бедой для многих деятелей культуры на всем постсоветском пространстве. Он вынудил одних уйти в торгово-экономическую сферу, других — уехать в чужедальние страны, а третьих и вовсе вытеснил из жизни. За короткий промежуток времени наша страна потеряла многих выдающихся деятелей культуры. Повинны в этом, конечно, не только перемены. Время само по себе неумолимо. Немало представителей творческой интеллигенции потеряла и наша республика. Сколько замечательных мастеров искусства ушло из одного только Кумыкского театра!.. Беда это общая у многонационального российского народа, она оставила свой недобрый след в культуре страны.

Но в последние годы театры стали «подниматься с колен». В сложной ситуации театры нашли поддержку российского и дагестанского правительств. Персоналу повысили заработную плату, выделили новый автотранспорт. Два национальных театра — Даргинский и Кумыкский отпраздновали новоселье в прекрасных зданиях, на стадии завершения капитальная реконструкция здания Лезгинского театра. В республике за последние несколько лет появились три новых театра, школа циркового искусства и новые музыкальные коллективы.

Хорошим творческим импульсом стали и возобновившиеся ежегодные театральные фестивали, проводимые по инициативе министерства культуры. Обстоятельный анализ спектаклей, проводимый специалистами-профессионалами, выявляет находки и просчеты каждой постановки. При отсутствии актерских, режиссерских стажировок в театральных центрах страны, которые раньше способствовали повышению квалификации, такие профессиональные дискуссии приобретают характер своеобразной учебы, полезного урока по специальности. Такие обсуждения дают возможность авторам спектакля увидеть свою работу со стороны.

Характерные черты процесса развития дагестанского театрального искусства, наиболее выпукло проявившиеся на фестивалях 2000-2002 годов, назвать не составляет труда. Главные позитивные изменения, произошедшие в наших театрах в последние годы, относятся к изменению репертуарной политики, к довольно решительному отказу от пьес-однодневок, от пустого зубоскальства, низкопробной развлекательной продукции. Театры все больше стали обращаться к добротной драматургии, чаще стали включать в репертуар классику. Сегодня на афишах театров вновь появились имена У.Шекспира, Р.Шеридана, П.Бомарше, Б.Мольера, Еврипида, А.Пушкина, М.Горького, А.Чехова, А.Камю… Пусть не все спектакли равноценны, не все театры сумели создать адекватный драматургическому материалу спектакль. Радует сам факт обращения к драматургии столь высокого качества. И то, что театры прикоснулись к первоклассному литературному произведению, то, что говорили со зрителем языком Шекспира и Чехова, дорогого стоит.

Хорошей приметой стало и то, что пока не так много, но появляются уже новые пьесы современных дагестанских драматургов, поднимающие жизненно важные проблемы нашего прошлого и настоящего. Например, «Ярамас» Р.Рашидова и «Антика» Р.Багомедова в Даргинском театре, «Меч и конь Шарвили» Э.Наврузбекова в Лезгинском театре, «Черный день» С.Касумова и «Я хочу петь» К.Мазаева в Лакском театре, «Тахмина и Заур» А.Анара в Азербайджанском театре, поэтические композиции по стихам лучших национальных поэтов, показанные на сцене Аварского и Кумыкского театров.

Нет надобности повторять истину, что главное лицо в театре — актер. Невзирая на многие беды, смотры показали, что в наших театрах не перевелись хорошие актеры. И они во всех поколениях: от самых старших до самых молодых. Перечислить их всех невозможно, но как не назвать Инессу Курумову, Виктора Новикова, Геннадия

> ***«Театр не отображающее зеркало, а — увеличительное стекло»***
>
> ***В. Маяковский***

Голубева из Русского театра, ветеранов Даргинского театра Наби Ибрагимова и Хасбулу Исаева, Сидрат Меджидову и Гусейна Казиева из Аварского театра, Нажмутина Максудова и Изумруд Атагишиеву из Кумыкского театра, Алахкули Алахкулиева, Абдурашида Махсудова, Абдулкадыра Сайдумова из Лезгинского театра, Садыка Магомедова, Динмагомеда Динмагомедова, Ларину Омарову из Лакского театра, Татьяну Белую, Людмилу Абдурахманову из Театра кукол. Немало интересных артистов среди представителей среднего поколения. Это Алисултан Батыров и Хирамагомед Хирамагомедов – из Аварского, Басыр Магомедов, Тотуханум Осаева, Нариман Акавов из Кумыкского, Аслан Магомедов, Юлиана Магомедова – из Лакского, Зарифа Кухмазова, Абдула Габибов – из Лезгинского, Муслимбек Кемцуров, Саид Алибеков – из Даргинского, Заира Умарова, Екатерина Касабова из Театра кукол. Хорошие заявки сделали и молодые артисты: Диана Бижитуева в Русском театре, Александр Степанов, Жанна Ротова в Театре кукол, Сабият Салимова, Джалал Бикеев — в Кумыкском, Мадина Магомедрасулова — в Аварском, Аминат Шапиева, Рашидат Исмаилова — в Даргинском (все они выпускники актерского отделения ДГУ), Саният Рамазанова, Расул Магомедов, Чинара Дагирманова — в Лакском. Многие артисты имеют хорошие потенциальные возможности, которые в умелых руках режиссера способны и удивить, и восхитить.

Но с ними, особенно с молодыми, надо работать, занимать их в подлинно художественных произведениях. Тогда и результаты окажутся плодотворными, такими как в спектакле «Шутки» А.Чехова (Даргинский театр), «Дуэнья» Р.Шеридана в молодом Ногайском театре. Выпускники актерского отделения, занятые в этом спектакле, просто «купаются» в своих ролях. Событием стали и спектакли «Черный день» С.Касумова в Лакском театре (режиссер В. Эфендиев), «Последние» М.Горького в Русском театре (режиссер С.Тулпаров), «Ох, женщины, женщины» в Кумыкском театре (режиссер З.Хиясов), «Кошкин дом», «Сказка о глупом мышонке», «День рождения», «О, чудо из чудес» в Театре кукол.

Не случайно среди примеров названо несколько спектаклей Театра кукол, который в последние годы творчески заметно вырос. Администрация и режиссура приложили немалые усилия для поднятия профессионального уровня спектаклей. Театр наладил творческие контакты с композиторами, художниками, которые продуктивно участвуют в создании полноценных синтетических сценических работ. Несмотря на финансовые трудности, театр умудряется приглашать режиссеров, художников из театральных столиц для новых постановок. Театр работает на перспективу, думает о завтрашнем зрителе, намеревается расширить аудиторию за счет постановок, адресованных подросткам и юношеству. В ближайшем будущем предполагается поставить, например, «Дон Жуан» Мольера. Забот у театра много: здание ждет завершения ремонта, а администрация объявила конкурс на замещение вакантных должностей артистов-мужчин, мечтает о хорошей сценической технике, думает о расширении режиссерского состава и всерьез намерена на базе театра создать центр эстетического воспитания детей и подростков.

«Театр — это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра»

Н. Гоголь

Одной из важнейших проблем остается некоторое охлаждение зрителя к театральному зрелищу. В годы перестройки театры страны потеряли чуткого, доброго и внимательного зрителя. А новых сейчас не приобрели, и старые пока не возвращаются! По крайней мере, у нас, в регионах. Театрам необходимо приложить немало труда, чтобы привлечь зрителя добротными, яркими постановками. Дагестанская национальная режиссура редко пока восхищает зрителя. Нужен режиссерский бум, яркий свет в глаза, неожиданные открытия, увлекательные предложения, надо подкупать зрителя блестящей формой глубокого замысла.

Но многие наши режиссеры не прочь изменить своей профессии и целиком уйти в административную сферу.

Нельзя не коснуться и вопроса роли административного руководителя театра в создании и сохранении творческого климата. В идеале директор театра призван создавать максимальные условия для успешного решения творческих задач. Но нередко директор пытается подменять художественного руководителя, грубо вмешиваясь в творческий процесс. Это приводит к ситуации, в которой оказался выдающийся музыкант В. Спиваков. Недавно он объявил о своем уходе с должности художественного руководителя замечательного оркестра. Ему, первоклассному специалисту, с радостью предложат место лучшие музыкальные коллективы мира. А нашим режиссерам куда бежать от произвола администратора? Хорошо бы, каждый специалист занимался своим делом, и делал это дело профессионально.

В разговоре о делах театральных не обойти молчанием и работу вспомогательных организаций. В республике есть инстанции, призванные оказывать театрам творческую помощь. К таковым в первую очередь относится Союз театральных деятелей (СТД), возглавляемый народным артистом России Айгумом Айгумовым, человеком ярким, талантливым, энергичным. Делегаты съезда СТД в Москве избрали его и членом секретариата СТД. Сейчас, когда отрегулированы вопросы организационно-финансового порядка, необходимо развернуть работу этой организации. Думается, деятельность дагестанского отделения СТД не должна ограничиваться сбором членских взносов и парадными выступлениями на торжествах.

Есть в республике и театральный музей, который фактически выполняет только функции хранилища, хотя его роль гораздо шире. Значительных событий в

Сцена из спектакля Лакского театра «Ревизор». Городничий — Ш.Керимов (слева), Хлестаков — С. Магомедов.

жизни наших театров происходит немало, но театральный музей остается в стороне. Ни юбилейных выставок, ни встреч с известными театральными деятелями, ни публикаций интересных фактов, документов из истории наших театров, ни какой-то заметной пропаганды им не проводится. Музейное дело в нашей республике поставлено неплохо, но работа театрального музея так и не проявляется вне мраморных сводов цокольного помещения под зданием Русского театра.

Говоря о перспективах, необходимо сделать акцент на кадровых проблемах. Театры должны регулярно пополняться молодыми талантами. Хорошую инициативу проявили министерство культуры и Даггосуниверситет, открыв на факультете культуры актерское отделение. Но в подготовке молодых специалистов далеко не все благополучно. Здесь оказываются и случайные, бесталанные люди. Система набора студентов на отделение не отрегулирована должным образом, поэтому выпускники нередко идут не в театры, а в официанты, милиционеры, учителя или торговые работники. Набор, думается, должен производиться по национальному признаку для конкретного театра, как это было сделано для Ногайского и Табасаранского театров. Набирая 10-15 человек в студию, мастер будет иметь больше возможности заниматься индивидуально с каждым студентом. Это то необходимое и недостаточно осуществляемое сегодня условие подготовки профессиональных артистов. И непременным условием приема в студии должно являться непременное, причем отличное, знание родного языка и обязательство пойти работать именно в тот театр, для которого набирается студия. Хороший ведь был лозунг — «Лучше меньше, да лучше».

Заведующему кафедрой актерского мастерства, Заслуженному деятелю искусств РФ Исламу Казиеву предстоит большая работа по поднятию престижа актерского отделения и качества преподавания на отделении, особенно по профилирующим предметам. В поддержку своего мнения сошлюсь на журнал «Театральная жизнь», где сказано: «Театральное образование — «альфа и омега» театрального процесса, и понятно, что его нынешнее состояние определяет театр будущего». Если все руководители курсов и мастера по основным дисциплинам будут работать со студентами, как работают И.Ш.Алиева и Г.Г.Казиев, тогда можно надеяться, что выпускники актерского отделения получат тот минимум профессиональных навыков, который необходим для актерской работы. Но наши театры почему-то не спешат заявлять о своих кадровых потребностях. А коллективы их стареют на глазах, в театрах не ставятся молодежные спектакли, нет в них достаточного числа молодых артистов, исполнителей ролей молодых героев. И молодежь не идет в театр, потому что о ней самой и от ее лица с ней говорят со сцены не 20-летние, а 40-50-летние.

Не первый год работает в Дербенте Азербайджанский театр. Он имеет статус государственного и не может удовлетворяться уровнем работы кружка самодеятельности. Штаты в нем набраны по профессиональным стандартам государственных театров, но 99 процентов актерского состава — любители. Призывы к директору театра подготовить 10-15 человек для поступления на актерское отделение университета оказались безуспешными, впечатление такое, будто это нужно актерскому отделению вуза, а не театру.

Неблагополучно в наших театрах и с режиссерскими кадрами, национальная режиссура постепенно стала давать сбои. Режиссеры давно варятся в собственном соку. Творческая работа не может держаться на плечах одного человека, в театре необходимы как минимум один главный и два очередных, боевых, молодых, ищущих, экспериментирующих режиссера. Предполагаю, что одаренные выпускники актерского отделения должны направляться в центральные театральные вузы для обучения режиссерской профессии.

Да и драматургам нашим, как молодым и начинающим, так и известным, пора бы уже подумать о создании пьес о прошлом и настоящем Дагестана, о его людях, о его бедах и радостях, о молодежных проблемах, о взаимоотношении поколений, о религии и школе, о войне и мире. О том, в конце концов, как сделать жизнь лучше.

Сцена из спектакля Аварского театра «Ахульго».
Шамиль — А. Махаев, мать — П. Хизроева, Джамалутдин — С. Меджидова.

ТЕАТР

«Гьей, Магьаммат...» — вчера и сегодня...

Одним из заметных событий 2002-го года в республике стало окончание строительства в Махачкале нового здания Кумыкского театра. Его оригинальная архитектура украсила нашу столицу, а интерьер превзошел все ожидания. В преддверии нового театрального сезона корреспондент журнала встретился с художественным руководителем театра. На вопросы Далгата АХМЕДХАНОВА отвечает народный артист России, председатель Союза театральных деятелей Дагестана и секретарь Союза театральных деятелей Российской Федерации Айгум АЙГУМОВ.

— Так состоялось открытие театра или все же еще нет?

— Состоялось официальное открытие здания театра, а творческое открытие произойдет наряду с открытием театрального сезона, которое состоится в декабре. Такой «раздельный старт», выражаясь спортивным языком, объясняется значимостью ввода в эксплуатацию столь шикарного здания. Наше правительство расценило его как праздник культуры республики. Собрание общественности было очень торжественным. Присутствовало много официальных лиц во главе с председателем Госсовета Магомедали Магомедовым, деятелей культуры, искусства. Вообще, в этом году правительством сделано в этой области многое, открылся Даргинский театр, отремонтированы здание Русского театра и студия ансамбля «Лезгинка», завершилось строительство и нашего здания.

— Оно шло долго, были большие трудности?

— Трудности обычные — с финансированием. Строительство было начато еще в 1988 году, ну а потом грянул политический кризис, который, возможно, назовут в будущем революцией, хотя бы и бархатной, не до стройки было — она была законсервирована. Дело сдвинулось с места с приходом в правительство Хизри Шихсаидова. Сначала выделялись из бюджета небольшие деньги, но работа пошла, помогали и спонсоры. С течением времени финансирование улучшилось, премьер-министр постоянно держал стройку в поле своего зрения. Я был назначен директором и художественным руководителем театра в 1994 году — тоже как мог торопил строителей. Ими руководил Абдулла Багаутдинов. И, как видите, строители потрудились на славу. Но один недостаток все же есть. Один, но очень существенный — зрительный зал уж очень мал — всего 450 мест.

— Но ведь проект утверждался заранее?

— Да, но всего, видимо, не учли. Кстати, в ходе строительства его пришлось дорабатывать: театр ведь не только сцена и зрительный зал. Театр — это и мастерские, цеха, гримуборные и много других производственных помещений, без которых театр функционировать не может. И они должны входить в структуру театра оптимальным образом. У нас прекрасный зал, красивое фойе, облицованное мрамором. Много труда вложила в оформление наша замечательная художница, заслуженный деятель искусств РФ, мастер ювелирного дела кубачинка Манаба Магомедова. Она вместе со своим мужем вручную собрала, в частности, великолепные светильники, люстры. Ее усилиями в современный интерьер здания внесен национальный колорит, что придало ему неповторимый и красочный облик. В нем остается только творить. Надеюсь, что зритель будет доволен не только зданием, но и спектаклями, поставленными на его сцене.

— Численно труппа осталась прежней?

— Почти. Сейчас она насчитывает 37 человек, прибавилось 5-6 молодых актеров. Мы приглашаем молодежь 3-го и 4-го курсов актерского отделения факультета культуры Дагестанского университета. В вузе они изучают тео-

рию, а самые способные используют свои возможности и приобретенные знания на практике. Для нас такое участие молодежи очень полезно для решения проблем кадрового обновления; сразу видно, кто чего стоит, а для студентов, помимо профессионального становления, творческого роста, немаловажное значение имеет и материальная поддержка, ведь мы их зачисляем в труппу на штатные должности. Хотя зарплата у актеров мизерная, но для студента это ощутимое подспорье.

— Каким же спектаклем в новом здании откроется новый сезон?

— Я думаю, что не будем нарушать традицию, которой уже более 40 лет. Каждый сезон мы открываем спектаклем «Айгази». Это визитная карточка нашего театра, будет уместно вручить ее зрителю и в новом здании, что станет и данью памяти ушедшим из жизни великим актерам Кумыкского театра. Готовится спектакль «Хюледжи» по пьесе турецкого автора, его постановкой занят наш известный режиссер и актер театра и кино, руководитель кафедры актерского мастерства в университете Ислам Казиев. В постановке Биймурзы Мантаева в нынешнем сезоне будет показан спектакль для детей по сказке известного фольклориста Анвара Аджиева. А к 80-летию известного кумыкского драматурга Магомед-Султана Яхьяева ставится спектакль по его пьесе «Кто повинен?». Постановка, которую осуществляет Зубаил Хиясов, поднимает злободневные проблемы молодежи нашего времени: наркомании, взяточничества, студенческого быта. У нас в портфеле много драматургического материала.

— Сколько же?

— Сейчас у нас 12 пьес. Например, «Честь и любовь» Атава Атаева — о мужском достоинстве, совести, слове чести, в жертву которой приносится даже любовь. Это и пьеса об Адильгерее Тарковском, кумыкском шамхале, встреча которого с царем Петром Первым во многом определила будущую судьбу Дагестана, его неразрывную связь с Россией, в конечном счете — его нынешнее лицо. Этот наш драматургический багаж постоянно пополняется.

— Кумыкский театр всегда славился своим творческим потенциалом, а поначалу служил в Дагестане эталоном национального драматического искусства. Известно, что нередко зрители, даже не знавшие языка, приходили на его спектакли, слушая синхронный перевод текста в наушниках. И даже без перевода люди наслаждались игрой актеров. Можно ли сравнить тот художественный уровень театра с нынешним?

— Нельзя. И вот почему. Раньше Кумыкский театр был единственным национальным театром в республике, а такие мастера сцены, как Барият Мурадова, Тажудин Гаджиев, Алим Курумов, Саниат Мурадова и другие их современники, блистали своим неповторимым талантом так ярко, что зритель боготворил их. Они отдавали себя театру полностью, не обращая внимания ни на материальные трудности, ни на отсутствие должных социальных условий, ни на другие проблемы, которых в их жизни за стенами театра было немало. То была замечательная плеяда актеров, создававших образцы высокого искусства. И наряду с тем, что наш театр был зачинателем театральной культуры в республике, наличие таких корифеев сцены, отдававших любимой профессии себя без остатка, создавало в театральном зале особую, неповторимую атмосферу. Мы тоскуем по ней. Но можно ли с ней сравнивать нынешнюю? Думаю, нет.

Жизнь ведь не стоит на месте. На смену тому поколению пришло новое. Это уже другие люди, но ведь и жизнь сегодня другая, совсем не похожая на ту, когда творили пионеры театральной сцены. Нет несравненной Барият Мурадовой, чья Чумайсат в «Молле Насреддине» навсегда останется эталоном актерского мастерства, нет Алима Курумова в роли Айгази, но есть молодежь, которая играет по-новому, по-новому видит жизнь и в созвучии со временем отражает ее на сцене. У них уже есть специальное образование, их работа отмечена не только талантом, ими руководит не только интуиция и отменное знание образа мыслей и быта своего народа, но и знание законов профессии, опыта, наработанного предыдущими поколениями актеров как своего театра, так и других театральных коллективов — и дагестанских, и российских, и зарубежных. Всегда, конечно, остается вопрос о сочетании в работе актера таланта и техники, но это уже другая проблема. А сегодня зритель идет на Магомеда Абдулбасирова, который не Тажудин Гаджиев и не Мамаш Акмурзаев, но он другой — и тем интересен. Как и его коллеги — Тотуханум Осаева, Нариман Акавов, Имам Акаудинов, другие их товарищи — ведущие актеры театра. Сегодня их работа привлекает зрителя.

«Режиссер должен обладать душой поэта и волей капрала»

А. Вайда

— Насколько она отличается от игры предыдущего поколения актеров в отображении национального характера, традиций, нравов, быта своего народа? Есть ли ощущение какой-то перемены, возникновения между ними какой-то границы, возможно, даже резкой?

— Есть. Как я уже говорил, прежде члены труппы жили театром, не придавали особого значения тому, что оставалось за его стенами, и это не могло не вносить в то, что они творили на сцене, особый аромат. Из-за такой самоотдачи у многих не сложилась даже семейная жизнь. И перед их глазами был пример таких великих актеров, как Качалов, Станиславский, Мейерхольд, Яблочкина, Царев. Другой жизни они не представляли.

Сегодня все другое. Сегодня молодой актер в первую очередь смотрит, сколько ему платят и соотносит эту плату с тем, сколько что стоит на рынке. Он готов трудиться на сцене, но он может не остаться на ней, как его предшественники, если платят мало, он может уйти в торговлю, в любой бизнес, где сможет заработать больше. И я не осуждаю молодежь. Если от человека требуют самоотверженной творческой отдачи и платят за это всего тысячу рублей в месяц, то как можно осуждать за возможность зарабатывать в 5-6 раз больше. На тысячу семью не прокормишь. А где жить? Сейчас артистам не выделяют жилье, как делалось когда-то. Все это накладывает отпечаток на их работу. Сегодня тоже есть энтузиасты, живущие только сценой, но ситуация кардинально отличается от той, что была прежде.

— И как вы выходите из такого положения?

— Как придется. Добиваемся общежития, обращаемся для решения проблем в наше министерство, помогаем снимать частное жилье. Кто решил посвятить себя театру, конечно, не уходит, и мы таких поддерживаем, говоря: поработай, и когда народ тебя полюбит, а правительство заметит, все образуется. Хотя… Что там говорить, если мастер сцены сегодня получает всего 1630 рублей. Вот и твори образцы высокого искусства, живя впроголодь. Это очень большая проблема для дагестанских театров. И с этим надо что-то делать. От имени правления Союза театральных деятелей Дагестана я направил письмо руководителям нашей республики с просьбой обратить внимание на бедственное положение театральных работников и вмешаться в их судьбу. Вот жду ответа.

— Каким же образом можно решить такую проблему?

— Так, как это сделано в других регионах страны. Везде актерам местных театров выплачивают из местного бюджета надбавки к их мизерной зарплате. В прошлом году наше правительство приняло такое решение: 70% доплачивалось к основному месячному окладу и 40% — за звание. Но наше Народное собрание их отменило с появлением решения российского правительства о вводе своих, гораздо меньших, надбавок. Удивительно, что дагестанский парламент сделал это, хотя в других регионах все надбавки — и федеральные, и местные — были сохранены.

— Какова в этом плане роль Союза театральных деятелей? Спрашиваю об этом потому, что слышны, пусть и мяг-

кие, но все-таки упреки.

— Из всех творческих союзов в нашей стране полноценно выжил в постперестроечной неразберихе лишь Союз театральных деятелей. И заслуга в этом принадлежит прежде всего его председателю — народному артисту России Михаилу Ульянову. Он не позволил, образно говоря, его растащить. Штат нашего, республиканского, Союза состоит всего из трех человек: председателя, его заместителя и бухгалтера. Но есть правление, в которое входят директоры, режиссеры, актеры, искусствоведы, другие специалисты, которые решают все возникающие вопросы. В их число, в частности, входят направление в творческие командировки, проведение юбилеев, творческих вечеров, театральных фестивалей, приглашение критиков для обсуждения спектаклей, участие в премьерах, оказание материальной помощи работникам театров, решение проблем их быта. Недавно приглашались театральные критики из Москвы, шел крупный разговор о достоинствах и недостатках в работе всех дагестанских театров, были присмотрены и обсуждены их спектакли.

— Вы довольны деятельностью Союза?

— Вряд ли найдется творческий человек, который будет до конца доволен своей работой. Я тоже не исключение. Могут, например, быть претензии, что мы мало вмешиваемся в творческую жизнь коллективов. Но я считаю, в такого рода упреках проглядывает инерция прежнего идеологического мышления с налетом цензуры. Ведь каждый коллектив решает задачи сообразно своим творческим устремлениям и на вмешательство в свою творческую кухню смотрит, мягко говоря, с большим сомнением. Речь не идет, разумеется, о товарищеском обмене мнениями до премьеры. Вообще, упреки обычно раздаются оттуда, где не видно самостоятельного дела. Что такое Союз? Это организация, в которой есть секции драматургов, режиссеров, актеров, критиков. И каждый член правления должен трудиться. Если не может в полную силу, то хотя бы в полсилы. Критиковать, как известно, проще, чем работать.

— Обычно в театрах жалуются на малочисленность режиссерской группы…

— Нас чаша сия миновала. Кумыкский театр, как никакой другой в республике, располагает режиссерами в полной мере. Главный режиссер Русского театра кумык Скандарбек Тулпаров участвует в постановке отдельных наших спектаклей. Бывший наш режиссер, ныне работник Дагтелерадио Зубаил Хиясов тоже продолжает с нами сотрудничать; я уже упоминал заведующего кафедрой ДГУ именитого режиссера Ислама Казиева; интенсивно работают наши штатные режиссеры Биймурза Мантаев, Осман Ибрагимов. На фоне других национальных театров, располагающих одним, двумя или тремя режиссерами, мы просто в этом плане богачи.

— Насколько на фоне всеобщего «стона» о постепенном старении театральных коллективов этот процесс затронул вас?

— До того, как мы стали привлекать студентов, зачислять их в штат, присматриваясь, кто на что способен, возрастной показатель нашей труппы тоже был выше среднего. Но теперь ситуация изменилась к лучшему. Мы не боимся поручать способной молодежи и главные роли — пусть молодые растут, доказывают свое право на работу в театре. Сразу становится ясно — кто есть кто. Велико в этом процессе значение репертуарной политики. Упор мы делаем на произведения дагестанских драматургов, но надо признать, что для режиссеров обращение к своей драматургии создает серьезную проблему. Куда проще обратиться к классике, к апробированным пьесам, поскольку произведения своих драматургов очень часто страдают композиционной рыхлостью, они написаны, как правило, без учета массы неизбежно предъявленных театральной постановке технических требований. Режиссерам приходится вместе с авторами затрачивать много труда, добиваясь мало-мальски приемлемого результата. Такое «перелопачивание» материала, помимо совмещения творческих усилий режиссера и автора, предполагает и притирку их человеческих характеров, общее видение цели, что не менее сложно. Но я обычно настаиваю на подготовке сценических вариантов своих пьес, какие бы трудности это ни вызывало. Ведь театр и развлекает, и воспитывает, и просвещает. Молодежь должна знать историю своего народа, а то, зачастую, она и о Великой отечественной войне почти не имеет представления. Что же говорить об эпохе Петра Великого, его появлении в Дагестане, приезде в Тарки. Театр должен быть озабочен всеми этими проблемами.

«Режиссеры бывают двух видов: одни думают, что они боги, другие знают это точно»

Р. Хьюз

«В театре режиссер — Бог, но актеры, увы, атеисты»

Ж. Петан

— Жизнь народа, его быт с течением времени меняются, даже вековые традиции претерпевают изменения. Однако в работе, пожалуй, всех национальных театров республики, и вашего тоже, существует, на мой взгляд, животрепещущая проблема. Она видится в том, что на сцене зритель видит лишь внешние атрибуты современности, а национальный характер и жизнь народа преподносятся через воспроизведение архаики, присущей уже ушедшему времени. Ведь между ним и нынешним днем давно уже возникла пограничная зона, которая на театральной сцене почти не представлена. Почему?

— Над этим мы сейчас и работаем. Увидеть себя в зеркале просто, но показать зрителю мир, в котором он живет, в зеркале театра, пожалуй, сложнее, чем воспроизвести далекую эпоху. Ведь человек в зале не может досконально сравнить услышанное и увиденное на сцене с прошлым или позапрошлым веком, как это он может сравнить с тем, что его сегодня повседневно окружает. Тут главная трудность — в обретении полноценного драматургического произведения. Поэтому наша забота — репертуар, и еще раз — репертуар. В его основе должна находиться своя, национальная, местная, драматургия. И это прежде всего. Но для творческого роста театра, чтобы наш зритель мог прикоснуться к Шекспиру, Мольеру, Островскому, необходимо ставить спектакли по пьесам зарубежных и российских классиков. Хотя понятно, что в свой театр он все же идет, чтобы увидеть на сцене себя или своих предков. И мы должны удовлетворять эту тягу. «Гъей, Магъаммат…» звучит привычно и дорого сердцу, но отражает все-таки день вчерашний, а не сегодняшний. Это надо учитывать и ломать привычные, но уже отживающие стереотипы.

— Что бы вы хотели еще сказать?

— Российская культура сейчас на распутье, и российский театр тоже. Замечательные актеры, такие как Калягин, Табаков, ушли с прежней сцены, создали свои, частные, театры, работают в них и живут с их доходов. Это возможно в Москве, куда стекается многомиллионный российский зритель, поголовно владеющий русским языком. Но в Махачкале осуществить подобное невозможно. Актеры, режиссеры национальных театров работают, получая жалкие копейки, и ничего, кроме аплодисментов, в придачу к ним не имеют. Хочется, чтобы они работали, создавая талантливые спектакли, не думая о том, будет ли ужин у его семьи, будет ли у нее завтра крыша над головой. Я слышу, как депутаты, члены правительства бесконечно говорят о проблемах сельского хозяйства, промышленности, транспорта, армии, иногда — и учителей, врачей, но почти никогда не выражают озабоченности о нуждах работников искусства, в частности, театрального. Но ведь известно — и это невозможно оспорить — что проблемы народного хозяйства, образования, здравоохранения невозможно решить с безнравственными людьми. А кто культивирует в обществе нравственность? Люди искусства — и это тоже невозможно оспорить.

— То есть…

— Дело за малым: создать для этого условия. Государственные задачи должны решаться всесторонне.

Не потерять прекрасного лица...

Татьяна ПЕТЕНИНА,
искусствовед

«Искусство — диалог, в котором собеседник молчит»

Г. Ландау

Художественные ремесла Дагестана… Наша гордость, наша боль, наша надежда… Где найти слова в неоднозначном потоке словопрений по важнейшей проблеме сохранения веками выработанных форм жизнедеятельности народа, которые смогли бы точно и емко, без ложного пафоса, выразить сегодняшнее их состояние? Как определить необходимую интонацию такого разговора — бить ли в набат или тихо, но настойчиво объяснять общественности: еще несколько лет и будет поздно, будут утрачены еще несколько видов народного искусства. Оставшиеся же продолжают деградировать.

Возможно, кого-то удивит подобный пессимизм. Мы привыкли с гордостью рапортовать об успехах кубачинских златокузнецов, табасаранских ковровщиц, балхарских гончаров и унцукульских мастеров. Таков «джентльменский набор» для туристов и гостей республики. Но какова реальная ситуация?

Несколько лет назад, покупая на базаре картофель, я разговорилась с хозяйкой — женщиной средних лет из Урмы, где до недавго времени производились циновки из болотной осоки с вывязанным шерстяными нитками великолепным орнаментом. Урминка сообщила, что производство циновок практически прекращено, ее мать по традиции еще что-то делает, и сама она умеет, но не занимается ремеслом. А вот дочь ее уже не умеет. Живут урминцы в основном за счет выращивания картофеля, а болотную осоку косят на корм скоту. На вопрос, сколько стоит циновка, она долго думала, видимо, увидев во мне потенциального покупателя и боясь продешевить, и, наконец, назвала смехотворно малую сумму. Помню, я расплакалась тогда от беспомощности что-либо изменить и чем-то помочь…

Это один факт. Вот другой. Опять на рынке (а где можно еще пообщаться с народом). Среди толпы я увидела одиноко сидящего с несчастным видом сельского мужичка, торгующего выдолбленными вручную деревянными ложками, такими же неказистыми, как и он сам. Толпа шла мимо, никто не обращал внимания на его товар. Я не выдержала, подошла, спросила цену. Она была ничтожно мала. Мы разговорились. Родом он из Табасарана, любит заниматься резьбой по дереву. Я купила несколько ложек. Хозяин был безмерно рад: конечно, не этим копейкам, а оказанному вниманию.

Подобных фактов можно привести множество. Конечно, состояние народного прикладного искусства недостаточно изучать на городском рынке, нужно выезжать на места. Но картина на местах не менее удручающая.

Во-первых, наблюдается определенная закономерность: с приходом в горы более цивилизованных форм быта в домах сельчан почти невозможно встретить дагестанские традиционные ковры и паласы: они прочно вытеснены бельгийскими и турецкими. Даже в Табасаране, практически единственном сохранившемся центре ковроткачества, пришлые иноземцы занимают видное место рядом с родными, шерстяными, ручной работы. И здесь же красуются пошлые вазы с перламутровой лепниной и искусственные цветы. А где наша гениальная керамика, где старое резное дерево, где медные подносы и другая утварь?

Все кануло в Лету и в основном интересно местным жителям лишь как возможность немного заработать на дедовском наследии, продавая за бесценок шедевры народной культуры перекупщикам. Но внутренне эти вещи многим уже не близки, уже не необходимы, эстетические идеалы народа тяготеют к иному, так называемому «эмиратовскому стилю».

Художественные ремесла Дагестана — визитная карточка нашего народа, прекрасное его лицо. Подчас кусок старого потертого ковра или фрагмент резного столба больше, чем научные трактаты, расскажут нам о том, как жили наши предки, каким они представляли мир, в чем видели его красоту. Удивительно, но большинство произведений народной культуры, несмотря на архаичность форм, орнаментальных мотивов и технических приемов, смотрится не только современно, но даже авангардно. Лишившись их, мы уже не будем дагестанцами — людьми особой ментальности и историко-культурной традиции. Без них мы манкурты — люди без прошлого, а значит, и без будущего.

А как же прогресс, спросит кто-то, не гоняемся ли мы за призраками, неужели лучше сидеть в темной сакле у открытого огня?.. Нет, конечно. Но, боюсь, мы очень односторонне понимаем слово прогресс. Страшна всеобщая унификация, обезличенность, бездуховность. Ведь каждый народ, перефразируя поэта, должен отличаться «необщим выражением лица».

Но есть и другое мнение: выживет то, что действительно нужно людям, не стоит искусственно реанимировать умирающее, отживающее, уходящее… Вроде бы правильно. Но где критерий, в чем больше жизни, духа, а значит истинной красоты — в старом глиняном горшке безымянного мастера, в дышащей на ладан кайтагской вышивке или той самой перламутровой вазе кисловодского производства и синтетическом турецком ковре? Ведь если первые, пусть в осколках, фрагментах, воспоминаниях, фотографиях, будут жить вечно, то вто-

рые и реанимировать невозможно, потому что они изначально были мертвы.

О вкусе народа мы судим по культуре им созданной. Дагестанцы обладали безупречным вкусом и острым чувством стиля, врожденным чувством ритма, формы, орнаментальной культуры. При этом все сдержанно, функционально, порой аскетично — никакой слащавости, малейшего стремления к праздному украшательству. Красота и красивость… К сожалению, мы разучились различать эти два принципиально противоположных понятия. Мы окружаем себя массой никчемных и некрасивых вещей, возможно, внешне и эффектных. А ведь интерьер традиционного дагестанского жилища при всей его суровости и архаичности эстетически всегда был полноценен благодаря неразрывной связи декоративного и утилитарного начала, а лучшие образцы предметов быта производят впечатление произведений высокого искусства.

В создании материальной культуры горцев, включающей не только бытовую утварь, одежду, украшения и ковры, но также орудия труда, оружие, каменные и деревянные детали архитектурного декора, намогильные стелы, были задействованы все виды художественных ремесел — ткачество, выделка кожи и войлока, вышивка, золотое шитье, узорное вязание, гончарное, бронзолитейное и медночеканное дело, оружейное и ювелирное производство, резьба по дереву и камню и многое другое.

Нигде на Кавказе в 19 веке не было такого количества кустарных производств, как в Дагестане, что было порождено сложными природно-географическими условиями и особенностями хозяйственно-бытового уклада. Суровый климат, территориальная изолированность, малоземелье вынуждали горцев искать дополнительные средства к существованию, чему способствовало наличие богатой сырьевой базы и большого количества свободных рук. Не случайно, основные центры ремесел зародились в горах, где долго сохранялся полупатриархальный уклад жизни и медленно развивались производительные силы.

Наряду с крупными специализированными центрами, имеющими промысловый характер (Кубачи и Казикумух — оружейное и ювелирное дело, Гоцатль — медночеканное и серебряное, Балхар и Сулевкент — гончарное производство, Дербент и Табасаран — ковроткачество, Сутбук — резной камень), почти в каждом селении имелось два-три серебряника, лудильщика, кожевенника и других мастеров, которые занимались ремеслом в свободное от сельскохозяйственных работ время.

До конца XIX — начала XX веков у всех народов Дагестана сохранялся традиционный уклад жизни, хотя после окончания Кавказской войны наметились определенные изменения. Это связано с вовлечением Дагестана в круг капиталистических отношений и проникновением в горы фабричной продукции, которая нередко вытесняла кустарную. Так прекратилось производство декоративной полихромной керамики в лезгинском селе Испик, исчезло златошвейное искусство, кайтагская вышивка, утрачены многие ювелирные технологии.

Тем не менее, внутренний рынок Дагестана к концу 19 веке был настолько перенасыщен художественной продукцией, что многие мастера вынуждены были заниматься отходничеством. Особенно это показательно для оружейного и ювелирного дела. Только лакских мастеров в конце 19 века находилось в отходе более 600 человек, много отходников было среди кубачинцев и аварцев. Они имели мастерские во многих городах Закавказья, Северного Кавказа, южных губерниях России, Средней Азии и даже за границей.

«Если это покупают, значит это искусство»

Д. Джадд

Революция, а затем годы коллективизации и репрессий нарушили веками складывающийся хозяйственно-бытовой уклад жизни горских народов, прервали естественный ход развития их самобытной культуры. Объединение индивидуально работающих мастеров в артели, в основе которых лежало плановое производство, не учитывающее специфику творческого труда, не могло не сказаться на качестве изделий, их ассортименте, индивидуальном почерке каждого мастера. Появляются нетрадиционные формы, нередко нарушается технология, упрощается и огрубляется орнамент, в который вводятся чуждые элементы, советская символика.

Однако общий уровень кустарных изделий дагестанских мастеров, создаваемых, казалось бы, в весьма примитивных условиях, был настолько высок, что деструктивные процессы в народном прикладном искусстве происходили постепенно и не сразу стали очевидными. Трагические последствия для горских народов и их культуры имело переселение на равнину, что почти равносильно депортации. Исчезли многие центры художественных ремесел, в том числе гончарное дело в даргинском селении Сулевкент, лезгинском селении Кахуль. В силу невостребованности, крайне низкой рыночной цены при высокой себестоимости уже в 60-е годы прекратилось керамическое производство в табасаранском селении Джули, на грани вымирания войлочное дело в Ногайском районе, ткачество циновок в селении Урма.

В начале сентября мне довелось побывать в Урме. Большое аварское село в даргинском Левашинском районе. Однако урминцы сохранили свою самобытность. Проблемы у них те же, что в любом другом дагестанском и российском селе: проблемы трудоустройства, быта, досуга. Но есть и свои, чисто урминские, которые в первую очередь связаны с исконным художественным ремеслом — плетением циновок из болотной осоки. Не во всех домах они сохранились — что-то ушло в приданое дочерям, износилось со временем или было куплено за бесценок дельцами от народного искусства. С гордостью урминцы рассказывали, что несколько лет назад целая коллекция их циновок была приобретена для музея этнографии народов России в Санкт-Петербурге.

Целью поездки было ознакомление на месте с состоянием этого художественного ремесла. Результат не утешителен. Самые ранние из сохранившихся циновок датируются концом 50-х — началом 60-х годов, самые поздние сделаны в начале 90-х. Старые женщины, которые активно занимались ткачеством в молодые годы и отлично знают его технологию, сейчас уже не в состоянии заниматься ремеслом: слабое зрение, болят спина, руки, мучает давление. Но практически каждая готова показать молодым то, что она умеет, передать им свой драгоценный опыт.

Главная проблема в этом деле — заготовка сырья. За осокой надо ходить далеко, выдергивать каждое растение по одному вместе с корнем, затем вымачивать его, сушить. Почему бы в школе на уроках труда не попытаться восстановить это удивительное искусство — старое и современное одновременно — пока еще живы мастерицы, пока еще горит огонь в их сердцах. Неужели важнее наших девочек учить на уроках домоводства готовить салат «оливье»?

Впрочем, в некоторых центрах эту проблему пытаются решить собственными силами. В частности, в старинном селении Корода, что в Гунибском районе, славящемся в свое время уникальным ремеслом — безворсовым ткачеством накидок на люльку, настенных паласов и водоносных лент.

Состояние этого промысла в Корода нынче примерно такое же, что в Урме. Но там не ждут, когда процесс будет необратимым. Именно в средней школе здесь начали восстанавливать почти утраченное ремесло. Раз в неделю под руководством мастерицы девочки учатся ткать ленты для ношения кувшинов с водой. Но и здесь существует проблема с сырьем. Классическое кородинское ткачество основано на шерстяной и хлопчатобумажной пряже, окрашенной натуральными красителями — именно поэтому так благородны и красивы кородинские паласы и накидки. Сейчас же используют любую пряжу, что есть под руками, а отсюда крикливые яркие цвета, негар-

моничные сочетания. Если уж серьезно говорить о возрождении того или иного промысла, то необходимо полностью восстанавливать всю старую технологию, а не просто внешние формы.

Порадовало и посещение прошлой осенью селения Урада Шамильского района. Многие молодые девушки носят там традиционные белые покрывала с узкими цветными полосами по краю. Выглядели они как старинные. Меня удивило — неужели в селе отлично сохранилось так много старых вещей? Оказалось, что эта работа современная: несколько женщин ткут покрывала из натурального шелка, причем за коконами шелкопряда ездят в Закаталы (Азербайджан)! В Урада вернулась своеобразная мода на эти покрывала, и как красиво выглядят юные девушки в своих национальных одеяниях.

Возможно, о названных выше художественных ремеслах мало кто знает. И это неудивительно. И урминские циновки, и кородинское ткачество, и урадинские головные покрывала, и еще многое другое имеет узко локальный характер, и всегда производились в одном небольшом центре только для местного сообщества. А ведь многие ремесла еще недавно имели промысловый характер, и их изделия пользовались широким спросом не только по всему Дагестану, но и за его пределами. Нередко это был продукт экспорта, серьезная статья дохода республики.

Возможно, именно поэтому редакция экономики Дагестанского ТВ задумала цикл передач о состоянии наших художественных промыслов. Пять передач уже вышли в эфир. Надо отдать должное нашим коллегам с телевидения: они подошли к работе весьма ответственно и профессионально. За необходимой помощью обратились к музею искусств. Мы побывали с ними в Табасаране и Балхаре. Воочию увидели грустную картину: ковровые цехи во многих табасаранских селах закрыты, а в действующих работают несколько ковровщиц по заказу. Качество заказных ковров отличное. Есть и с традиционными орнаментами, и «под персидские». Но большинство ковровщиц работает на дому. Главная проблема заключается в отсутствии сырья. Именно об этом, о невозможности обеспечить работой десятки тысяч людей с болью говорил глава администрации Табасаранского района Нурмагомед Шихмагомедов.

В Балхаре цех тоже пустует. Пусть простит меня начальник керамического цеха Абакар, но, по-видимому, не случайно в Балхаре издавна существует табу на участие мужчин в гончарном производстве. Именно ему принадлежит идея «эволюционировать» традиционные формы балхарской керамики за счет скульптурных украшений, вплоть до слонов, надписей на русском и даже английском языке. Вообще, сохранение и модернизация традиционных форм народного искусства — тема отдельного и очень серьезного разговора. Но, слава Богу, во многих домах Балхара все еще крутится гончарный круг. И сидят за ним исключительно женщины. И мы были свидетелями, как в их талантливых руках за несколько минут бесформенный кусок глины превращался в великолепный кувшин «кунари» или «урша». Такой же, как тысячи других, и все же немного другой.

И как всегда очень многое зависит от энтузиастов. Учитель математики Балхарской средней школы Хадижат Омаева взяла на себя нелегкий труд возрождения балхарского промысла. У себя дома бесплатно она занимается с девочками, учит их не только техническим приемам гончарного дела, но прививает любовь, вкус к глине, народной культуре своей малой родины. Как ни странно, в Балхаре нет и никогда не было музея балхарской керамики. Хадижат Омаева мечтает о его создании, верит, что музей будет, собирает для него старые классические образцы, которых становится все меньше, а некоторые формы практически утрачены.

«Жизнь подражает Искусству в гораздо большей степени, чем Искусство подражает Жизни»

О. Уайльд

Еще сложнее ситуация в Джули, исконном керамическом центре Табасарана. В настоящее время гончарным делом там занимается единственный человек — семидесятилетний Казимагомед Муртазаев. Еще несколько лет назад он вел кружок по керамике в средней школе, но директор прикрыл это дело — слишком много грязи с глиной, школе нужнее компьютеры. Комментарии, как говорится, излишни. Будет ли Джулинская средняя школа компьютеризирована в ближайшее время или нет, не знаю, но пройдет несколько лет и еще одна тоненькая ниточка, связывающая нас с историей и культурой предков, прервется.

Что же делать, чтобы этого не случилось? Вопрос сложный, но его решение не терпит отлагательства. Во-первых, необходимо собрать и сохранить оставшиеся памятники материальной культуры. И здесь трудно переоценить значение сельских, в частности, школьных музеев. В Урада при школе существует отличный этнографический музей. Чего там только нет! И великолепная керамика, и старое резное дерево, и медная посуда, и орудия труда. Многое, конечно, очень плохой сохранности, требует немедленной реставрации, экспозиция не всегда грамотно построена, но главное — люди хотят сохранить свой старый дом, свою историческую память. Некоторым экспонатам мы от души позавидовали — в нашем республиканском музее таких вещей нет. Школьным музеям, конечно, надо помогать, издавать если не каталоги, то описи с фотографиями, а наиболее ценные экспонаты необходимо реставрировать или хотя бы консервировать.

Кстати, о реставрации. Это одна из самых острых и болезненных проблем в деле сохранения наших художественных ремесел. Имея в республике такой огромный художественный материал, требующий немедленного вмешательства специалистов, мы имеем всего несколько профессионалов в этой области, в основном базирующихся при музеях. Писала об этом не раз: нам нужна своя школа реставраторов — по металлу, керамике, дереву, камню, ткачеству, вышивке и другим материалам. Не должно быть никакой самодеятельности в этом тонком и сложном деле. Все должно быть на высоком профессиональном уровне. В художественном училище необходимо открыть отделение реставрации, преподавателей для которого нужно готовить в Москве и Петербурге. Понятно, что для всего этого нужны деньги. Но дело того стоит. И уверяю, выпускники этого отделения не останутся без работы.

Многим музейным реставраторам можно памятник поставить. Стоит назвать имя старейшего дагестанского реставратора Николая Петровича Черемушкина, на счету которого сотни возвращенных к жизни произведений живописи, керамики, фарфора, резного дерева. Сейчас он передает свой бесценный опыт начинающим реставраторам. Музейный реставратор по ткачеству Изаят Меджидова восстановила утерянный почти сто лет назад секрет уникальной кайтагской вышивки и обучила ее технологии несколько человек. Она же успешно занимается восстановлением натуральных красителей, собирает по всему Дагестану нужные растения, экспериментирует с ними, и уже добилась значительных успехов.

Но процесс восстановления утраченных технологий, как и вся программа возрождения народных промыслов не должен носить стихийный характер. Необходима глубоко продуманная государственная политика в этой области, системный подход, программа, учитывающая все нюансы проблемы. Лично я участвовала в разработке подобной программы четырежды. Поддержку получила лишь одна из них, поданная от Министерства культуры республики в Фонд Сороса. Грустно, конечно, что американскому финансисту наши проблемы дороже, чем нам самим. Но и за то спасибо. Проект будет осуществляться в течение будущего года и, конечно, не решит всей проблемы.

А что дальше?

Джамал РАБАДАНОВ

видение телевидения

ОБЩИЙ ХАБАР

Сначала было слово. Печатное. Копеечное. Ему и название дали мелкой венецианской монеты — «газета». Газета XVI века (вернее, ее прообраз) была рукописной и содержала в себе сводку событий, монаршьи указы и прочие объявления. Современность предлагает нам широкий выбор этих средств массовой информации разной периодичности и разной направленности. Они ненавязчиво пылятся в углу и, как правило, больший интерес в них вызывает расписание работы другого типа масс-медиа.

Много лет спустя слово начало доноситься из репродукторов. Передача его на расстояние стала возможным после изобретения Поповым (по сведениям из-за рубежа — Маркони) радио. В годы второй ужасающей оно собирало вокруг себя затаивших дыхание людей. Потом интеллигенция страны, которая шла к светлому будущему, но больше известна своим темным прошлым, настраивала свои транзисторы на «Свободу». А сейчас радиостанции в массе своей — часть индустрии развлечений.

Сегодня, на заре третьего этапа развития цивилизации — постиндустриализма, ни пресса, ни радио не имеют такой популярности как телевидение — электронное чудо, возникшее всего-то семь десятков лет назад. И даже одно из последний достижений научно-технической революции — всемирная компьютерная сеть не конкурент телевидению: пропускные способности несоизмеримы — как сказал директор Интернет-центра одного из наших вузов.

Не знаю, как там с пропускными способностями, но то, что телевизор — это неотъемлемый элемент бытия каждой мало-мальски уважающей себя ячейки общества, основа основ благополучия, альфа и омега меблировки, общее и целое домашнего уюта, в конце концов — кузен дивана, прямого потомка эпохального матраца, воспетого Ильфом и Петровым — факт! Если серьезнее, то телевизор — это возможность быть в курсе всего происходящего в мире сейчас, именно в этот момент. Причем (и это определяет предпочтения аудитории) вербальная информация подкрепляется информацией визуальной, и мы, относясь к этому (простите за средневековость) волшебству, как к обыденному явлению, вяло пережевываем глазами жвачку последних новостей. Телевидение объединяет все человечество (за исключением королевства Бутан: там, говорят, его нет) в глобальное общежитие телезрителей.

А так ли это здорово: жить в общежитии, да еще и глобальном? Если встать на позиции критически настроенного скептика, то этот мерцающий экран способен нивелировать человечество, лишить зрителя интеллектуальной самостоятельности, стереть грани индивидуальности и формировать в подрастающем поколении образ человека-стандарта. С этой точки зрения телевидение — это опиум для народа, телезритель — пациент, не подозревающий о своей болезни, а телебашни есть не что иное как шприц для инъекций. Телевидение — это, граждане, убийца времени и фабрика эмоций.

Так или иначе — разберемся на наглядности телевещания одной шестой парадоксальной.

НА ВСЮ СТРАНУ

Нам снова догонять, даже не допуская шальной мысли о том, чтоб перегнать. А идти другим путем мы в этот раз не пожелали. Пока мы засматривались «Лебединым озером», пока на нашем экране господствовал тотальный официоз и репортажи со всей фальшивой откровенностью, какая только может быть в характере советского человека, рассказывали нам о вдохновенном труде неутомимых тружеников Крайнего Севера, пока на советском телевидении формировалась законченная система противодействия развитию творческой мысли, свежим идеям, да и просто здравому смыслу (какое-то время наше телевидение было не СМИ, а СМИП — средство массовой информации и пропаганды), Запад осваивал целину перспективы…

> ***«Телевидение — это богатство бедных, привилегия непривилегированных, элитарный клуб для людей из толпы»***
>
> *Л. Ловингер*

Не так давно по одному из телеканалов шла передача, посвященная рупору партийной идеологии — программе «Время» тех времен. Люди, когда-то работавшие дикторами этой информационной программы, вспоминали, как малейшее отклонение от текста, утвержденного «наверху», будь то оговорка или даже неверно поставленное ударение, могло стоить им рабочего места. Цензура не допускала даже проблеска свежей мысли в виде импровизированной отсебятины: все должны были шагать по заданной общей магистрали. «Зато не мычали бесхозной коровой в эфире, как сейчас» — блеснул лысиной сидевший рядом дядя-филолог. Я поймал себя на мысли, что уж лучше б мычали, но… свое.

Я был тогда несмышленышем, но история помнит: где-то в конце 80-х задуло свежим ветром (здесь и далее — пардон за патетику). Первым свидетельством ощутимых перемен в жизни страны стал телемост «Москва—Вашингтон». По ту сторону океана были чрезвычайно удивлены тем, что в инфернальной «империи зла» тоже, оказывается, живут люди, а не медведи в ушанках, а наши граждане открыли для себя Америку. Немного позже на всю страну с экрана признались в существовании в СССР (нет, не секса) конфликта поколений: дети «совков» меньше всего хотели быть похожими на родителей. Проблема «отцов и детей» ставилась в передаче «12-й этаж» Эдуарда Сагалаева, и это был его звездный час. На ЦТ появились молодые энтузиасты, люди новой формации, пассионарные личности, такие как Владислав Листьев, Александр Любимов. И пошло-поехало…

Прежде чем вернуться в современность, сделаем еще одну остановку: наша телеиндустрия развивается семимильными шагами, наверстывая упущенное. Продюсеры и пиарщики, войдя в роль властителей дум и настроений, решили не спешить с посевом разумного, доброго, вечного. ТВ становится важнейшим оружием политической борьбы внутри страны.

Этика и чувство такта абсолютно игнорируются телекомментаторами и журналистами. Слухи выдаются за чистой воды факты, а пикантные подробности интимной жизни политиков смакуются населением еще долгое время после их разглашения, вприкуску к анекдотам о них. Подконтрольные различным политическим силам телеканалы посредством одиозных телеведущих поливают противников ушатами помоев. «Голосуй, а то проиграешь!» — предупредительно грозят с экрана те, кто затеял войну нового типа — информационную. Предвыборные технологии, приемы подковерной борьбы оттачиваются на компроматах с коробками из-под ксероксов, скрытой съемке министра юстиции с

девицами легкого поведения и пр. Народу предъявили документальное подтверждение коррумпированности высших эшелонов власти. Судя по рейтингам, народу это понравилось. Тогда компроматы на неугодных принялись усердно фабриковать. Пипл с аппетитом хавал и это, вывод — общественным мнением теперь можно было вертеть и так, и этак.

Наше демократическое телевидение оказалось уродом. Вышло так, что независимость СМИ — это палка о двух концах. Чем больше предоставлялась свобода слова, тем ниже падала планка нравственности…

Локальные конфликты на телевидении ушли в прошлое (быть может, до следующих схваток за места под солнцем), но борьба телекомпаний за зрительские симпатии в выборе информационных программ — процесс перманентный. В стремительно развивающемся мире у людей вдруг возникла потребность усвоить как можно больше информации за единицу времени. Эту потребность им удовлетворяют выпуски новостей, периодически выходящие в эфир. Оперативность и объективность — их девиз.

Аналитические передачи, очевидно, еще не изжили себя. Беспринципного Сергея Доренко на ОРТ сменил Владимир Познер — журналист, которого скандальным никак не назовешь. Тем не менее, незаурядность и профессионализм помогают ему поддерживать интерес аудитории к передаче «Времена». Все так же интересны размышления Николая Сванидзе в «Зеркале» наших дней. Вновь появился на «шестой кнопке» набивший оскомину «борец за свободу слова» — Евгений Киселев. В своих «Итогах» он растекается до такой степени, что становится страх как скучно. Особого внимания, как мне кажется, заслуживает «Намедни» Леонида Парфенова — концентрат оригинальности, стеба, всеохватности событий, не лишенный аналитической глубины. Пожалуй, где-то ведущий чересчур экспрессивно выражает суть вопроса, но это с лихвой окупается за счет, не побоюсь этого слова, захватывающих репортажей команды профессиональных журналистов.

При том, что в природе не существует того строгого деления на жанры, разбираться в которых учат на журфаке, один «чистый» жанр все же сохранился — это репортаж. Хорошие примеры его, кроме вышеупомянутой «Намедни» — «Профессия — репортер» (НТВ), «Специальный корреспондент» (РТР).

Кровь и плоть царят на наших экранах. Речь идет не о боевиках, ужастиках, эротике и любимом зрелище моего младшего брата — «реслинге», а о ставших повседневностью съемках взрывов небоскребов, крушений самолетов, казней людей. Трупы и лужи крови, руины зданий (особенная удача для телеканалов — эксклюзивные видеоматериалы) — эти картинки демонстрируются в погоне за тем зрителем, которого уже не впечатляют «терминаторы» и «рембо»: это понарошку, это кино, а мы хотим, чтоб реально. Создается такое впечатление, что людей со слабой психикой в новом тысячелетии уже нет: были, да вышли все. Привыкли. А если и возникают споры о целесообразности показа подобных сцен, то лишь потому, что это может сыграть на руку психам и отморозкам, современным геростратам, славу которым приносит террор.

Наше телевидение захлестнула волна пошлости. Если нет хлеба, то народу надо дать зрелищ. Зрелищ у нас вдосталь. Когда-то в «Что? Где? Когда?» победителям вручали книги, неактуальные в условиях рыночной экономики. Задуманное как интеллектуальная игра «Поле чудес» превратилось в балаган. Появилось множество игровых шоу «слизанных» с Запада. Это тот же «О, счастливчик!», в общем-то, неплохая «Своя игра». Наряду с играми на определение IQ появились и игры на выживание, где все развитие заключается не столько в коэффициенте интеллекта, сколько в расчетливости, хладнокровии и умении в экстремальных ситуациях пройтись по головам бывших союзников к заветному миллиону. «Последний герой» (ОРТ), «Ставка» (РТР), «Кресло» (СТС), «Третий лишний» (НТВ) — безвкусица, учащая нас жить.

Первый проект жанра real-life — «За стеклом» почившего в бозе ТВ-6 родил понятие «телевуайеризм», апофеозом передачи стал половой акт «подопытных кроликов» «застеколья», демонстрировавшийся на всю страну. Нам надоела откровенность «Про это», теперь нам интересно подглядывать. Ток-шоу «Окна» (ТНТ) и «Большой куш» (СТС) — это тоже телевуайеризм. Здесь разглашаются подробности личной жизни (особый интерес вызывает тема «ниже пояса»), смакуются интимные признания участников действа, звучит ненормативная лексика, неохотно заглушаемая писком. Телевидение оказалось не окном в мир, а огромной замочной скважиной в жизнь себе подобных. Все сознают, что это фарс, бездарный спектакль, но… продолжают смотреть. Жизнь, как она есть, у нас имеется, жизнь, которой не бывает (это я о «мыльных операх») немного приелась, теперь покажите нам инсценировки «под жизнь». Дайте нам душевную порнуху «Большой стирки» взамен «Моей семьи».

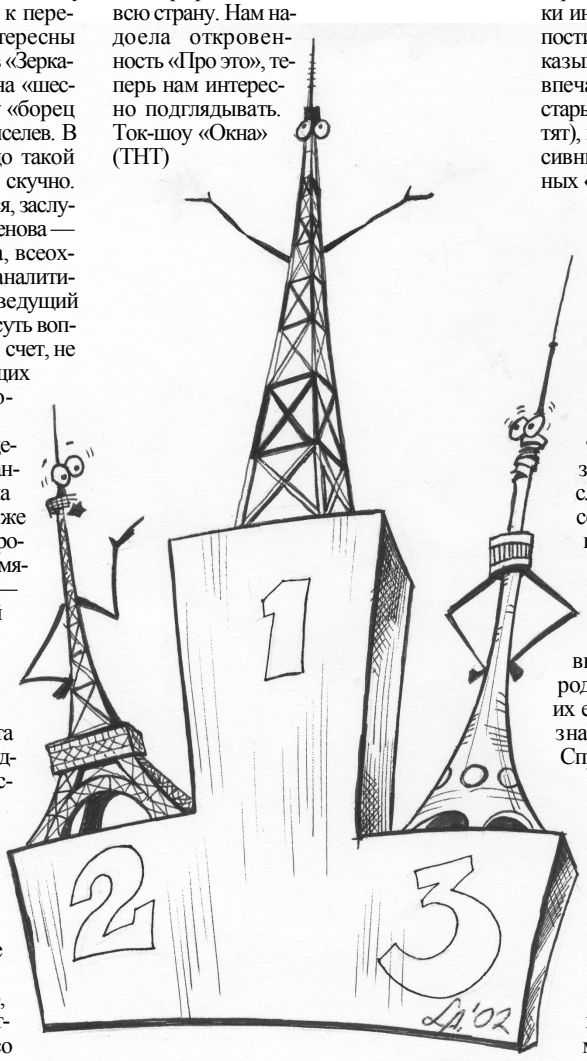
«Фабрика звезд» — последний писк моды на ОРТ. Вся страна завороженно смотрит за тем, как из недалеких посредственных личностей выбирают полуфабрикат самого посредственного и фабрикуют из него кумира. И кем же в этой ситуации являемся непосредственно мы, для кого кумира, собственно, и лепят? И как РТР надеется совершить «Культурную революцию», если подхватила «палочку пошлости» и наспех выдала в эфир аналогичную «Стань звездой»?

Что касаемо воспитательной функции, которую вроде бы призвано проводить телевидение, то ее, скорее, нет, чем она есть. Дети не желают смотреть на мир сквозь розовые очки «Спокойной ночи» и реинкарнированной на ТВЦ «АБВГДейки». Уроки иностранных языков и наивные до глупости фильмы-сказки, которые когда-то показывали ребятам, сегодняшних детей не впечатляют. Ничего нового взамен этого старья им предложить не могут (или не хотят), и потому тон задает примитив агрессивных «Покемонов» и явно недоношенных «Телепузиков». Дебильное телевидение плодит дебилов по ту и эту стороны экрана.

Практически нет ни одной стоящей, содержательной передачи для молодежи, она, так сказать, предоставлена сама себе. Исчезли «До 16 и старше» и «Акуна матата», до поры до времени спекулировавшая тем самым тургеневским конфликтом. А познавательный канал «Культура» в силу одного только своего названия не располагает зрелищностью, следовательно, не предполагает массовости. И довольствуется поредевшей и измельчавшей интеллигенцией.

И это главный аргумент телепродюсеров, которым редеющие и мельчающие тычут на экранизированную пошлость и засилье безвкусицы: мы делаем то, что смотрит народ, и если народ хочет голых задниц, мы их ему покажем. Идти на поводу массы значит для них — сохранить рейтинг. Спрос определяет предложение.

Так что же все-таки хотят видеть на своих экранах люди? «А теперь давайте встанем на четвереньки и посмотрим на проблему с точки зрения зрителей» — так говорят американские рекламодатели (реклама — это отдельный разговор). Глянешь в программу передач и видишь всюду одну и ту же схему: сериал — новости — сериал (в выходные сериалы уступают место фильмам, чаще низкопробным). Дальнобой-



щики с возвращающимися дикими ангелами, убойной силы менты с творящей чудеса скорой помощью — вот санта-барбары сегодняшних дней. Народ ценит местами шероховатый юмор и смотрит «Аншлаг», «Городок», «Смехопанораму», «Сам себе режиссер» и пр. и др. Хотите видеть и слышать себя в эфире? Вот вам интерактивные народные «Времечко» и «Сегодняшко». Криминала и расследований? Пожалуйста, «Независимое расследование» и сводки «Дорожного патруля» и «Дежурной части». Для домохозяек — «Женский взгляд», для футбольных болельщиков — «На футболе» и «Спорт за неделю», для любителей повидать мир — «Непутевые заметки» и «Клуб путешественников», для тех, кто любит братьев наших меньших и копаться на чужих дачных участках — «Путешествия натуралиста», «Диалоги о животных», «Растительная жизнь», гурманам — «Смак» и «Кулинарный поединок». Полный комплект.

Теперь о личных пристрастиях. Мне, заядлому телеману, прежде всего нравится энтэвэшная «Свобода слова»: берется злободневная проблема и пусть и не решается, но обмусоливается со всех сторон. Во многом успех проекту обеспечивается харизмой ведущего — Савика Шустера, подогревающего накал страстных дебатов и искусно лавирующего между сциллой и харибдой ангажированности. Симпатии вызывают Борис Бергман и Ильдар Жандарев в передаче «Без протокола» (ТВС). Чувствуется умение интересно для третьего лица вести беседу, будь под их перекрестным допросом модная певичка или силовой министр. Нравится «Все сразу!» (НТВ), потому что шагать в ногу со временем хочется, а передача стильная. И «Детали» (СТС), вернее, ведущая, с таким невообразимым любопытством беседующая с гостями. Не занимать профессиональности и ведущим ток-шоу «Принцип домино» — одного из самых удачных проектов НТВ.

НТВ не потеряло, а скорее даже прибавило после смены руководящего состава и креативной части. «Первый» недаром общероссийский: ему и карты в руки. Заметны потуги РТР, но подражание — не самый лучший способ выделиться. ТВЦ несмотря на все старания вести прямую речь из регионов остается развернутым лицом к городу Москве. Среди каналов, делающих упор на развлекательные передачи, можно выделить совершенно попсовый СТС, хорошо подготовившийся к новому сезону.

Это все в «центре», а у нас?

КОНКРЕТНО ЗА НАС

Смотря как-то «Окна» сквозь пробегающую рябь помех, я озаботился состоянием нашего радиотелепередающего центра. Выяснилось, что наша телебашня, вознесшаяся главою непокорной к небу, цела и невредима. Оборудование на ней меняют, и это позволит нам еще более качественно смотреть аж десяток каналов без помощи кабельного телевидения. С приходом на пост председателя ГТРК «Дагестан» Рауля Ильясова в журналистских кругах муссируются слухи о долгожданном создании сетки вещания на собственном телеканале и новой концепции дагестанского телевидения. Слухи же о повышении заработной платы сотрудникам телекомпании, уже пробовавших бастовать, не подтвердились.

Меня не столько волнует техническая сторона вопроса, сколько креативная. Из разговоров с бывшими телевизионщиками о том, что такое есть наше ТВ, я сделал вывод, что время не коснулось нашего телевидения, оно практически не изменилось за прошедшие 10-15 лет. Да, не стало цензуры, но практикуется та же форма подачи репортажей в той же программе «Дагестан», та же лексика и те же штампы речи, те же лубочные заставки, как и прежде улыбающиеся дорогим телезрителям с возмутительной жизнерадостностью. Вообще, о каких переменах может идти речь, если в наших заповедных местах еще сохранились приемы вещания, от которых отказалось все прогрессивное человечество!

«Телевидение — великолепная штука: оно позволяет смотреть зрелища, которые не стоят того, чтобы идти их смотреть»

«Пшекруй»

Хотя одно веяние времени наше ортодоксальное телевидение с его патриархальными пережитками не обошло — его резво поставили на рельсы коммерции. И замелькали рекламные ролики местных производителей, зазвучали объявления типа: «куплю—продам», а теперь еще и строка «забегала». В эфир стали просачиваться заказные сюжеты, подаваемые как знаменательные события. Еще одна строка дохода сотрудников ГТРК — видеофильмы о наших князьках из серии «жизнь замечательных людей», которых все больше в разгар выбора народом своего избранника.

И все так же терзают слух телеэстетов «музыкальные майданы» и «мелодии и ритмы гор». Телеверсии творческих вечеров местных будто корифеев культуры — нате! — культурная жизнь республики бьет ключом. Да что деятели, теперь каждый может заказать себе и близким 15 минут славы в «телепрезентах»: сбылось предсказание Энди Уорхолла!

Иначе как отрыжкой прошлой системы не назовешь такие продукты, как, например, детская игра «Светофор». Кому это нужно, кроме чад, которые в ней участвуют и их домочадцев? Редкие попытки «косить» под «центральных» выглядят нелепой пародией, как хотя бы доморощенный «Мужской клуб». Экран порой «коптят» абсолютно безликие люди, которые стараются выглядеть личностями. А журналисты, желающие донести мысль, стремятся в корпункты центральных телеканалов, а то и вовсе в Москву. Работать, а не прозябать в отстое.

Но есть и что-то смотрибельное. Как-то дотягивает до уровня относительного профессионализма молодежный видеоканал «Антенна». Но, на мой взгляд, совершенно неоправдан выход телефонных звонков в прямой эфир. Стоит ли пускать нам пыль в глаза только потому, что ее пускают в Москве! Не лучше ли самим озвучить полученный операторами связи вопрос? И время будет сэкономлено, да и техника у нас не в пример, вероятно, московской. Надо отдать должное и активности коллектива информационной передачи «Махачкала». Шутка ли: ежедневно рассказывать о жилищно-коммунальных бедствиях города. Безусловно, «Экологический вестник Дагестана» заслуженно отмечается на всероссийских конкурсах. Хоть проблема рационального природопользования поднимается на нашем телевидении!

И, тем не менее, на фоне телеканала «Аджария» с его хорошо поставленной корреспондентской сетью и оперативностью, на фоне регионального телеканала «Южный регион» наше ГТРК выглядит ей-богу убого. А ведь было, рассказывают, время (лет 30 назад), когда махачкалинская студия ТВ была одной из лучших на Северном Кавказе. Теряюсь в догадках: зачем нам нужен был «7-й канал», показывающий «Лучшие работы региональных телекомпаний»? Чтоб отвлечь от мысли, что у нас таких «лучших работ» раз-два и обчелся? Очень хочется надеяться, что скоро допотопные мультфильмы и «клипы» с прогуливающимися с веточками в руках поп-дивами местного масштаба (от индийских фильмов не так давно отказались) перестанут перекрывать программу передач центральных телеканалов в самый что ни на есть прайм-тайм.

Хотелось бы, конечно, верить, что вот-вот произойдут какие-то подвижки в лучшую сторону. Появление на нашем ТВ новых людей позволяет надеяться на то, что начнется селекционный отбор тележурналистов, будет целенаправленно проводиться политика регулярного обновления сетки вещания, рождения передач, созвучных времени и по содержанию и по форме. И, как следствие, появится хоть какой-нибудь интерес к продукции ГТРК «Дагестан». В конце концов, сколько можно отстаиваться? Пора развиваться!

Но сомнения остаются. Хотя бы потому, что зарплату телевизионщикам так и не повысили. Деньги, как правило, портят обывателей, а творческих натур, к которым относят себя журналисты, они имеют обыкновение вдохновлять…

P.S. Этот материал был написан в конце октября. Тогда еще не было никаких оснований, чтобы завершать его на мажорной ноте. За прошедшее время «место» поднадоевшего «Актуального интервью» заняла в общем-то неплохая передача «В развитие темы...», появилось ток-шоу «Поживем – увидим». О последнем – поподробнее. Созданный «телевизионной экспериментальной студией», костяк которой составляют студенты отделения журналистики ДГУ, этот продукт сразу же застолбил за собой самое смотрибельное время в программе дагестанских передач. И правильно: щекотливые темы (начали с женской эмансипации и наркомании), эксцентричные ведущие, направляющие ход рассуждений в нужное русло, откровенные высказывания участников передачи, споры не «по сценарию», хорошая работа операторов – все это позволяет выделить ток-шоу «Поживем – увидим» на общем фоне.

Вопреки ожиданиям перемены, которых мы уже устали ждать, кажется, начались?

Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ

(Продолжение. Начало в № 2)

Балзам

Итак, ознакомьтесь с тем, что давно опубликовано. Но не для широкой публики.

1. АРДА-МАЦИАНДРАСАНА

Это упражнение является своего рода уникальным. По-видимому, оно является единственным в мире упражнением, укрепляющим позвоночник посредством извивания (поворотов вправо и влево). У йогов оно называется Багован-Мациандра, поскольку в классическом йога-исполнении оно очень трудно, в Хатха-йога оно включено в виде Арда («полу») мациандра. В течение первого времени вызывает трудности в исполнении у начинающих. Поэтому Смират Кувалайаанда, директор Папавийской исследовательской йога-лаборатории предписывает упрощенный вариант под названием Вакрасана — «извитая поза» — дающий почти тот же эффект.

Рассмотрим сначала упражнение Арда-Мациандрасана.

Техника: сидя, помещаем правую пятку под левое бедро, сгибая ногу до предела в колене. Сгибая левую ногу в колене, ставим ее ступней с наружной стороны правого колена. Правое плечо упирается в наружную часть левого колена и правая рука, опущенная по левой голени, держится за ступню левой ноги в области большого пальца. Затем медленно поворачиваем грудь влево с отведением левой руки за спину и поворотом головы вправо в направлении правой руки. Сосредотачиваем внимание на позвоночнике и, хотя грудь сдавлена, дышим ровным ритмом. Удерживаем это положение до тех пор, пока чувствуем приятность, после чего меняем ноги и делаем упражнение в другую сторону.

Лечебное действие. Как мы уже говорили выше, для полного здоровья позвоночника его нужно упражнять в шести направлениях: вперед, назад, вправо, влево, вращая вправо и вращая влево. При упражнениях Сарвангасана, Халасана, Паши-мотсана и йога-Мудра позвоночник укрепляется при наклоне вперед; Матсиасана, Буянгасана, Саладхасана и Дханурасана укрепляют его путем наклона назад. Арда-Мациандрасана или Вакрасана укрепляют позвоночник поворотами вправо и влево. Эта асана исправляет деформации позвоночника и оказывает полезное действие на всю нервную систему, печень, поджелудочную железу, селезенку, кишечник и почки. Вместе с Буянгасана эта поза может рассматриваться как защита почек от болезней. Кровоснабжение позвоночника и ответвляющихся от него нервов максимально усиливается, вследствие чего упражнение оказывает лечебное и омолаживающее действие на весь организм. Одно из самых полезных упражнений.

2. ПАШИМОТАНА

Техника: лежа на полу, руки вдоль тела. Медленно поднимая руки и опуская их за голову на пол прямыми, делаем полный вдох. Спокойно, медленно выдыхая, садимся и наклоняемся вперед до касания лбом колен, руками держась за лодыжки, прижимая локти к полу, а голову к коленям. Колени прямые. С вдохом садимся и ложимся назад, руки вдоль тела в исходное положение.

Лечебное действие. Прекрасное упражнение для брюшной полости, по эффективности приравнивается к Халасане. Прямые и косые мышцы живота, будучи сокращены до предела, укрепляются и развиваются чрезвычайно. Прекрасно действует на нервы поясницы. Функции нижних конечностей, поясницы и органов таза контролируются нервными центрами и двумя маленькими «плекс I». Пашимотана напрягает и укрепляет эти нервы и одновременно функции остальных. Нарушения работы желудка, печени, селезенки, почек и кишечника предотвращаются. Это упражнение бесценно против катара кишок и запоров. Потеря аппетита и бездеятельность печени и почек вылечивается. Согласно опыту врачей научно-исследовательского института в Индии, развитие диабета и геморроя прекращается и даже излечивается этим упражнением. Намного улучшает функцию половых желез, матки, мочевого пузыря и их нервов, обильно снабжая их кровью. Придает гибкость позвоночнику, удаляет жир с живота и талии, развивает стройные бедра. Для начинающих это упражнение трудное в исполнении, но постепенно гибкость приходит, и мышцы живота укрепляются. Пашимотана справедливо называется йогами «источником энергии и жизненной силы».

3. УДИАНА-БАНДА

Техника: стоя, ноги врозь, туловище слегка наклонено вперед, ладонями упираемся в бедра, колени чуть согнуты. После полного йога-вдоха медленно втягиваем стенку живота, с выдохом поднимая диафрагму живота и втягивая внутренности. Упражнение выполняется лучше, если поясница выпячивается назад, а кисти рук сжимают бедра. Занимаясь усердно, мы приобретаем опыт во «втягивании живота». Упражнение не легкое, так как вначале мышцы плохо поддаются контролю сознания. Однако с необходимой сосредоточенностью упражнение все же можно выполнить. Эта асана — одно из лучших упражнений, но может выполняться только при пустом желудке.

Лечебное действие. Каждое упражнение в большей или в меньшей степени устраняет вялость кишечника. Болезнь аппендицита, как результат катара толстой кишки, излечивается этим упражнением: возбуждается перистальтика, которая приводит в движение содержимое кишки, не давая ему задерживаться излишне, а также тонизируя нервы, иннервиру-

ющие кишки. Является также прекрасным средством против опускания внутренностей.

4. ТРИКОНАСАНА

Техника: стоя, ноги врозь, с полным вдохом поднимаем прямые руки до уровня плеч ладонями вперед. С выдохом медленно наклоняемся в правую сторону до касания пальцами правой руки пальцев правой ноги, левая рука не меняет положения по отношению к туловищу, голова повернута лицом в сторону левой руки (вверх). Медленно с вдохом выпрямиться в исходное положение, руки в стороны. То же проделываем с выдохом влево, выпрямиться с вдохом, руки в стороны. С выдохом руки опустить. Сосредоточение на позвоночнике.

Лечебное действие. Упражняет спину в боковом направлении при попеременном сокращении боковых мышц живота. Позвоночник укрепляется в боковых отделах. Укрепляются мышцы тазобедренного сустава. Полезно после инфекционных заболеваний, так как ускоряет выздоровление, приводя в движение выделенные и растворенные токсически массы. Изгоняются многочисленные скрытые инфекции из организма.

5. БУЯНГАСАНА

Техника: лежа на полу лицом вниз, руки ладонями на полу у плечей. С медленным полным йога-вдохом поднимаем голову как можно выше. Затем, напрягая мышцы спины, поднимаем плечи и грудь все выше и выше и назад без помощи рук. Упираемся руками в пол, чтобы не опускаться. Выполняя упражнение, мы ощущаем, как с подниманием плеч давление в позвоночнике в области шеи спускается по позвоночнику все ниже к пояснице. В последний момент, для лучшего отжимания плеч назад, можно пользоваться руками, но нельзя отрывать область пупка далеко от пола. Задерживаемся в этом положении 5-12 секунд и задерживаем дыхание на это время, после чего с медленным выдохом медленно опускаемся.

Лечебное действие. Во время сохранения положения кобры давление возрастает, а прямые мускулы живота натянуты. В результате обильного притока крови к позвоночнику и симпатическим нервам весь живот и туловище восстанавливаются (регенерируют). При регулярных и прилежных занятиях исправляются искривления позвоночника и его жесткость. Благотворно действует также на спинные и брюшные мышцы, расположенные ниже. Каждый позвонок, связка, сухожилье, мышцы натянуты и побуждаются к работе. Если мы припомним, что из позвоночника выходит 21 пара нервов и что вдоль него расположены оба главных ствола симпатической нервной системы, мы легко сможем понять благотворное действие этой асаны на всю нервную систему. Получая обильный приток крови, восстанавливаются и почки. В Индии эта асана используется, главным образом, для предотвращения образования камней в почках. Во время упражнения кровь выжимается из почек, а при возвращении в исходное положение мощный поток крови вторгается в них и вымывает все отложения. Щитовидная железа возбуждается, все функциональные расстройства ликвидируются. Лица, страдающие гиперфункцией щитовидной железы, не должны применять это упражнение.

Буянгасана, подобно другим асанам йогов, отличается от западных упражнений тем, что упражняющийся должен долго удерживаться в натяжении и именно в этом секрет благотворного действия асаны.

6. САЛАБХАСАНА

Техника: лежа лицом вниз, нос и лоб касаются пола, руки вдоль туловища, кисти сжаты в кулаки. Делаем полный вдох, задерживаем дыхание и, упираясь кулаками в пол, поднимаем как можно выше от пола прямые ноги. Задержав на какое-то время это положение, с выдохом возвращаемся в исходное положение. Сосредоточение внимания на нижних позвонках и тазе.

Лечебное действие. Салабхасана — одно из самых действенных упражнений в борьбе с запорами, возникающими от атонии кишок и слабой функции иннервирующих их нервов. Концентрированное напряжение мышц благотворно действует также и на пищеварительные железы, расположенные вдоль кишечного тракта и увеличивает снабжение кровью слизистой оболочки кишок. Это упражнение сильно напрягает все разгибатели спины, давление в брюшной полости увеличивается и укрепляются нервы поясницы и поясничных позвонков. Это упражнение является лучшим для укрепления мышц спины. Особенно благотворно влияет на очищение и омоложение почек.

7. АРДА-САЛАБХАСАНА

Техника. Выполняется так же, как и предыдущее упражнение, но с попеременным подниманием одной ноги.

Лечебное действие. То же, что и при выполнении Салабхасана, но менее действенное и не требует такого сильного напряжения.

8. ДАНУРАСАНА

Техника: лежа на полу лицом вниз, согнуть ноги пятками к ягодицам и обхватить руками лодыжки. Напряжением спины поднимаем плечи и колени над полом как можно выше, задерживаем это положение как можно дольше. Дышим медленно, сосредоточившись на области таза.

Лечебное действие. Очень возбуждает деятельность эндокринной системы. Укрепляет и усиливает деятельность половых желез. Целебно действует при гипофункции щитовидной железы, начинающейся импотенции, диабете, бесплодии. Как у мужчин, так и у женщин отодвигает критические возрастные признаки половой слабости, долго таким образом действуя омолаживающе. Дети, которым тяжело дается учебный материал, занимаясь ежедневно этим упражнением, повысят умственные способности, стимулируя функцию щитовидной железы, улучшающей деятельность мозга. Действует хорошо на женщин с нарушением менструаций. Энергично сокращая и расслабляя мышцы и тонизируя железы внутренней секреции, предотвращает патологическое ожирение. Действие упражнения усиливается при раскачивании на животе (как пресс-папье). Вначале это трудно, но с наработкой опыта выполнение упражнения достигает совершенства. Для детей сидячего образа жизни это упражнение незаменимо, ибо оно устраняет изнуряющие и утомляющие боли спины и поясницы. Не следует делать это упражнение при гиперфункции щитовидной железы или при увеличенном росте любой другой безпроточной железы. Начинать упражнение нужно осторожно, постепенно увеличивая время удержания позы. Солнечное сплетение наполняется жизненной силой.

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

ПОЭЗИЯ

ПОЗДРАВЛЯЕМ!!!

Народной поэтессе Дагестана Фазу Гамзатовне Алиевой 5 декабря исполнилось...

Но стоит ли подчеркивать возраст женщины? Недаром говорят, что настоящий мужчина никогда не забывает день рождения женщины и никогда не вспоминает год ее рождения. Тем более, если женщина — Поэт, а у Поэта нет возраста в бытовом, житейском, смысле слова — Поэт живет и творит не во времени, а в Вечности. Поэтому 5 декабря за одним столом с Фазу Гамзатовной сидели и Федор Иванович Тютчев, и Афанасий Афанасьевич Фет, галантно родившиеся в один день с нашей именинницей и являющиеся ее поэтическими современниками.

Истинный возраст Поэта определяется его творениями — его стихами и поэмами, повестями и романами. Возраст Поэта — это состояние его души. О состоянии души Фазу Гамзатовны можно судить даже по одним только названиям ее книг: «Резьба по камню», «Голубая дорога», «Восемнадцатая весна», «Вечный огонь», «Роса выпадает на каждую травинку», «Орел точит клюв о камень», «Родники рождаются в горах», «Родовой герб», «Комок земли ветер не унесет», «Письмо в бессмертие», «Мать сирот», «Аварские тосты», «Гора не боится града», «Орлы слетают с гор», «Выбор», «Стихи», «Закон гор», «Избранное», «Нежность», «Пучок мяты», «150 косичек невесты», «Живые легенды», «Корзина спелой вишни», «Восьмой понедельник», «Когда радость в доме», «День добра», «Память», «Целебное слово», «Глаза добра», «Когда взрослеют сыновья», «Горный мед», «Четыре знака», «Тавакал», «Жажда красоты», «Свой почерк», «Звезда судьбы моей», «Два персика», «Голубой дождь», «Учитель»...

Для тех, кто знаком с творчеством Фазу Гамзатовны (а других в Дагестане — нет!), одно это перечисление книг говорит больше, чем любая биографическая справка. Продолжение же биографии Поэта — в предлагаемых вниманию читателей новых стихах Фазу Гамзатовны.

Поздравляем Вас, Фазу Гамзатовна, с очередной восемнадцатой весной и да пребудет радость в Вашем доме!

Фазу АЛИЕВА

Я выплеснула чувства из груди..

Гонимой в пути

Как трудно тропинку в ночи мне найти
Без лунного света, без звездочки яркой
И выйти к восходу —
Гонимой в пути
Бессонницей, словно голодной овчаркой?
Я будто кругами иду, и круги
В безмолвии ночи то уже, то шире.
Куда ни посмотришь, не видно ни зги,
Как будто одна я в неведомом мире.
Удушливый мрак безотрадно свинцов,
И взоры мои эта темень печалит.
Я даже не знаю, за сколько прыжков
Овчарка настигнет меня — и повалит.
И все же я верю: заря впереди,
И встречи с зарею я жду, как подарка, —
Не разорвалось бы только в груди
Скорбящее сердце — лихая овчарка!

Я выплеснула чувства из груди

Я выплеснула чувства из груди —
И сделалась земля теплом богаче,
И всем, кто повстречался мне в пути,
Желала я здоровья и удачи.
Я выплеснула чувства из груди —
И стали благодатными дожди,
И радостными дни, и всем на свете
Желала я добра и долголетья.
Я выплеснула чувства из груди —
И стал мне разговор деревьев слышен,
И небо заалело впереди,
И распустился цвет на ветках вишен.
И, как цыплята в яйцах, в ранний час
Зашевелились лепестки в бутонах
И кончиками листиков зеленых
Коснулись ветра, тихо пробудясь.
Я выплеснула чувства из груди —
И песнями ответили мне птицы,
И, словно россыпь жемчуга в горсти,
Росинки в косах начали искриться.
И в дымке, над скрещением дорог,
Речную гладь позолотив у брода,
Зажегся пробудившийся Восток
Прямым предвестьем ясного восхода.
Я выплеснула чувства из груди —
И солнце мне в дорогу подарило
Надежды, что крылаты, как ладьи,
И силы, что упруги, как ветрила.
И, чуткую печаль в себя вобрав,
В разводах света, в кипении прилива,
Над цепью гор, над празеленью трав
Встающий день я приняла, как диво.

Молчание

Нетрудно петь, когда навалом слов,
Пустых, как обедневшая порода.
Но славлю я поэта, что готов
Воспеть молчанье целого народа.
В томительном безмолвии людей
И силы сдержанной и мыслей много.
Коль долго запрягаешь лошадей,
Длинней и безопаснее дорога.
Являет слово правоту твою,
И в зной поит, и согревает в стужу.
Хорошим словом можно и змею
Из подземелья выманить наружу.
Чем тяжелей молчания печать,
Тем гибельней для правды бездорожье.
Не зря народу велено молчать,
И мне молчать приказывают тоже.

Запоздалая нежность

Растёт в моём сердце,
мираж разгоняя, как дым,
К тебе запоздалая нежность, —
явилось прозренье.
Души моей зеркало
быть перестало кривым,
Реальным в нём сделалось
нынче твоё отраженье.
Всё то, что грубым казалось
в тебе иногда,
Безвольным и жалким,
всё вымыслом было всецело.
Как будто бы спала завеса —
и я без труда

И мягкость, и такт, и сердечность
в тебе разглядела.
Укором немым ты стоишь
у меня на виду,
Улыбка нема,
и глаза отрешенны и немы.
Прости меня, милый!
Я, сгорбившись, молча кладу
В росинках дождя
на могилу твою хризантемы.
Моя запоздалая нежность
тебе ни к чему,
Но в ней для меня —
покаянья целебная сила.
О, если бы, милый,
тебя я при жизни любила
Так сильно, как нынче!
И слез я никак не уйму…

Надежда

Я всё ещё во сне и наяву
Надеждою спасаюсь и живу.
Надеюсь я, что разойдутся тучи
И в голубом просвете над собой
Увижу я чинары над тропой
И снежные подоблачные кручи.
И камень, что давно на сердце лёг,
Растает, как струящийся песок.
Надеюсь, молоток мудрей, чем пуля,
И встанут из развалин города,
И загудят аулы, словно улья,
Вчерашним гудом свадеб и труда.
И цветом яблонь будет даль облита,
И с пастбищ по весне сойдут снега,
И позабудут про сапог бандита
Дурманные альпийские луга.
И с душ падёт усталость, словно плесень,
И все мы станем чище и добрей.
И тихий голос колыбельных песен
Согреет души горских матерей.
Я всё ещё надеюсь — сгинут войны,
Не станет меч висеть над головой.
И люди будут, наконец, спокойны,
Встав поутру, за день грядущий свой.
Но что моя надежда, коль томится
Со мною рядом плачущая мать?
К ней с поля боя сын не возвратится,
Ей незачем надеяться и ждать…

Земля

Зачем меня так яростно, бывало,
Тянуло к небу, к звёздной высоте?
Меридианы я пересекала
И радовалась сбывшейся мечте.
А, между тем, земля куда надёжней,
Хоть много у меня на ней утрат.
Встают кусты вдоль полосы дорожной,
И капельки дождя на них горят.
Они, тревожные вбирая зори,
Становятся, как искорки огня,
Живыми каплями людского горя
И обжигают, падая, меня.
И медленно вхожу я в лес дремучий
И возвожу глаза свои в зенит,
Где солнце сквозь редеющие тучи
На кроны многошумные глядит.
Земля наделена судьбой своею,
И человек надеждою согрет.
Хоть счастья своего я не имею,
Но для меня чужого счастья нет.
Молю, чтобы земля в дороге длинной
Дарила людям солнце и траву.
Земля — моя любовь,
Земля — причина,
Что я на свете всё ещё живу.

Война

По приглашению подруги
На горской свадьбе я была.
Казалось, тут со всей округи
Гостям весёлым нет числа.
И в пляске, жгучей от начала
И милой сердцу, как чирах,
По кругу птицей я летела —
Вся в вологодских кружевах.
О август! Месяц тот погожий
Не зря мы свадебным зовем.
И под ногами молодёжи
Земля ходила ходуном.
Среди всеобщего веселья
Ещё не знал никто в тот час,
Что завтра, в сердце наше целя,
Война обрушится на нас.
И кто бы мог сказать об этом,
Коль, не предчувствуя беды,
Поёт зурна и лунным светом
Облиты тучные сады?
И я не знала на рассвете,
Что судный день уже пришёл
И станут беженцами дети
И женщины окрестных сёл.
Что обездоленной и нищей
Увижу землю я свою
И здесь, на скорбном пепелище,
Я слезы горькие пролью.
Не знала я на зорьке алой,
Что нам назначено судьбой —
Что время подвигов настало
И ждёт джигитов смертный бой.
Не знала я, что гнев жестокий,
Предательство и плач сирот,
Подобно трещине глубокой,
По сердцу моему пройдёт.
В лихую пору испытанья
Ты, Дагестан, родимый край,
Прими в любви моей признанья
И руку мне на верность дай.
Клянусь, слова мои не лживы, —
Я присягнуть тебе могу,
Что до тех пор, пока мы живы,
Не отдадим тебя врагу.

Не говори

Не говори мне, что стареешь ты,
Ты — словно русло солнечной дороги,
Ведущей вдаль, где трудно, но в итоге
Сбываются желанья и мечты.
Восходят из тебя ширококрыло
Рассветы, отводящие беду.
Есть в жизни у меня своё мерило,
Я с прошлым в настоящее иду.
От века горы — в руслах белоснежных
Дорог, стремящихся в первозданный бег.
И мы в трудах и бурях неизбежных
Качаемся, как на стремнине рек.
Есть в жизни у меня своё мерило,
Я с нынешним в грядущее иду.
И верю я в счастливую звезду,
Которая всегда мне свет дарила.
Не говори мне, что стареешь ты, —
Пусть годы пролетают, как минуты,
Ни козни не коснулись нас, ни смуты,
И мы душой по-прежнему чисты.

Птица

Не знаю я, как птицу эту звать,
Но перья птицы — радуге под стать.
Мгновение назад легко и смело
Она, кружась над нами, песню пела.
Теперь она лежит передо мной,
Зрачки до невозможности расширив,
Припав всем тельцем к роздыми земной
И раненые крылья растопырив.
И словно шепчет глядя на меня,
О прошлом вспоминая, как о чуде:
— Ведь это же для вас при свете дня
Заветную я песню пела, люди.
Земля в огне, идет жестокий бой,
От крови зори дымны и багряны.
И падают деревья, за собой
Воронки оставляя, точно раны.
Подбитой птицей, точно в полусне,
Лежу я на земле, на поле боя.
Какой полёт, когда мой край в огне
И чёрным стало небо голубое?

Мои имена

Как много было у меня имён!
Твоя любовь рождала их вседневно.
Они звучали нежно и напевно,
Их добрый свет был для меня зажжён.
Они могли бы с радугой сравниться,
Они летели прямо в душу мне,
Как легкие, заливистые птицы,
Слагающие песни по весне.
Когда на службу в яркоцветном платье,
Платок набросив, уходила я,
Ты, на меня влюблённым взором глядя,
Твердил вдогонку:
— Ласточка моя!
Когда порою с длинною косою
Возилась я у зеркала без сил,
Ты, зачарованно следя за мною:
— Моя русалка! —
Вслух произносил.
Когда к гостям с высокой и мудрёной
Прической выходила я:
— Какая королева без короны! —
Ты улыбался, счастья не тая.
Когда танцуя на аульском тое,
Я в круг входила, полная огня,
Ты белой лебедью, в сторонке стоя,
Именовал восторженно меня…
Те имена навек с собой унёс ты,
И молча я тяжёлый крест несу.
Теперь зовусь я буднично и просто —
То бабушкой, то мамой, то Фазу.
А имена, которыми когда-то
Меня ты называл столь торовато,
Которые забыть я не могу,
Стучат мне в душу,
чтоб к теплу пробиться,
Как сирые и жалкие синицы,
Что обречённо стонут на снегу.

Перевод с аварского
Якова СЕРПИНА

К 70-летию

Его слово — это знак и образ

Есть поэты, которые с первой же книги демонстрируют зрелость и в дальнейшем ее не теряют. Известность и признание для них не так важны, как творческий процесс, для них важны выбор поэтической цели, выбор слова. Что становится их этической и эстетической программой. Острота их переживаний, внутреннее напряжение приобретают в слове как бы второе дыхание.

Основательность, взвешенность мыслей и чувств не разрешают поэту расслабиться в легкой славе, мгновенной удаче, заставляют искать другие, неизведанные, пути, обновляя поэтический язык и образы. Такие поэты сдержанны, но в то же время неожиданны:

Смотрю на смерть спокойно,
как мужчина,
Меня волнует лишь ее причина.
А что до смерти, то, как говорится,
Пускай она сама меня боится.

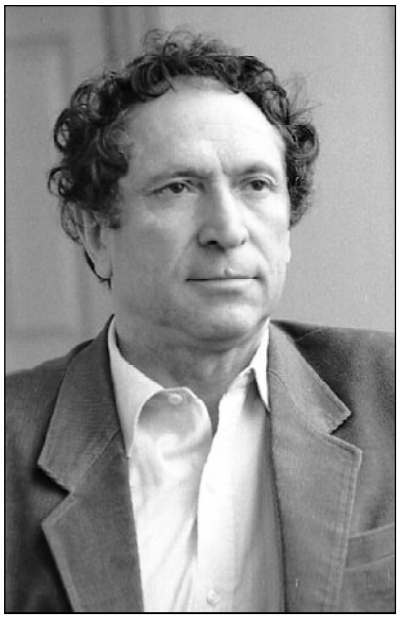
Ведь это сказано о смерти! И с таким достоинством, что этому покою и умиротворенности невольно позавидуешь.

Я говорю здесь об аварском поэте, народном поэте Дагестана Магомеде Абасиле, которому в этом году исполнилось 70.

Тема жизни и смерти, как и время, вечная тема поэзии.

Вечные темы — трудные темы. Поэтому их и называют вечными. Отклик на какое-то событие сегодняшнего дня может быть мгновенным, летящим, как бабочка на огонь, и умирающим мгновенно.

Но если сюжет мысли и чувства в поэтическом произведении становится памятью, частью человеческой души, если творческие интересы соприкасаются с жизнью, если в слове сливаются прошлое и настоящее, поэт остается навсегда. В этом его счастье.



Магомед Абасил близок именно к таким поэтам:

Мой скромен дар.
Но верный мой Пегас
Своим путем летит на свой Парнас.
Где жизнь подступит
к сердцу и глазам,
Где свой шалаш себе построю сам.

Это не пустые строки, в них — узнавание себя и своего слова.

Творческое поведение поэта определяется его отношением к себе и слову, к себе и родине. Все сокровенное выражается сдержанно и спокойно, в поэте живет уверенность в своей правоте:

Останутся стихи.
И среди них,
Возможно, будут
И два-три моих.

Вдумчивый читатель поймет серьезность этих слов. Магомед Абасил — поэт. И поэт настоящий. Этим он и интересен.

Магомед АХМЕДОВ

Магомед АБАСИЛ

Ночная лампада горит на столе...

Сказание о клочке пахотной земли

В горах Дагестана у отчих могил
Старик в позаброшенном хуторе жил.
Был гол как сокол, и к тому же угрюм
От вечных забот и безрадостных дум.

И стало бы жить бедолаге невмочь,
Когда б не его раскрасавица дочь,
Что диким шиповником вдруг расцвела
И старость суровую скрасить смогла.

Молва полетела быстрей скакуна
О том, что не только пригожа она,
Но к прелестям прочим еще и мудра —
К врагу непреклонна, а к другу добра.

Еще говорили, что будто бы ей
Понятно наречие птиц и зверей,
К тому же хозяйка она хоть куда —
Нашлись только б в сакле огонь да вода.

Напрасно торопят рассвет петухи,
В окрестных аулах не спят женихи.
Четыре отца четверых сыновей
Все разом решили посвататься к ней.

Приехали в хутор и в саклю вошли,
И речь о джигитах своих завели:
Мол, каждый из них и силен, и богат,
И видеть женою красавицу рад.

А сват, что постарше был прочих других,
Воскликнул:
— Чем сын мой тебе не жених!
Я сад ему старый оставить готов,
В котором не счесть золотистых плодов.

И следующий сват обещал молодым
За брачную сделку дать щедрый калым —
Семь ульев пчелиных один к одному,
Чтоб мятными сотами пахло в дому.

— А мне, —
стал бахвалиться третий отец, —
Для сына не жалко отары овец,

Чтоб мясо кипело на жарком огне
На зависть соседям, на радость жене!

Четвертый же сват на посулы был скуп:
— Мой сын небогат да и норовом груб.
Но дать я ему, все что нажил, готов —
Земли десятину да пару быков.

Умолкли сваты… И хозяин тогда
Сказал: — Не неволил я дочь никогда
И на душу брать не желаю греха —
Пускай выбирает сама жениха.

Вздохнула красавица: — Что ж, баркала,
Из всех одного я уже предпочла.
Но прежде скажу не в обиду другим,
Что каждый достоин быть мужем моим.

Осенней порою люблю я сады,
Когда созревают под солнцем плоды.
Да только без хлеба какой от них прок?
Уж лучше вчерашней краюхи кусок.

И соты пчелиные нравятся мне,
А слитки душистого меда вдвойне.
Но вот тут какая таится беда —
Без хлеба не ела я мед никогда.

И свежее мясо в кипящем котле
Порадует глаз на хозяйском столе.
Но сытости нет от похлебки мясной,
Когда не найдешь
в ней приправы мучной.

Я выросла в бедности и оттого
Мне с самого детства дороже всего
Простого пшеничного хлеба кусок
Да соли щепотка, да лука пучок.

— Ну что же,
и впрямь твоя дочка мудра, —
Вздохнули сваты и пошли со двора…
А пахарь счастливый коня подстегнул
И с юной женой возвратился в аул.

С тех пор в нашем горном краю говорят:
Кто с хлебом не ссорится, тот и богат.
Недаром же выбрала дочь бедняка
Такого, как надо, себе жениха.

* * *

Шесть строк, как шестеро сестер,
Глаз не смыкая до рассвета,
Соткут невиданный узор
Из серых ниток неприметных.

Так и поэт из слов простых
Слагает свой бессмертный стих.

Кинжал

В серебряных ножнах висит на стене
Старинный кавказский кинжал.
С тех пор, как погиб мой отец на войне.
Никто его в руки не брал.

Я слышал от мамы, что в юности дед
Быка променял на клинок,
И, прежде чем сыну отдать, много лет
Лелеял его и берег.
И вот он не нужен теперь никому,
Пылится на старом ковре…
Порою малыш мой подходит к нему,
Чтоб редкий узор рассмотреть.

И снова во двор к ребятишкам бежит
С пластмассовой саблей своей,
А старый кинжал без движенья висит,
Как будто попал он в музей.

* * *

Солнце щедрее в соленых долинах,
Зреют плоды под лучами его.
Только на горных далеких вершинах
Нет, кроме вечных снегов, ничего.

Солнце для целого мира одно,
Только по-разному греет оно.

Горный тур

Горный тур на вершине родился,
Пеленали его облака,
И орел, что на скалах гнездился,
Не смотрел на него свысока.

Его речка баюкала нежно,
И туман приносил молоко,
Синим вечером ветер мятежный
Говорил ему сказки тайком.

Но когда стало тесно в ущелье,
Он отправился вниз кочевать,
Чтоб среди каменистых расщелин
Молодую траву отыскать.

И ни в чем он не ведал преграды
На тропе своей жизни крутой.
Охранял беспокойное стадо
Его гордый и горний покой.

Но когда эта сила иссякла,
Он вернулся к вершине своей,
И она, будто отчая сакля,
Скрыла слабость его от людей.

И, завидуя вещей кончине,
Я познал этой жизни секрет —
Умереть на суровой вершине,
Где когда-то родился на свет.

Новый год

Опять уходит старый год,
Чтоб новому дать место,
И родина моя цветет,
Как юная невеста.

Принарядились в белый шелк
Задумчивые горы,
И говор быстрых речек смолк
Под ледяным узором.

И бархатною бахромой
Окутались деревья,
И воздух зазвенел зурной
В заснеженных деревнях.

Все празднуют приход его
Радушно и сердечно.
И не пугает никого,
Что время быстротечно.

Зачем грустить, что жизнь пройдет
Чарующим обманом,
Когда приходит новый год,
Как будто гость желанный.

Ночная лампада

Ночная лампада горит на столе,
Дрожит огонек, отраженный в стекле.
В минуты, когда электричества нет,
Спасает от скуки таинственный свет.

Бумага белеет, как снег за окном,
И сказки рождаются в сердце моем.
Как капельки воска, чудесны они,
Печальны, как прошлого нашего дни.

Быть может, когда-то при свете таком
Шамиль размышлял о народе своем.
И жадный наиб свой предательский след
Хотел заглушить звоном царских монет.

Быть может, Махмуд при такой же свече
Дремал у прекрасной Муи на плече
И песни слагал в полумраке ночном,
Что стольких красавиц терзали потом.

Ночная лампада горит на столе,
Дрожит огонек, отраженный в стекле.
И сердце летит мотыльком на огонь,
И пальцы любимой сжигают ладонь.

Но брезжит уже за окошком заря,
Холодная, словно душа января.
И все возвращается вдруг на места.
И комната снова без сказок пуста.

И нету любимой, как пламя свечи
Лишь только ладони еще горячи
От нежного прикосновенья мечты,
Но вьюга ее заметает следы.

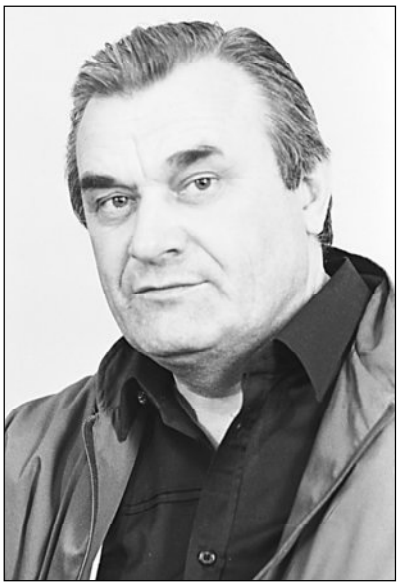
Перевод с аварского
М. АХМЕДОВОЙ-КОЛЮБАКИНОЙ

Владимир НОСОВ

ПРОЗА

Акватория души

Повесть



(Печатается в сокращении)

Санька увидел открытую водную гладь порта, называемую акваторией, и залюбовался необыкновенной картиной. Это было, как в кино: по спокойной поверхности бухты сновали буксировщики, они тащили за собою огромные пароходы; у причальных стенок стояли сухогрузы, наливные и рыболовные баржи; работали, поводя изогнутыми шеями, портальные краны…

В отделе кадров его направили к мастеру котельного цеха.

В конторке Степана Степановича не было. Санька принялся рассматривать плакаты на стенах. Когда это надоело, стал вспоминать, как ходил к маме в больницу… И тут в конторку вошел человек, длинный, тощий и рыжий. Санька угадал в нем мастера Никудышкина и встал.

— Здравствуйте!

Мастер окинул его оценивающим взглядом, положил руку на Санькино плечо и слегка встряхнул, проверяя, какова у парня сила.

— Рослый, однако маленько тонковат… Но — ничего! У нас быстро мужчинами становятся. Окрепнешь. Как тебя?

— Саня… Александр Багулов.

— Ну, вот что, Саня Багулов, я «требование» выпишу, а ты пойдешь на склад и получишь спецовку.

Когда Санька получил спецовку — грубую брезентовую робу, яловые ботинки, пару брезентовых рукавиц — и, переодевшись, снова зашел к мастеру, тот опять потряс за плечо, откровенно пощупал мускулы. Санька повел плечом, хмурясь.

— Ты не обижайся! — сказал мастер, глядя на него в раздумье. — Успел где-нибудь поработать… или как?

— В Ботлихе… мотористом инкубаторной станции.

— Наше, котельное дело — совсем другое, это работа с железом. Тяжелая работа. А главный инструмент — кувалда. Ну да ладно, не ты первый…

Они прошли территорию судоремзавода, миновали рыбный порт и вышли к открытым докам Южного мола. Здесь третий год стоял на деревянных стапелях «Ижорец» — рейдовый баркас, на котором заменили все до последнего шпангоута, прежними остались только паровой котел и машина. Оставалось произвести клепку швов, используя старую технологию. Идея сохранить «Ижорец» в первозданном вида увлекла всех. Клепкой на заводе — в таком солидном объеме — не занимались уже лет двадцать. И теперь металлический корпус судна издавал такой грохот, что впору было затыкать уши.

Они поднялись по трапу на палубу «Ижорца» и столкнулись с пожилым кряжистым рабочим в толстенной брезентовой робе. Он был похож на водолаза в скафандре.

— Как поживаешь, Гордеич? — поздоровался мастер.

Тот махнул рукой:

— Аки овн среди хищников.

— Вот, ученика тебе привел, — Никудышкин подтолкнул Саньку. — Александр Багулов. Прошу любить и жаловать…

— У нас бригадир есть, — возразил Гордеич. — Работа у нас больно тяжелая… грязная. Не всем по нутру... Ну да ладно. Айда в трюм: сам себя покажет.

К вечеру Санька валился с ног. С самого утра его ощупывали, осматривали, пробовали на упругость мышцы. Он устал не от кувалды, которую ему вручил Гордеич, а от волнений.

Идя с работы, Санька повстречал Лелю Старкову. Увидев его, она всплеснула руками:

— Саня, милый, где ты пропадал столько времени!

Она всегда была как бы с перепугу, и теперь в огромных зеленых глазах ее светились испуг и вопрос, который требовал ответа.

Прежде он любил бывать у них: и родители, и их дочери любили устраивать вечера с музыкой и танцами. Отец Лели, Виталий Архипович, сам великолепный танцор, привез после войны кучу трофейных пластинок. А под вальсы Вайтейфеля они кружились до упаду.

— Саня, ты сегодня же, слышишь — сегодня — придешь к нам. Ты и представить не можешь, как обрадуешь папу!

Виталий Архипович встретил Саньку, как родного сына. Зика, сестра Лели, была уже совсем взрослая девушка, Санька побаивался ее. Насмешливая, она молчаливого Саньку прозвала Мыслителем. Не преминула объявить появление Саньки возвращением блудного сына. Узнав же, что он теперь работает на судоремонтном заводе, окрестила его «гегемоном».

— Ты стал рабочим человеком, — сказал Виталий Архипович, когда все сели за стол. Произнося свой тост, он поглядывал, чуть сведя брови, на Зику, как бы предупреждая, что сейчас ее замечания не к месту. — Давайте выпьем за Саню, пусть ему сопутствует удача!

После нескольких рюмок наливки все развеселились, завязался оживленный разговор, а затем начались танцы. Виталий Архипович включил радиолу и пригласил на первый вальс свою супругу. Санька, неожиданно для всех, встал перед Зикой, чуть наклонив голову. Зика скривила губы в усмешке, но охотно отозвалась на приглашение.

Идя к дивану после вальса, Зика держала Санькины пальцы, будто не желая отпускать его от себя. Но не успели они сесть, как зазвучало танго, и Виталий Архипович объявил «белый» танец. К ним подбежала Леля и схватила Саньку за руку, которую держала Зика. Это уже было соперничество. А после танца Леля увела Саньку в девичью комнату, села напротив и стала рассказывать, как переполошилась вся школа, когда он неожиданно уехал в горы, бросив школу чуть ли не в последние дни учебного года.

— Классная была в шоке! Кто-то говорил, Багулов совершил мужской поступок, кто-то возражал — не мужской, а глупый. Что геройского — остаться недоучкой? И спорили: если человек решил помочь семье, а учебу завершит в вечерней школе — разве это не поступок! А потом, — продолжила Леля, наклоняясь к Саньке и переходя на шепот, — случилось еще ЧП! Ну, случай с Нинкой Коробковой… В левом ряду сидела за третьей партой, у окна… Помнишь, еще при тебе объявили лозунг: комсомольцы-отличники, возьмем отстающих на буксир! Коробочке достался Серов. Помнишь Васю Серова? Он ходил к ней заниматься по физике… А потом выяснилось, что… Коробочка беременна!

Саньку удивило, что Леля так смело говорит с ним о таких вещах. Или его сверстники заметно повзрослели, пока он там, «в своих горах», по словам Лели, оставался восьмиклассником и мальчишкой…

Через несколько дней во время перекура Гордеич заговорил о том, каким

был порт в ту пору, когда он так же, вроде его, Саньки, начинал учеником котельщика. Тогда, сорок лет назад, картина была другая. Без портальных кранов, без этих, шныряющих туда-сюда, автопогрузчиков, без нынешних красавцев-рефрежераторов. У причалов рыбного порта теснились деревянные — черные от копоти — баркасы. Вместо кранов — амбалы тянулись по сходням вереницей туда и обратно. Сколько в порту побывало судов, сколько моряков заходило сюда! Иные вместе со своими судами списались на берег. Как вон тот сухогруз «Судак», что теперь служит дополнительным причалом. Знаменит «Судак» тем, что капитан, начинавший плавать на нем юнгой, выйдя на пенсию в одно время с пароходом, не сошел на берег, а по сей день живет в капитанской каюте.

— У него что, дома нет? — удивился Санька.

— Стало быть, нет, если на старой посудине который год живет.

— Разве так бывает?

— Бывает и того чудней, — равнодушно отвечал Гордеич. — Не зря говорят, жизнь чуднее вымысла.

«Судак» с его необычным капитаном не выходили из головы Саньки, его тянуло к этому судну как магнитом. В свободное время он не раз поднимался на его палубу, где с утра до ночи сновали люди: моряки, грузчики, ремонтники, в таких же робах, как у Саньки. Хоть весь день торчи на проржавевшей посудине — никто слова не скажет. Он приходил сюда и до начала работы, и во время обеда.

Но больше всего Саньку волновала судьба старого капитана…

Однажды он увидел его…

Они с Гордеичем проходили мимо, направляясь в портовскую столовую, и Санька увидел, как распахнулась железная дверь рубки, из нее вышел среднего роста плотный человек в полной форме капитана первого ранга. Крупное мясистое лицо, тяжелый нос, массивный подбородок. Облик капитана с лихвой соответствовал облику старого морского волка, каких описывают в романах, показывают в кино. Санька смотрел на моряка во все глаза. Тот, спустившись по трапу на пирс, пошел им навстречу. Суровое лицо было застывшим. Словно маска, если бы не глаза. В глазах капитана отражалась непреклонная воля. В них был такой заряд энергии, что, казалось, задержи он взгляд на каком-нибудь предмете, то непременно произойдет возгорание. «Здрав-вствуйте!» — пролепетал Санька, когда капитан проходил мимо. «Здравствуй, мальчик», — бесстрастно ответил моряк.

— Видал, каков! — сказал Гордеич. — Такому поперек не становись — сомнет!

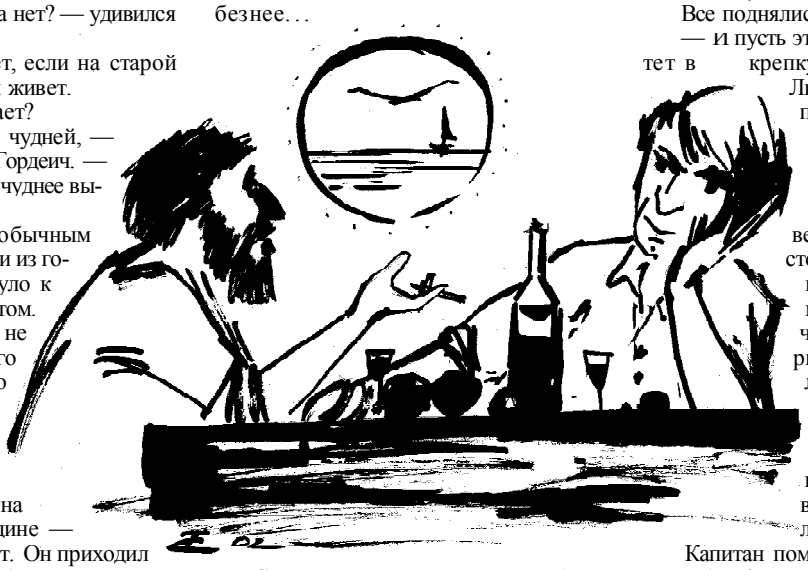
Вечером следующего дня Санька оказался в гостях у хозяина «Судака». Случай представился необыкновенный. Прав был Гордеич: жизнь чуднее вымысла.

После работы, выйдя из ворот, он остановился, очарованный разукрашенной огнями акваторией, и тут его окликнул задорный девичий голос:

— Эй, красавчик!

Неподалеку стояли две девушки. Они были коротко, по-мальчишески острижены, одеты в коротенькие юбочки и какие-то замысловатые кофточки из прозрачной материи, чем резко выделялись среди портового люда. Та, что повыше — смелее, развязнее — помахала рукой:

— Ну, подойди к нам! — И когда Санька приблизился, игриво сказала: — Нехорошо не признавать знакомых, в больнице ты был любезнее…



Санька вспомнил: он видел ее в больнице, когда посещал маму. Она тоже была в палате больных тифом. Но какой разительный контраст: больничный халат и короткая юбка. Даже чуть отросшие волосы в сочетании с ней делали ее такой красавицей, какой он никогда не видел. Девушка поняла причину его ошалелости и улыбнулась улыбкой женщины, сознающей свою красоту. Если бы не этот ее развязный тон…

— Лида, — обратилась она к подруге, — оказывается, он здесь работает. Может, пригласим его с собой? Я — Женя. — Она протянула ему маленькую ладошку. — А это, — она кивнула на подругу, — Лида.

Обе девушки были старше него. Лиде двадцать лет, Жене — двадцать два. Женя, видно, обладала сильным характером. Санька покорился, не рассуждая.

Она привела их на корму «Судака», к той палубной надстройке, из которой вчера в полдень появился старый капитан. Решительно отворила тяжелую металлическую дверь и пошла вперед. Зарешеченный плафон, вмонтированный в переборку над дверью, освещал матовым светом низкий давящий потолок и верхнюю часть коридора. Подойдя к последней двери слева, Женя постучала в нее условной, очевидно, морзянкой: точка-тире-точка. Дверь распахнулась — и Санька увидел старого капитана. Без строгого кителя, внушительной фуражки он не был таким суровым и загадочным. Лысина на его крупной голове начиналась от макушки, а мягкий свободный свитер, спортивные брюки делали его совсем домашним.

Девчонки сели на диван, а Санька на стул, пристроив его сбоку, где сидела Женя. Капитан извлек из шкафчика маленькие граненые стаканчики, подул в них, а потом наполнил коньяком из бутылки, стоявшей на столе. Первый — Жене, второй — Лиде, потом — Саньке. Санька никогда прежде коньяк не пил.

— За знакомство! — поднял свой стаканчик капитан.

— За приятное знакомство, — добавила Женя, глядя на Саньку и улыбаясь.

Все поднялись, встал и Санька.

— И пусть это знакомство перерастет в крепкую дружбу, — сказала Лида и сделала глазки капитану.

Санька почувствовал, как крепкий напиток теплом разлился по -сему телу, почти мгновенно приведя его в состояние легкости. То же произошло с его мыслями: скованность улетучилась, захотелось говорить, в ответ что-то услышать. О капитане особенно.

— Назим Вартанович, — Санька смотрел на хозяина каюты во все глаза, — вы попадали в сильный шторм?

Капитан помолчал, улыбка тронула его губы. Кивнул большой головой.

— Каждый, кто ходит на Каспии, попадает в шторм, и не раз. Наше море — самое неспокойное на свете: двести пятьдесят дней в году штормовые!

— А вас на камни не выбрасывало?

Снисходительная улыбка преобразила моряка.

— Когда-нибудь я расскажу о море. Я знаю много, можешь поверить на слово. — Он взглянул на Саньку: этот любопытный мальчик все больше ему нравился. — Но мы сбились с курса! — Назим Вартанович наполнил стаканчики. — Давайте выпьем за то, чтобы волна всегда была встречной, — и подмигнул Саньке. — В шторме тоже есть своя прелесть…

По-настоящему сбился с курса в тот вечер Санька. После того, как капитан достал из стенного шкафа новую бутылку, затем еще одну, Санька стал «плавать» по каюте, все время пытаясь сесть рядом с Женей.

— Да он совсем салажонок! — улыбался капитан. — Посмотрите-ка, сейчас будет травить!

Действительно, Саньку страшно мутило. Вид у него был смешной и жалкий.

— Я позабочусь о нем! — смеялась Женя. — Каюта рядом не заперта? Его надо уложить баиньки…

Соседняя каюта была поменьше, но

оборудована, как и капитанская: с диваном, столом, встроенными шкафами. Капитан уложил Саньку на диван, Женя, пришедшая следом, села в ногах.

— Я посижу с этим мямлей, — смеялась она, — с этим глупым красавчиком. А ты, кэп, позаботься о Лиде. Весь вечер никто не уделяет внимания бедной девочке.

— Ты останешься с ним? — удивляясь ее решению, спросил капитан.

— Да!

Санька, словно тяжелобольной, стонал во сне, просил пить. К его губам прикладывали что-то холодное и влажное. Он тянул в себя влагу, прохладную, живительную. Тело его постепенно возвращалось к жизни. Но жажда не прекращалась, и он тянул и тянул воду, задыхаясь, захлебываясь, она текла по губам, подбородку, шее, заливала грудь, приятно охлаждая.

— Ну и сушняк у тебя, миленький!

Женя поставила чайник на пол, вытянулась рядом, улыбаясь чему-то.

Санька почувствовал необычную свободу неприкрытого, обнаженного тела. Да он — голый! Нащупав в ногах какое-то покрывало, натянул его на себя, стал припоминать, как он очутился здесь, в этой каюте, что происходило ночью. Но ясно помнил только начало, дальше — провал, смутные обрывки то ли больной яви, то ли кошмарного сна.

Рассвет вкрадчиво заглянул в иллюминатор, неясно высвечивал каюту. Женя, светясь в сумерках своей наготой, поднялась с дивана и стала перед ним, совсем близко: он мог прикоснуться к этому светящемуся телу, не вытягивая руки. Впервые он видел рядом обнаженную женщину, и она позволяла смотреть на себя, предлагала наслаждаться ее наготой. Он провел по ее бедру подрагивающими пальцами. Кожа была нежной, шелковистой, от нее исходило тепло, которое передалось его руке и дальше, к сердцу, накрепко перехватив дыхание…

Он вскочил и принялся торопливо, путаясь, натягивать на себя одежду. А она сидела голая на диване, подтянув одно колено к подбородку и качая свободной ногой: «Ах, мужчины, мужчины... Получив свое, они думают только об одном: как бы поскорее удрать. Малодушные, противные типы! Впрочем, этот еще ребенок, Может, я у него первая? Хорошо, что ночью он не звал маму…»

— Извините, пожалуйста… — он был робок, растерян.

— Ты что, так и уйдешь, не поцеловав меня? — Она поднялась с дивана, а он сжался в комок, даже сердце, кажется, остановилось. Она потянула к нему губы, прикрыв глаза. Он зажмурился, ткнулся носом ей в ухо, боясь дотронуться до нее руками, и заторопился к двери.

— Подожди! — окликнула она. — Когда мы увидимся?

— Я… не знаю… Простите, пожалуйста, — и, открыв дверь, он выскочил в коридор.

Ни один праздник — ни революционный, ни престольный, ни профессиональный, скажем, не отмечается с такою радостью, как день зарплаты. В этот день заводской люд преображается: каждый понимает, что нынче на законном основании выпьет с товарищами. И не просто выпьет, а попразднует от души.

Саньке о празднике души предстояло узнать в его первую получку. Гордеич сотоварищи поглядывали на него с хитрецой, перемигивались. Гордеич наконец заговорил:

— Я говорю, ты у нас, Санек, вроде как именинник сегодня.

Санька не понял намека.

— Я говорю, ты, Санек, вроде как именинник сегодня, — повторил Гордеич. — Всякий новый человек в бригаде должен обмыть первую получку.

— Я н-не знаю… — сказал Санька. — Как скажете…

— Тут и знать нечего. Идем, стало, всей бригадой…

В двух кварталах от завода спокон веку существовал уютный подвал, со столами и табуретами, широкой крашеной доской вдоль стены. В дни зарплаты подвал набивался битком. У Садыки-аги, хозяина, всегда в продаже пиво и водка, на закуску жареный судак, атлантическая сельдь холодного копчения. Можно и для дома купить гостинцы: печенье, конфеты, шоколад.

Помещение с двумя маленькими окнами показалось Саньке неуютным, тесным, смрадным. Даже голова закружилась. Ему захотелось наружу, но Гордеич, пока спускались вниз по ступеням, легонько подталкивал его в спину.

Взяли две бутылки водки, четыре кружки пива, четыре порции жареной рыбы. Санька, помогая бригадиру, носил алюминиевые тарелки, кружки с пивом. Остальные сидели именинниками, благодушно взирая на все, что происходило вокруг: на прилавки вдоль стен, буфетную стойку, на человека за буфетной стойкой. Санька заметил, с каким почтением относятся к нему посетители. Каждый здесь знал свою норму и пил так, чтоб не до сшибу. Тех, кто перебарщивал, начинал мешать другим, сообща приводили в чувство. А к самым несговорчивым выходил из-за стойки сам Садыки-ага.

Гордеич выстроил стаканы в ряд, впритык один к другому и, наклонив голову и прищурясь, стал разливать, водя горлышко над всеми четырьмя стаканами: туда-сюда… Жидкость в стаканах оказалась точно на одном уровне, будто стаканы сообщались. Гордеич поставил перед каждым по стакану, поднял свой:

— Выпьем, стало, за нового рабочего. Парень он хороший, толковый, послушный. Чую я, дельный котельщик из него получится…

— За это и выпьем, — поддержал бригадирю.

— За тебя, Саня, — кивнули остальные.

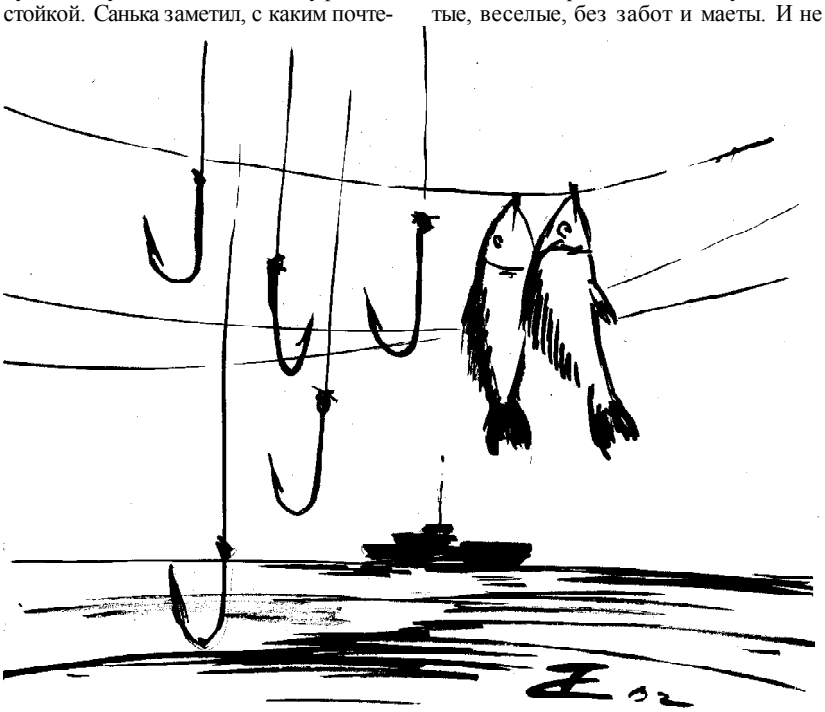
Выпили одновременно — коллективная привычка все делать бригадой. Санька тянул водку, косясь на товарищей, не хотел отставать или опрокидывать свой стакан прежде других. Разобрали кружки с пивом, с минуту молча сосали из них. Саня все делал, как товарищи.

Выпили по второй. Говорили о работе, о том, как побыстрее разделаться с «Ижорцем». Гордеич, тяжело навалившись на стол, предостерегал Саньку:

— Ты с ними поосторожнее, с бабами…

Он догадывался, что на вечеринке, после которой Санька опоздал на работу, ему стало дурно, и не обошлось без девок, портовых шлюх.

— Они созданы на нашу погибель… — объяснял Гордеич. — Ты думал, отчего люди мучаются? Не знаешь? Вас в школах этому не учат. Мучаемся мы через Евин грех. Если бы не она, баба-дура, мы бы жили среди эдемовых кущей, сытые, веселые, без забот и маеты. И не



идут мужчине наперекор… и здравому смыслу. Ты ей — слово, она в ответ — десять…

Санька вспомнил короткий сезон в Ботлихе, юную учительницу Нину, кроткую и нежную, и ему стало грустно и больно. Потом подумал о Старковых, и ему захотелось увидеть их. Но как поступить вернее: сразу отдать деньги бригадиру за нынешний праздник — стол-то за его счет. А вдруг скажут: уходит от нас, брезгует.

— Ты чего? — спросил Гордеич.

Санька не знал, как сказать.

— Может, тебе идти надо? — сказал Гордеич. — Так ты скажи, не стесняйся.

— Да ведь мы обмываем…

— А мы, стало, по-другому решили… У тебя мать в больнице, ей поддержка нужна… фрукты. Вот, стало, праздник — за наш счет…. Ты иди со спокойной душой. А мы еще посидим по-нашенски, по-стариковски…

Через час Санька нажал кнопку звонка усадьбы Старковых.

В окнах горел свет. После звонка в крайнем слева окне — девичьей комнате — отклонилась занавеска, кто-то пытался разглядеть гостя у калитки. Затем на крыльцо вышел Виталий Архипович, и Санька, отворив калитку, направился к нему.

— А-а, Александр! Очень рад! Как хорошо, за стол садимся, вместе и поужинаем!

Девчонки встретили его в гостиной.

Виталий Архипович сообщил весело, что у них сегодня пирушка по случаю приобретения граммофонной пластинки с записью Второго концерта Рахманинова. Праздничный ужин с пивом! Потом они будут слушать концерт, а потом будут танцы под радиолу.

Всегда застенчиво-молчаливый, Санька разговорился за столом, сказал, что сегодня уже пил пиво… и водку: они всей бригадой отмечали его первую получку.

— Это такая рабочая традиция, — пояснил он, немножко гордясь собой.

— Традиция гегемонов! — съязвила Зика.

А один из гостей, Зиновий Александрович, друг ее отца, вдруг стал серьезно говорить, что пока интеллигентный слой общества будет в загоне, никакого прогресса, тем паче демократии, ожидать не следует, а Россия растеряет все, что накапливала веками. И стал предрекать стране гибель, если гегемоны будут продолжать оставаться у власти.

Саньке стало не по себе. Втянув голову в плечи, он виновато поглядывал на девчонок. Все понимали бестактность гостя и чувствовали себя неловко. Затянувшуюся паузу нарушила Леля. Поднявшись из-за стола, она сказала:

— Я давно хотела показать Сане наш сад в лунный вечер, — и протянула ему руку. — Пойдем, пойдем!

— А… Рахманинов? — спросила Зика.

— Мы потом послушаем, — вызывающе ответила Леля. — Сами.

Луна заливала мир космическим светом. Небо было чистым, без единого облачка, но звезды при яркой луне мерцали, едва заметные. Зато четко вырисовывались горы, а все окрест было загадочным, хотя и узнаваемым. У Саньки голова пошла кругом.

Леля направилась в глубь сада, продолжая держать его за руку, привела к беседке. Они сели рядом, он чувствовал ее горячее тело своим плечом. Леля вложила Санькину ладонь в свою, прикрыла сверху второй ладошкой, словно согревая, и держала так, разговаривая. Тепло ее рук передавалось ему приливами: то резкими, то замедленными, иногда подкатывая к самому сердцу. Ему становилось жарко и душно так, что он хватал воздух открытым ртом.

— А знаешь, Саня, пока ты был в горах, со мной приключилась необычная история, — сказала она, скосив на него заблестевшие глаза. Он сидел молча и только шумно дышал. — Однажды за столом я неожиданно потеряла сознание и ткнулась носом в тарелку. Все наши страшно перепугались, вызвали «скорую помощь». Очнулась я в больнице, потом меня повезли в операционную… — Она с улыбкой смотрела на Саньку. — Острый приступ аппендицита, как оказалось…

— Страшно было? — шепотом спросил Санька. Ее рассказ натянул его нервы.

— Не успела испугаться. Приткнули к носу влажный тампон и заставили считать: раз, два, три… Пришла в себя уже в палате… — Леля положила его руку на свое бедро, прикрыла обеими ладошками и продолжила: — Боли я не чувствовала, больно было потом… А еще — когда швы снимали. И щекотно и больно одновременно. Самое интересное, когда шов заживает, чешется так, что никакого терпения! А мне разрешали шов только поглаживать… Тоже приятно. Даже теперь поглаживаю. Хочешь — погладь!

Она приподняла край платья, обнаженные бедра ярко засветились под луной. Одной рукой она спустила беленькие трусики, другой затискала его ладонь себе в пах.

— Ты чувствуешь, какой он нежный… шов? Погладь!

Санька шва не заметил, не понял, был он там или нет. Пальцы ткнулись в жесткий пучок…

Она опрокинулась на скамейку навзничь, уронив ноги по обе стороны неширокого сиденья, потянула его на себя…

Потом Санька поднялся и направился к кустам сирени, присел рядом с дворовым псом на корточки, положил руку ему на загривок и стал что-то объяснять добродушной собаке… Неслышно подошла Леля и что-то сказала тихо, почти шепотом. Он не ответил, не знал, что ему надо говорить — теперь…

На крыльцо вышла Зика. Ее, освещенную лампочкой, что висела над входом, хорошо было видно из глубины сада.

— Леля! Саня! Вас ждут. Будем играть в лото… И мама беспокоится!

— Мы идем! — отозвалась Леля, беря за руку Саньку, поднявшегося с корточек, и они пошли к дому.

Но Санька вдруг остановился и направился к калитке.

— Ты хочешь уйти? — спросила она упавшим голосом.

— Да. Мне нужно… Уже поздно…

— Побудь еще со мной… — жалобно попросила Леля.

— Но мне надо! — твердо ответил он. Он знал, что не сможет сейчас войти в гостиную, где ее мать, отец… Зика…

Кажется, это поняла и Леля. Она отпустила его руку, прошептала чуть слышно: «Иди!».

Повернув на свою улицу, Санька увидел парня с девушкой, шедших навстречу. Когда расстояние между ними сократилось до нескольких шагов, девушка, оставив спутника, направилась к нему. Он узнал изящную фигурку, короткую стрижку, огромные глаза…

— Привет, — с упреком сказала она. — Я надеялась увидеть тебя на другой же день. А ты исчез… Нехорошо!

Спутник Жени закурил и попыхивал огоньком в сторонке, равнодушный, казалось, ко всему на свете.

— Завтра мы собираемся у Назима Вартановича… попировать. Приходи. Будет интересно, я познакомлю тебя с настоящими парнями. — Она пошла было к своему спутнику, но остановилась, сказала через плечо: — Назим Вартанович говорит, что ты мировой парень. Ну, давай — до завтра!

Она взяла своего спутника под руку, и они завернули за угол…

Никогда прежде с Санькой не случалось такого: он не спал до самого рассвета…

События последних дней давили стопудовой тяжестью, повергали в раздумья. Он совершенно запутался в собственных чувствах, в отношениях с людьми. Еще год назад все было просто и ясно. Он учился в школе, вокруг были товарищи. И в дом Старковых он ходил запросто, не размышляя, что о нем думают. Дружба с Лелей была чистой и безоблачной. Они поцеловались как-то два или три раза… Это было как веселая шутка. Правда, приятная, туманящая голову. Но невинные поцелуи не вызывали тяжелых раздумий.

А днем Санька думал о предстоящей встрече на «Судаке». Кого больше хотелось увидеть ему? Женю? Назима Вартановича? Познакомиться с настоящими парнями?

— Санек, аль не видишь: заклепки совсем расплавились?!

Санька, очнувшись, поспешно убавил подачу кислорода, пламя сникло, потемнели угли в жаровне. Он хотел положить ряд новых заклепок, но тут отстучала дробь по корпусу «Ижорца» — перекур!

— Как там девки твои?

Санька растерялся от такого вопроса. Его он не ожидал. О каких девках спрашивает старик? Знает ли он о Жене с Лидой? Или вопрос относится к Леле Старковой? Интуиция подсказала ему, что обо всем, особенно о вечере, проведенном на «Судаке», распространяться

нельзя. Но ничего ведь плохого нет в том, что он дружит с прежними знакомыми. И Гордеич слушал заинтересованно, не перебивал и только улыбался в усы.

Женя приглашала к Назиму Вартановичу на вечер, а в котором часу приходить, не сказала. Санька, помывшись после работы в душевой, потолкался с полчаса на пирсе, поглядывая на дорогу — не идут ли Женя с Лидой. Потом решил пойти на «Судак» и дожидаться остальных на месте.

— А, молодой человек, очень рад! — встретил ого капитан. — Садись, гостем будешь… Сейчас сделаем чай, будем пить.

У Саньки вдруг вырвалось:

— Плохо вам одному, Назим Вартанович?

Капитан, направившийся было с чайником к столу, остановился посередине каюты, как-то по-новому посмотрел на Саньку. Были в этом взгляде и удивление, и невысказанная грусть.

— Почему — одному? — Он улыбнулся. — Кот, вот, со мной. Очень преданный друг. По ночам сказки рассказывает… Женя с Лидой заходят. Ты зашел. Ребята бывают… — При последних словах лицо его омрачилось. — Хотя, хорошего, конечно, мало…

Он залил кипятком второй чайник, маленький, для заварки. Подвинул Саньке стакан и, наполнив его свежезаваренным чаем, налил и себе. Капитан заговорил тихо, неторопливо:

— Вижу, ты мальчик хороший, семья нормальная, сам трудишься…

— Я хочу вечернюю школу закончить и поступить в мореходку! — признался возбужденный Санька,

— Школа… мореходка… потом дальние плавания. Но… может случиться и так, что встретишься с тем, кто отвлечет тебя от учебы, и… прощай, мечта!

— Как это? — Санька не понял, что имел в виду моряк.

— Ну… люди ведь разные. Вот сегодня ко мне придут, так они мечтают о других вещах…

Дверь неожиданно открылась: на пороге стояла Женя, из-за ее плеча выглядывала Лида.

— Поглядите-ка! Браво, капитан! Похоже, вас больше устраивает мужская компания?!

— Мы пьем чай, — поднялся из-за стола капитан.

Женя расхохоталась:

— Ну о чем можно беседовать за чаем, господи?!

Капитан поднял руки, как бы сдаваясь:

— Сделаем все, как надо!

Чай был выплеснут в раковину, а на столе появились коньяк, фрукты, шоколад, и Женя весело объявила:

— Саня, ты будешь сегодня ухаживать за мной! — Она взяла его за кончики пальцев и потянула, усаживая рядом с собой. — Тебе ведь приятно, правда, ухаживать за мной? Ну, — дернула его за пальцы, — признавайся.

— Да, — сдавленным шепотом ответил Санька.

— Вот и молодец! И чудесненько! — И зашептала горячо в ухо: — А я умею быть благодарной… ты знаешь.

— Сегодня здесь будет Тофик… с товаром, — сказала Лида. Эти слова, очевидно, должны были подействовать на Женю отрезвляюще, но произошло совсем противоположное.

— На фиг твоего Тофика! — отмахнулась Женя. — Сегодняшний вечер принадлежит нам с Саней. Так, миленький?

Санька молчал, чувствуя себя подавленным. По словам Лиды, должна была состояться деловая встреча: прибудет Тофик из Баку «с товаром». А он тут человек случайный, может, даже нежелательный.

Женя придвинулась к нему, прижалась плечом:

— И Тофик повеселится вместе с нами. Он будет доволен. Хотела бы я посмотреть на мужчину, который был бы мной недоволен. Ха-ха-ха!

— Женя!

Неожиданно жесткое обращение к ней капитана подействовало. Женя переменила тон, однако продолжала кокетничать:

— Назим Вартанович, дорогой, ну… если у меня настроение, если хочется веселиться… Что в этом плохого? — Встала, подошла к нему и поцеловала в щеку. — Ну, ты уже не сердишься на Женьку-баловницу? А рюмка коньяка никому не повредит. И Тофик будет рад, что его встречают с хорошим настроением. — Женя снова поцеловала капитана и вернулась на место рядом с Санькой. — Налей, капитан, — она подняла свою рюмку, — не скупись!

— Просто есть причины не спешить, — сказал капитан. — Хотя… — он взял бутылку, наполнил рюмки, — глоток коньяка действительно не повредит.

Санька боялся пить, памятуя, как травил за борт «Ижорца». Он сидел, внутренне напрягшись. Но к удовольствию Саньки коньяк пошел легко. Женя захлопала в ладоши:

— Браво, Санечка!

Выпитое всегда сказывалось на его сознании. Он всех любил и готов был за всех в огонь и воду. Выпив, они повторили еще по рюмке, потом еще. Стало весело, приятное тепло согревало душу. Но этот загадочный Тофик с товаром… Почему его так ждут и что это за товар? А слова Лиды, что Женя не должна раздражать Тофика… Они шевелятся в мозгу, как осколок стекла. Ревность пронизывала его. Все понятно: Тофик — любовник Жени.

Хмельная фантазия все больше возбуждала его. Женя взяла его ладонь, горячую, как расплавленный металл, стала поглаживать, успокаивая:

— Слышишь, миленький, приходи в воскресенье… в пять вечера на Северный мол… Там есть лагуна, крохотный пляж…

— А сегодня? — Санька пытался обнять ее.

— Сегодня нельзя — Тофик должен появиться с минуты на минуту… Учись терпеть, миленький…

Санька не помнит, чтобы дни тянулись так утомительно долго, никогда он не ждал воскресенья с таким нетерпением. И отправился на Северный мол задолго до назначенного часа.

Крохотный пляж — с полсотни шагов по периметру — оставался пустынным все время, пока Санька поджидал Женю, изнывая от жары и тоски…

Потом пришла она, такая роскошная. Вскоре на отмель опустились прозрачные августовские сумерки… И Женя, изящно изгибаясь, сбросила с себя купальник и, грациозно покачивая светящимся в сумерках телом, пошла к воде, бросив на ходу: «Пойдем вместе!». Санька не услышал слов. Он смотрел на живую нимфу, богиню, явившуюся ему на морском берегу. Он с трудом дышал, не в силах пошевелить и пальцем. Войдя в воду по пояс, она повернулась к нему.

— Ну что же ты? — Она рассмеялась тихим грудным смехом. — Иди же ко мне!

И когда он пошел, вытянув вперед руки и неестественно ставя — словно лунатик — одеревеневшие ноги на песок, она настойчиво, не предлагая, а приказывая, произнесла:

— Плавки! Плавки сбрось, дурачок…

Санька задохнулся, увидев Женю обнаженной на фоне бирюзового моря… Медленно, словно плавясь от сильного жара, все исчезало вокруг… Перед глазами всплывали картины последнего вечера на «Судаке», когда в каюте капитана появился Тофик в сопровождении невысокого коренастого человека, которого Тофик называл Кубиком. У них в руках были небольшие чемоданчики. Кубик свой чемоданчик затолкал под диван. Сделал он это привычно и просто, никому ничего не сказав. А Тофик — он был выше, стройнее своего товарища — прошел к столу и, пожав всем руки (недовольно оглядел Саньку — новое лицо!), стал выкладывать на стол подарки: азербайджанский коньяк, стопку шоколадных плиток, две коробки духов. Коробки были импортными, что тогда, в год смерти Сталина, было большой редкостью. Женя издала радостный возглас, а Лида вся засветилась от счастья. Они распечатали коробки, принялись дегустировать содержимое, не сговариваясь, расцеловали Тофика, смеясь от восторга. Капитан откупорил коньяк…

Последующие два или три часа Женя висела на шее Тофика и, казалось, забыла о существовании Саньки…

Санька не помнил, когда ушли Лида с Кубиком…

Капитан, хмурый, не пьянеющий, молча наполнял свою и Санькину рюмки, молча пил. Пил и Санька, и все меньше понимал, что происходит вокруг. Одно для него было ясно: Женя принадлежит Тофику, и он обращается с ней, как с собственностью. Для себя Санька решил, что он должен вырвать Женю из его грязных лап. Ведь она не любит его…

Когда Женя с Тофиком поднялись из-за стола, чтобы уйти, Санька с трудом стоял на ногах, покачиваясь, раскинул руки, закрывая двери каюты. Тофик перево-

дил недоуменный взгляд с Жени на Саньку, на капитана, и снова на Женю.

— Ты что, связалась с этим сопляком? — обратился он, наконец, к ней, сделав брезгливую гримасу.

— Женя, я спасу тебя! — отчаянно сказал Санька. — А этот… этот… Он не любит тебя!

— Что за чудик? — Тофик посмотрел на капитана. Назим Вартанович, все так же грустно улыбаясь, сказал, что это его молодой друг, что он еще не умеет пить, а, выпив, не умеет сдерживать эмоции, но со временем это пройдет.

— Я прощаю молокососа только потому, что капитан называет его другом, — сказал Тофик Жене. — Пойдем!

Санька понял из ее слов, что если сейчас он не даст им уйти, то произойдет нечто, что лишит его возможности видеться с ней. Он безвольно опустил руки.

А капитан обнял его и сказал:

— Мужчина должен переносить боль!

…Санька шел к Жене, вытянув руки. Глаза его были закрыты. Не доходя до нее нескольких шагов, он, словно споткнувшись, упал вдруг вниз лицом. Женя рассмеялась, подумав, что он решил поднырнуть под нее. Но Санька, раскинув руки, медленно погружался в воду, тело его было безвольным, почти безжизненным. Женя перестала смеяться, задохнулась от нехорошего предчувствия и стала неумело приподнимать его голову над водой, чтобы он не захлебнулся.

— Санечка, что с тобой? — спрашивала она испуганно.

…Опустившиеся сумерки скрыли лагуну. С заходом солнца море успокоилось. Санька лежал, уткнувшись лицом в живот Жени и обхватив ее поясницу. Она тихо раскачивалась, как это делают матери, успокаивая детей, и говорила просительно-умоляющим голосом:

— Прости меня, родной мой… Прости, грешную, подлую, недостойную…

Она гладила его голову, плечи, водила горячими ладонями по спине. Он согревался под ее ладонями и плохо понимал, не слышал слов, которые она произносила шепотом.

— Встретил ты меня на погибель свою, — шептала она, — на мучения! — И слезы текли по ее щекам.

А убаюканный Санька спал, уткнувшись головой в теплый Женин живот…

Последние дни Санька постоянно находился в напряженном состоянии. Не умея разобраться в отношениях Жени и Тофика, он терял рассудок от ревности. Оглушенный любовью, ревностью, досадой на Женю, что она ведет двойную игру, на себя, что не умеет показать себя настоящим мужчиной, — он не знал, что предпринять.

В один из этих дней, возвращаясь в обед из столовой, Санька издали увидел толпу, окружившую корму «Судака». От нехорошего предчувствия у него ослабли ноги. Он не помнил, как очутился в толпе, и все, что он затем увидел и услышал, с трудом доходило до его сознания, словно слабые звуки улицы сквозь глухие стены подземелья.

Смерть старого капитана потрясла всех…

Водолаз, обследовавший днище судна, чтобы определить состояние подводной части, увидел человека, крепко вцепившегося в якорь. Закоченевшее, скорчившееся тело покачивалось. Могло показаться, что человек, ухватившись за якорь, разглядывает что-то там, на дне. Вот он отпустит якорную лапу и, плавно загребая руками, всплывет на поверхность. Но опытный глаз водолаза сразу определил, что у якоря маячит тело мертвеца. Сколько нужно воли, желания остаться на дне, чтобы так крепко держаться за якорь! Он пробыл под водой не меньше суток, пальцы рук закостенели, будто старый капитан и теперь не желал показываться наверху…

Санька неделю не выходил из дому. Была врач, она сказала: «Легкий нервный шок», выписала лекарство и посоветовала полностью отключиться от всякой работы.

Самоубийство старого капитана повлекло за собой пристрастное расследование. При обыске в капитанской каюте нашли пакеты с анашой. Произвели обыск на судах, стоявших в порту, и тоже нашли знакомые пакеты. Подняли на ноги портовскую и железнодорожную милицию, городской уголовный розыск. Очень скоро нить расследования привела к Жене и Лиде, а те сразу рассказали о дружках из Баку. Чуть ли не через день были арестованы азербайджанской милицией Тофик Бахрамов и Кубала Мирзанян. Дома у обоих также обнаружили запасы анаши.

На допросах девушки не назвали Саньку, когда следователь жестко потребовал назвать всех, кто бывал у капитана. Но Тофик, обозленный тем, что его легко «продали», на очной ставке спросил, где «тот интеллигентию», который любил покейфовать за чужой счет и который чаще, чем они с Кубиком, посещал вечеринки на «Судаке».

И Саньку вызвали в прокуратуру.

Весь вечер он, мучимый сомнениями, стыдом и страхом, думал о встрече со следователем. Воображение рисовало потерянное в слезах лицо матери. Если бы знать заранее, арестуют его сразу после допроса или… Он бы многое сумел объяснить и маме, и товарищам по работе, и… Леле.

Слух о загадочной смерти старого капитана распространился по городу с удивительной быстротой. Вечером об этом говорили в доме Старковых.

— Чего можно было ожидать от недоучки из семьи слесаря и палатной нянечки! — сказал о Саньке гостивший у родичей брат хозяина дома.

Зика поддержала дядю:

— Все гегемоны в конце концов кончают тюрьмой… Или начинают с нее!

Виталий Архипович был сдержаннее, пытался увести разговор в сторону. Леля молчала, бледная. И скоро ушла в девичью комнату, сославшись на головную боль.

Ночью мать заговорила с мужем о дочери:

— Она стала несносной… Дергается по всякому поводу… дерзит мне…

— Наша Леля беременна, — сказал Виталий Архипович.

После такого сообщения оба долго молчали. Леля с детства доверяла не матери, а отцу сокровенные тайны. И он ни разу не выдал ее. Но тут был особый случай. Муж ожидал реакции, а жена, оглушенная его словами, не могла говорить. Наконец, она заговорила, и Виталий Архипович грустно улыбнулся: реакция была той, которую он ожидал.

— Все это — результат твоего вос-

питания! — негодующим шепотом говорила она. —Ты с пеленок был к ней снисходителен, баловал Лелю.

— Но я не был строг и с Зикой…

— Да… но Зика о своей беременности, случись это с ней, сказала бы мне. Это женское дело…

За окном стояла тихая лунная: ночь. Было около трех часов…

— Ты думаешь, это возможно, чтобы они поженились… Саня и Леля? Ведь беременна она от него, как я понимаю.

— Почему нет? — шепотом отвечал Виталий Архипович. — Насколько я знаю, они давно нравятся друг другу. Были почти неразлучны… тогда, до его отъезда в горы.

— Господи, неужели ты не понимаешь? Женятся после армии, а этот — после тюрьмы! Нет и нет! Ни о какой женитьбе, ни о каких отношениях с этим… преступником! Завтра же надо пойти с Лелей к знакомому гинекологу. Об операции никто не узнает.

— Но…

— Никаких «но»! Нельзя выставлять семью на посмешище. У нас еще Зика… не замужем… Ты что, забыл?

— Я помню, — отвечал Виталий Архипович. — Но не верится в связь Сани с преступным миром. Может, здесь вообще какое-то недоразумение…

— А портовые проститутки? А попойки у старого капитана и его смерть? А курьеры из Баку с наркотиком?

— Откуда у тебя такие сведения? — удивился Виталий Архипович.

— Муж нашей сотрудницы работает следователем портовской прокуратуры… Счастье Лели, что все это выявилось сегодня… Если бы они поженились, мы никогда не отмылись бы от грязи…

Саньку разбудила тяжесть на душе.

За окном брезжил рассвет… Как объяснить следователю, что ему глубоко противны Тофик с Кубиком. А когда он думал о капитане, сердце его сжималось от боли. Он полюбил этого мужественного человека…

Санька забыл о времени и чуть не опоздал к назначенному часу. Хозяин кабинета долго и внимательно разглядывал Саньку. Глаза следователя ничего не выражали. Санька только раз глянул в эти холодные, неподвижные глаза и больше не решался поднимать взгляд выше чернильного прибора.

— Расскажите подробно, не опуская никаких фактов, — наконец произнес следователь, — когда и где вы познакомились с известными вам девицами, а также с Тофиком Бахрамовым и Кубалой Мирзаняном…

Санька рассказал все, ничего не утаивая. На губах следователя наметилась довольная улыбка. Он подвинул исписанные листы Саньке:

— Прочтите и распишитесь!

Санька подписал, не читая.

— Так нельзя, — сказал следователь, — здесь ваши показания.

Но Санька не притронулся к листам.

— Ну что ж… — голос следователя немного смягчился, — можете идти…

— Куда? — Санька поднял глаза.

— На работу, домой или куда там вам надо.

— А… меня… не арестуют?

Следователь пристально посмотрел на Саньку.

— Пока такой необходимости нет. А потом… потом суд решит. — И видя, что Санька продолжает сидеть, сказал недовольным голосом: — Идите, идите! Мне надо работать…

Выйдя из здания прокуратуры, Санька бессознательно направился в порт. Нет, он не мог прийти в бригаду, он только хотел пройтись по пирсу, посмотреть на акваторию.

— Здравствуй, Александр! — услышал он вдруг прямо над собой.

Перед ним стоял Виталий Архипович.

— Не буду скрывать: я здесь не случайно. Ты уделишь мне четверть часа?

— Да, — согласился Санька.

Они повернули за угол здания прокуратуры и вышли к заводскому общежитию, где был выход на берег моря. Как только они оказались на пляже, и почти одни, Виталий Архипович начал без обиняков:

— Леля беременна! Ты понимаешь, что это значит для девушки из хорошего дома?

Санька покраснел.

— Я не знал… — смущенно сказал он.

— Теперь это не имеет значения — знал, не знал… Но… — Он посмотрел на Саньку долгим взглядом, и взгляд его постепенно оттаивал, теплел. — Но, — повторил он, — я очень надеюсь на тебя и верю, что все обойдется…

— Спасибо, Виталий Архипович, — тихо ответил Санька.

На палубе «Ижорца» Санька появился в обеденный перерыв. Гордеич, куривший свою «Приму» на юте буксировщика, завидев ученика, бросил окурок за борт, поднялся навстречу.

— Что же ты, милок, ушел не сказавшись… Мы тут волновались. Слух прошел… будто вызывали тебя…

— Никакой не слух, а правда, — подал голос, показавшийся из трюма бригадир. — Секретарь комсомольский приходил, рассказывал, что ты связался с жульем… Сказал еще, чтоб ты после работы к ним, в комитет, зашел…

Санька ничего не ответил. Молчал и Гордеич. Бригадир махнул обреченно рукой и скрылся в трюме. Гордеич заходил по палубе туда-сюда. Потом остановился перед Санькой:

— Ты вот что… Ты покайся там, на комитете. Виноват, мол, не знал, не ведал. Они любят, когда каются… Не перечь, не спорь… Глядишь, на поруки возьмут, на перевоспитание. Тогда и на суде по-другому на это дело посмотрят…

Санька подивился этой прозорливости. На заседании заводского комитета комсомола помощница начальника отдела кадров, Зиночка, сразу же выступила с предложением взять Багулова на поруки…

— Вы чересчур торопитесь, — строго сказал секретарь. — Товарищи еще не успели обменяться мнениями.

Однако предложение Зиночки почти всем пришлось по душе. Завершилось обсуждение «проступка Багулова» тем, что его взяли на поруки. Ответственной за перевоспитание Саньки назначили Зиночку…

После ужина в доме Старковых состоялся, наконец, тяжелый, ожидаемый всеми разговор. Леля сидела на диване, отец сел рядом с ней. Мать разместилась напротив, в кресле.

Леля сидела, опустив голову. Она не хотела смотреть на мать. Не боялась, а именно не хотела. Она понимала, о чем будут говорить родители, и решила не перечить им, пусть говорят, что хотят. Только жаль папу. Бедный, он мучается из-за нее, переживает. Папа, конечно, не стал бы возражать против ребенка, даже был бы рад. Но он боится мамы.

— Леля, ты должна спокойно выслушать нас, — тихо сказал отец.

— Да, папа.

— Надеюсь, ты понимаешь, что положение твое и наше не может оставаться…

— Понимаю, — поспешно сказала Леля.

— Видимо, нам с тобой придется поехать в Краснодар, где живет моя двоюродная сестра. Она врач, гинеколог…

— Хорошо, папа…

Порешили, не откладывая дело в долгий ящик, выехать в Краснодар на другой день.

Суд был показательным, заседание проводилось в культбазе порта.

Саньку известили повесткой.

— Ты не дрейфь, Саня! — сказал Гордеич. — Чего тебе бояться, ты — свидетель? Хоть и главный. Преступления за тобой нет. Это факт! Говори одно: не ведал, не знал.

Санька пришел к культбазе рано. Какие-то люди уже толпились у входа. Но зал был пуст. На сцене стоял длинный стол, покрытый красной материей, графин с водой, стакан. Но вот к клубу подъехал «черный ворон» с обвиняемыми, и зал быстро наполнился людьми.

Заседание суда началось.

Санька не видел, как вводили обвиняемых и рассаживали их на скамейке, отгороженной от зала повернутыми стульями. Когда несколько раз назвали его имя, он, наконец, опомнился, поднялся и двинулся к прокурору на непослушных ногах, натыкаясь на ряды стульев. «Салажонок» — послышалось среди матросов. «С похмелья, что ли?» — «От страха костыли подгибаются». Санька остановился перед прокурором, тот кивнул в угол: «На ту скамью, пожалуйста!».

Он сел, кажется, рядом с Кубиком, и никого больше не видел, хотя и оглядел сидящих на скамье. Девочки, помнится, сидели в середине, Тофик с Кубиком по краям.

Санька ничего не понял из обвинительной речи прокурора, а под конец

Кубик шепнул ему: «Тебе, интеллигентик, тоже обломится, прокурор настаивает. Так что отсюда вместе поедем — в «черном вороне» места хватит!».

И тут он услышал знакомый шепот: «Санечка, прости меня!».

Женя!

Он обернулся на шепот и увидел знакомое милое лицо со слезами на глазах. «Прости!» — снова шепнула она.

— Разговоры на скамье подсудимых! — послышался грозный окрик.

Санька плохо понимал, о чем его спрашивали судья и заседатели, какие вопросы задавал прокурор. Не помнил, как и что говорил сам. Единственное, чего он желал, чтобы все поскорее кончилось, чтобы мама ни о чем не узнала как можно дольше, пока не выздоровеет.

Потом судьи удалились на совещание. А потом опять все встали, чтобы выслушать приговор…

У входа в клуб тоже оставались люди. Гордеича не было в зале, он боялся смотреть на Саньку. На мальчишке лица не было! Но вот люди у входа в культбазу расступились, от дверей до «черного ворона» образовался живой коридор. Первым появился конвоир с винтовкой у бедра, за ним шел Тофик, в затылок ему Кубик, следом Женя с гордо поднятой головой, потом Лида, бледная, с опущенным взглядом. Замыкал шествие второй конвоир. «А где этот салажонок?» — спрашивали матросы, толпившиеся около. «Где мальчишка-то?» — «Да ведь ему не срок, ему платить полгода с заработка по двадцать пять процентов». — «А прокурор наседал, мол, тоже срок положен»…

После зачтения приговора, когда осужденных взяли под стражу, Санька поднялся и хотел идти вместе со всеми, но второй конвоир оттолкнул его прикладом: «Назад! С осужденными общение запрещено!». Санька опять сел на скамейку и сидел так, опустив голову, пока зал не опустел совершенно. Какие-то люди стали убирать стулья.

— Ты иди, парень, — сказал кто-то из них. — Иди домой, иди — ты свободен!

Он поспешно пошел к двери, потом побежал…

На побережье опускались сумерки. Санька сидел на валуне и глядел в море уже слившееся на горизонте с небом. Он пришел сюда, когда солнце стояло еще довольно высоко и просидел несколько часов без единой мысли в голове, не испытывая никаких ощущений. Он не вспоминал, что произошло утром. Только чувствовал, что произошло что-то ужасное. И не мог избавиться от этой боли даже теперь, на берегу моря…

…Вдруг прямо перед ним появился старый капитан. Он не вышел на берег, не подошел к Саньке, а остался в воде. Волны перекатывались через него, и время от времени он исчезал под ними, а потом появлялся снова.

«Здравствуй, Саня! Как поживаешь? Знаю: кораблям не нужен лишний балласт. А я теперь обитаю на морском дне, среди рыб. Здесь можно жить… Иди ко мне. Вместе нам будет хорошо! Побываем во всех заливах… Ты, я помню, отличный пловец и ныряльщик, тебе будет хорошо в море. На земле тебе нечего делать, мальчик, земляне погубят тебя. Я поплыл, пристраивайся в кильватер!»

Санька поднялся, разделся и направился к воде…

Зиночка, весь вечер прятавшаяся в камнях, выскочила из своего укрытия и опрометью бросилась в дом: «Папа! Папа! Скорее! Надо спасти, он хочет утонуть!».

Задыхаясь от страха, она тянула отца к лодкам. У многих, живших в доме судоремзавода, были собственные лодки.

— Скорее, папа, скорее! — Зиночка пыталась сдвинуть лодку. Руки ее дрожали от чрезмерного напряжения, лицо было мокрым от слез.

— Да что случилось? — спросил отец, привычно бросая в лодку весла.

— Там! — показывала девушка в море, — Санька… Он утонет… Скорее, папа!

— А-а, Санька, — как-то спокойно сказал отец и уперся обеими руками в борт. — Ну, взяли!

Лодка заскользила по мокрому песку и вскоре закачалась на волне. Отец забрался в нее, помог залезть в лодку дочери. Платье ее было мокро, прилипало к телу, но она не замечала этого.

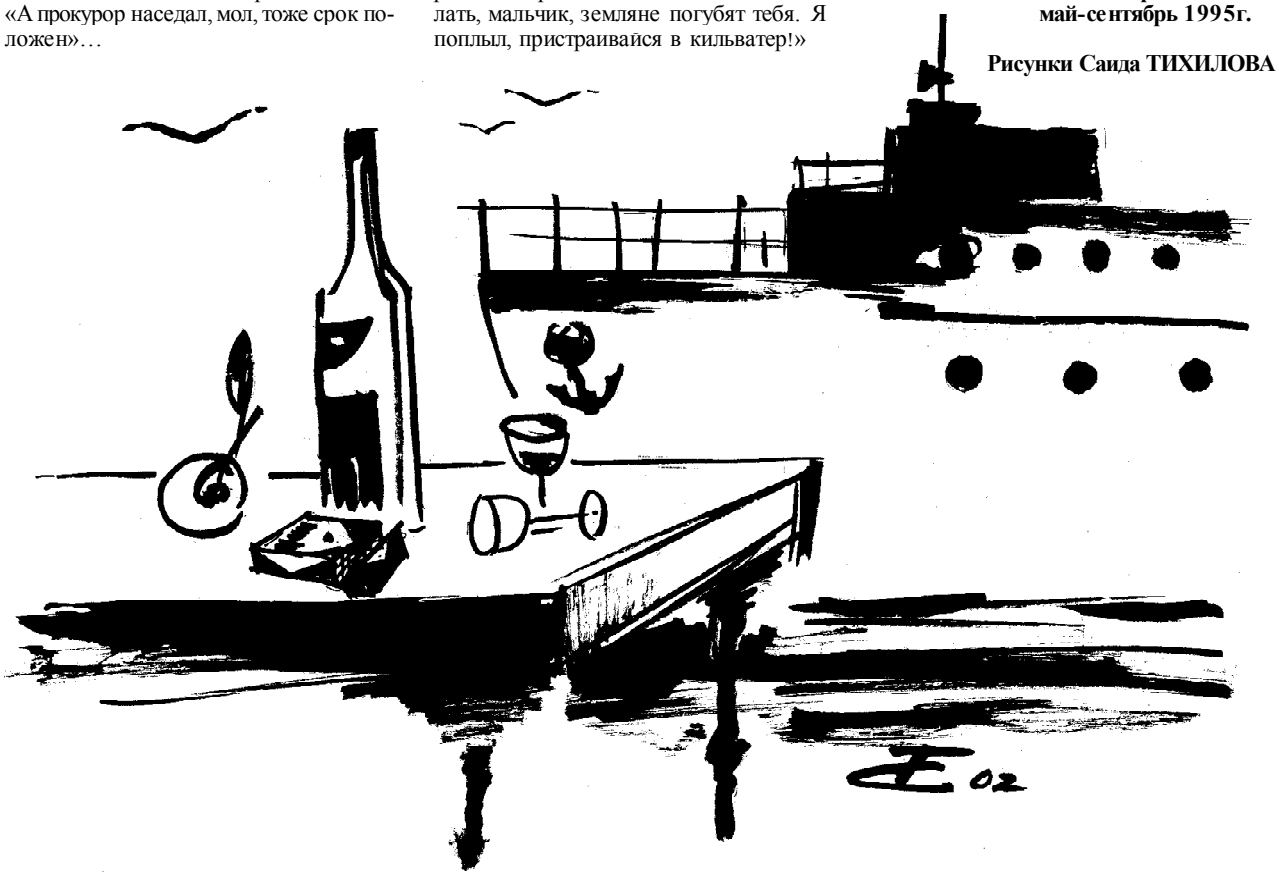
— Скорее, скорее! — повторяла она как безумная.

— Не бойся, Зинок! — говорил отец, беря весла, которые она уже вставила в уключины. — Нам его настигнуть — раз плюнуть! У нас просто так не тонут!

Под мощными толчками весел лодка понеслась в море. Несколько мгновений спустя ее поглотили сумерки…

Малеевка — Махачкала,
октябрь 1991 —
май-сентябрь 1995г.

Рисунки Саида ТИХИЛОВА



Шейит-Ханум АЛИШЕВА

ПОЭЗИЯ

Время, не очень торопись...

ДОМ БЕЗ ЛЮБВИ

Дом без любви —
Невесомы вещи и предметы.
Неизвестность безымянной птицей метит
Из прошлого, выклевывая приметы…
…Дом без любви —
Настежь окна, двери,
Тревожно кружит горечь и печаль,
Вновь — неверие.
Вновь — к потере.
В колючках взгляды, речей скрижаль…
…Дом без любви —
Озаренность свет теряет.
Неизреченность искажается не раз.
Гулко в бубен ударяет
Ненасытная чья-то страсть,
Ржа, оскалившись жуткой маской,
И по кругу вьюжит в пляске…
…Дом без любви —
Пусть и темень, и бездонен,
Без начала и конца вертикаль,
Стерты с карт анкета, тест…
От порога — в глине тонет
След моих шагов,
Босоного убегающие вдаль.
На воротах кто-то чертит новый крест…
…Дом без любви.

ДУМАЛА — МЫ ВМЕСТЕ…

…Перелом.
Преломляясь,
ветер сквозь меня прошел —
Напролом…
Чужих взглядов недобрые мысли
Перешила, переметала шов на шов,
Думала: «Мы вместе!»
Встревоженная душа перелетала,
Словно по деревьям птица —
По жизни нашей,
по исписанным страницам.
Жизнь, конечно, не была полной чашей,
Ты — дервиш,
Я — странница,
Думала: «Мы вместе!..»

…Вышло — ты давно нашел
На все ответ,
В каком-то месте…
Эта боль
Нежданной вестью
Уложила меня в постель,
Словно в камеру для пыток.
Оказалось, сил уже нет
Превратить все в шутку:
В горле — ком,
В душе — стон,
Леденею, таю…
Мы — не вместе,
Уже знаю.
…Перелом
Напролом…

* * *

Эта мысль стара,
Этот контур не новь,
Те же линии, те же слова —
Повторяюсь вновь.
Тот же цвет, тот же зов,
То же эхо в звуке,
Повторяюсь вновь —
Не в сыне, не во внуке…
…Оглянусь — на стене
Тень в лохмотьях и в саже,
И с той поступью любовь,
Все та же, все та же —
Повторяюсь вновь…
…Будто прошлое вспять,
Будто память на страже…

НЕ УСПЕВАЮ

Не успеваю
Подчеркнуть глаза сурьмой,
Роса не тает…
Не успеваю
Полакомиться хурмой,
Цвет увядает…

Не успеваю…
Сны вещие снятся мне,
Мольбам не внемлю…
Не успеваю
Зерна в горсти золотятся
Сажать в землю…

Не успеваю…
Иссякает тот источник,
Что щедр был и чист,
Не успеваю…
Строки в знаках тире, точек,
Жухнет белый лист…

Не успеваю…
Устрашающе ярка
Дерзость тревоги…
Не успеваю
Вымолить у Бога
(Нет ценней подарка!)
Себе очаг треногий…
Не успеваю…

И ТЫ ЧУТЬ-ЧУТЬ ПОВРЕМЕНИ

Время, не очень торопись,
И этот барьер
Не мною взят,
Выхлопывая: «Браво! Бис!»,
Судьба решала подыграть.
В резных узорах парапет
Таятся знаки лет
Не моих, а предков.
И за древо во мне ответ
Выжжен родовою меткой.
И на ступенях я стою
Не пастушкой сирою
И не девкой!
Выть бы мне волчицей серою —
Я пою,
Жду по крови и по духу,
Кто выхватит из рук древко…

Время, не очень торопись,
Круги ада,
Круги рая —
И страдай, и насладись,
И внемли.
Въелись обручами в ноги, в икры,
Отпечатки ступней в землю —
Одиночный мой зикр…
В словах Йырчи Казак
В звуках — Бах,
И столетья — не груз, не бремя.
Меня от меня спасая,
Терпелив ко мне Аллах,
И ты чуть-чуть повремени,
Мое Время!..

* * *

Опять спешу я в этот круг,
Где в непредвиденности встреч
Явью тайна станет вдруг,
Возвратится друг —
Как друг.
Неудержимостью слез —
Развяжет путы грез.
Необузданностью смеха —
Медную скует кольчугу.
И чутье — вытягивать из греха
Проститутку и пьянчугу.
И не шахматы, не карты,
Не иллюзий росы муть —
Сами демоны, девы, нарты,
Сами — этой жизни суть…
А заоблачная синь
И подводные каменья —
Тени света, тени тьмы
На часах стоят для смены…

* * *

И боль становится привычной.
Дорога вдаль проста —
Стерты линии лабиринта,
Изначальное — привычно.
Темнокрыло взлетает короста,
Рубцы алые взлохматив —
Как из кокона, из бинтов,
Не до зрелости, до роста…
…И боль становится привычной.
Терпеливость — терпит крах,
Острие пера тупеет,
Наяву, в дреме, в снах
Все слабее крыльев взмах,
Притушевывая пламя —
Свет от красок все скупее,
Все скупее…
…И боль становится привычной.
Ладонь на ладонь не ляжет —
Кровь в ознобе, растаял луч…
Узы в узелки завяжет —
Мрачнее мрака, тучнее туч
Разочарование — вторично…
…И боль становится привычной.
И числам счет — такая малость,
И дни отметинам довольны,
И не — нежность,
И не — жалость…
И нет силы, и нет воли…
И смертельная усталость
От боли,
От боли,
От боли —
Что становится привычной…

* * *

…Скоропалительность —
воспалительно
нестерпимый зной,
словно пчелиный рой,
выжигает тамгу за тамгой
слов и жестов на сердце,
в душе — волчий вой…
…Сиюминутность —
неуютность,
первый стук в дверь одиночества,
быстротечность рук движенья,
взгляда легкое скольженье
к жизни без любви — пророчество…

ВЫ ЗАСТАВЛЯЛИ МЕНЯ СТРАДАТЬ…

…Вы заставляли меня страдать
Между Божьим Именем —
Сияющим…
Мерцающей инеем
Пустотой зияющей…
…Вы заставляли меня страдать
Разливали все цвета —
И страда
Тяжкая, ненастье
Зим отмыть от лета…
…Вы заставляли меня страдать
Вырывали из объятий —
Без причины,
Будто из пучины —
Мне судьбой предназначенной…
…Встряхну я, словно перья,
Кисти шали —
Лучами небосвод объят,
Тени лестниц в дымке дали.
Поднимусь — перила крылья
В башню бед моих, печали,
Что судьбу мою венчали —
Что судьбе моей подстать…

ЧЬЮ СУДЬБУ Я ПОВТОРЯЮ…

…Чью судьбу я повторяю?!
За чью протоматерь ответ во мне?!.
…Призывно в бубен ударяю,
Круг за кругом след теряю
Свой для возврата жизни той,
И той, чьих имен я не узнаю,
Но чьими знаками расписан
Мир мой —
Дверью потайной,
По лабиринтам судеб растекаюсь,
Источник щедрый, не иссякаю…
…Но голос не твой —
На проводах,
Произрастает из столетий.
На троне — не мат и не шах,
Бездна тьмы у дула пистолета…
…Чтоб пронзенным лучом света —
Быть после взлета,
Белых облаков протаранив —
Разве ж я желала это?!
…Чью же судьбу я повторяю?..

ЖИЗНЬ В НАДЕЖДЕ

Явью трезвою
Головою в прорубь, в небытиё…
Лучницею резвою
Память — стрелы ядовиты,
В конвульсии нытьё…
…Все было, было — повториться
До озноба души,
До выкрика сгоряча,
До взмаха для сечи
Хвальба, пальба, свечи —
Сердцу, разуму вопреки…
…Ангел с левого плеча,
Не спеши,
И не в две руки…
…Все было, было — повториться
И жизнь в надежде.
На том берегу реки
У закатного луча
Мою крылатую одежду
Охраняет ангел с правого плеча…

* * *

Необдуман шаг,
Неосмыслен слог:
До — возможно ли пресечь?..
И как выстрел — взгляд,
И как выкрик — слово:
Пронзить и жечь!..
И — как уберечься…
И — как уберечь…

* * *

Уже не корю…
На ладони ядра корицы
Запах корчится
Теплом не льнет.
Уже не горю…
До поддона содрал улицы
Вихрь крутится
Пеплом темя мнет…

* * *

Бог не приемлет
Мольбу без слез…
Глазам гореть,
Губам сиять,
Сердцу по острию —
На срез,
Словно по мосту Сират…
Исступленно, навзрыд:
— Спроси с меня!
Он — не виноват,
Не виноват… Не виноват!..

* * *

Отпусти все мысли, чувства,
Что поднял на свою ступень,
Если на твоем пути —
Преградою тень…
…Заройся в мглистую листву лицом —
Сплетенных корней услышишь зов.
Искаженный свет — в кольцо,
Очнется память вновь.
Настежь — в линиях ладони,
Ноги — подогнуть и сесть:
Теперь — Ты был!
Теперь — Ты есть!

ПЕРЕВОД

О бедном переводчике замолвите слово...

Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик,
заместитель председателя
правления Союза писателей Дагестана

Вспоминаю, как на последнем писательском съезде народный поэт Дагестана Расул Гамзатов вышел на трибуну и со слезами на глазах сказал: «Только что умер Яков Козловский… Прошу всех встать…»

Этот эпизод неожиданно всплыл в моей памяти после недавнего прочтения предисловия к новому поэтическому сборнику табасаранского поэта Муталиба Митарова «Жизнь в строках» (на русском языке), где автор, подробно написав о своем жизненном и творческом пути, ни словом не обмолвился ни об одном из своих переводчиков (Фирсове, Сущевском и др.), как будто их никогда и не было.

И в этих, казалось бы, ничем не связанных друг с другом эпизодах проявилось, как на ладони, отношение к художественному переводу вообще и в частности довольно большой группы наших современных дагестанских литераторов.

Порой задумываешься, почему так удачно сложилась творческое содружество Расула Гамзатова со своими переводчиками. Потому что и Яков Козловский, и Наум Гребнев, и Елена Николаевская были для Гамзатова не просто штатными переводчиками, но его однокашниками, друзьями, единомышленниками. Они дышали одним и тем же поэтическим воздухом, жили едиными устремленьями, понимали и чувствовали друг друга, ездили другу к другу в гости, делили хлеб и воду. Из этого сплава и родилась та гамзатовская поэзия на русском языке, которую все мы сегодня знаем и любим.

Злые языки утверждали раньше, да и сейчас еще любят поговорить о том, что-де гамзатовскую поэзию «сделали» переводчики (сам Гамзатов не раз шутил по этому поводу в своих статьях). Но ведь Козловский, Гребнев, Хелемский, Солоухин перевели произведения и многих других дагестанских авторов, не говоря уже о поэтах из других республик бывшего Союза. Почему же эти переводы не имели того резонанса, который вызвала гамзатовская поэзия? Ответ ищите там же — в истоках сотворчества поэта и его переводчиков, которое было гораздо большим, нежели элементарное издательское сотрудничество и литературное партнерство. Здесь переводчики переводили не слова, а душу — не с аварского на русский, а с языка аварской души на язык души русской. Без этого, возможно, Гамзатов бы на русском языке и не состоялся, но чтобы он состоялся, его переводчики должны были знать, а главное любить его поэтический и духовный мир.

Из поколения Гамзатова и поколения, идущего вслед за ним, таким творческим содружеством со своими переводчиками могут похвастаться далеко не многие. Разве что Анвар Аджиев, Аткай, Нуратдин Юсупов, Фазу Алиева, которых прекрасно перевел на русский язык Яков Серпин, к сожалению, тоже недавно ушедший от нас. Здесь, к слову, в точности повторился эпизод, с которого я начала свою статью. Пришедшая на заседание правления Союза писателей Дагестана Фазу Алиева не скрывала горестных слез, говоря о кончине своего поэтического собрата.

> ***«Переводчик в прозе — раб, переводчик в стихах — соперник»***
>
> ***В. Жуковский***

Увы, подобное отношение к своему переводчику скорее исключение, нежели правило. После трагической гибели известного дагестанского поэта-переводчика Станислава Сущевского я не увидела в печати ни единой статьи о его творчестве, ни единого воспоминания, да, в конце концов, просто доброго слова кого-либо из тех дагестанских поэтов, с которыми он работал на протяжении трех десятилетий своей жизни в нашей республике. Конечно, многие из тех, кого переводил Сущевский, сами ушли в небытие, но и те, кто остались, не поспешили отозваться на безвременную кончину своего переводчика и друга.

Вообще личная дружба всегда играла огромную роль в отношениях между автором и переводчиком. Она протягивала те незримые нити, ту первоосновy, на которой потом ткался цветистый и узорчатый поэтический ковер.

Я знаю очень не многих дагестанских поэтов, кто бы на протяжении значительного времени поддерживал такие отношения со своими переводчиками, приглашал их в Дагестан, возил к себе в горы, серьезно относился к совместному творчеству.

Из более молодых — это мой однокурсник по Литературному институту, табасаранский поэт Шамиль Казиев, которого прекрасно перевели на русский язык наши однокашники и друзья Геннадий Иванов, Николай Никишин, Александр Руденко, это аварский поэт Магомед Ахмедов, на протяжении многих лет поддерживающий дружеские и творческие отношения с одним из самых интересных русских поэтов Александром Еременко.

Рано ушедший от нас даргинский поэт и прозаик Хабиб Алиев очень серьезно относился не только к выбору своих переводчиков, но и ко всему творческому процессу от его начальной стадии (качественного подстрочника) до самого осуществления художественного перевода. Недаром его роман «Батырай», переведенный на русский язык Владимиром Носовым, стал явлением современной дагестанской литературы. Мне посчастливилось перевести несколько народных песен для одной из его повестей, вышедшей в московском издательстве «Современник», и я до сих пор с теплой грустью вспоминаю, с какой дотошностью Хабиб объяснял мне те или иные нюансы подстрочника, а потом долго еще переживал, пришел ли мне гонорар за проделанную работу.

Кстати, о гонорарах. Прежде этой темы как-то по-советски стеснялись. И переводчики, и особенно авторы, которым было зачастую все равно, оплачен труд переводчика или нет. Впрочем, в прежние времена эта проблема не была и столь актуальной: государственные издательства оплачивали труд переводчика выше, чем самого автора, ибо авторский текст считался переизданием (поскольку был уже опубликован на родном языке), а текст переводчика выходил впервые. Этим самым невольно констатировался тот факт, что переводчик имеет большее или, по крайней мере, равное авторс-

кое право на текст, переведенного им художественного произведения. Во времена нынешние, когда многие книги, переведенные на русский язык, издаются в основном в частных издательствах и типографиях, о гонорарах переводчикам ни один автор даже и не заикается, хотя использует он не свой труд, а переиздает интеллектуальную собственность того или иного переводчика. Конечно, у автора всегда найдутся оправдательные отговорки, мол, деньги дал спонсор, которого обхаживал он, а не переводчик. Но ведь в смету издания можно было заложить и гонорар за оплату перевода (хотя бы, как переиздания). Увы… Более того, автор, издавший свой сборник на русском языке, не удосуживается даже подарить несколько экземпляров книги переводчику, хотя по действующему в Российской Федерации закону он обязан отдать ему половину тиража (если это один переводчик) или разделить эту половину между несколькими переводчиками изданной книги. Но отношение к переводчикам у нас остается таким, каким остается — как к людям некоего второго сорта, не способным создавать нетленные шедевры собственного изготовления. Вообще-то это уже тема для другой статьи, поскольку затрагивает не столько проблемы художественного перевода, сколько нравственные категории и даже правовые аспекты. Хотя разговор об авторском праве и об отношении к нему в писательской среде и во всем дагестанском обществе давным-давно назрел и требует выхода и более углубленного осмысления.

Но вернемся к переводу… В советские времена художественный перевод был поставлен на некий конвейер, к которому были привлечены не самые блестящие таланты современной российской словесности. Дагестанские авторы весьма активно издавались во многих центральных издательствах, где в то время функционировали специальные отделы по литературам народов РСФСР. Многим авторам переводчиков навязывало само издательство, ибо при каждом кормилось свое собственное переводческое сообщество, часто относящееся к подстрочникам дагестанцев с высокомерной снисходительностью. Многие из этого переводческого «цеха» гнали откровенную поэтическую халтуру, четверостишие, например, превращая в сорокостишие, а сонет в целую поэму. Но здесь надо признать и тот факт, что в столичные издательства в то время пробивались часто не самые талантливые дагестанские авторы, которые были готовы на какие угодно литературные операции и манипуляции, лишь бы выпустить книгу в Москве. За них не обидно, их литературная стряпня после любого художественного перевода приобретала хоть какие-то контуры поэтического произведения. Обидно за других, действительно талантливых, ярких, самобытных, но не сумевших отстоять своего творческого «я» в переводе на русский язык и по сути так и оставшихся непереведенными. Это прежде всего Омар-Гаджи Шахтаманов, чье творчество почти неизвестно российскому читателю, это и Магомед Атабаев, и Юсуф Базутаев, и многие другие. По тем или иным причинам они не смогли найти тех самых переводчиков, с которыми бы их связала не только творческая, но и человеческая дружба. И в результате оказались в проигрыше, в творческом проигрыше.

Сегодня у многих дагестанских поэтов нет действительно качественно переведенных сборников на русский язык. Те, кому повезло, скорей исключение, нежели правило. Это, кроме Расула Гамзатова, поэты Нуратдин Юсупов, Фазу Алиева, Анвар Аджиев, Магомед Ахмедов, Шейит-Ханум Алишева и некоторые другие. У большинства же поэтов — случайные переводы и случайные переводчики.

«Переводы как женщины: если верны, то некрасивы, а если красивы, то неверны»

М. Сафир

Есть, конечно, категория поэтов, не желающих при жизни быть переведенными на какие-либо языки. Они в меньшинстве, но существуют, и им нельзя отказать в их праве на такой подход к собственному творчеству. Например, замечательная украинская поэтесса Лина Костенко принципиально не разрешает публиковать свои стихи в переводе на русский язык, причем, не из националистических соображений (она это делала и в советское время), а, на мой взгляд, из чисто творческих побуждений. Русский и украинский язык настолько близки, что при переводе с одного на другой, уничтожается сама суть поэзии, некая поэтическая аура языка. Тем не менее, есть переводчики, которые переводят и Лину Костенко без всякой надежды быть в ближайшее время опубликованными. Переводят из чувства любви к поэтическому слову данного автора и желания передать его духовный мир посредством своего родного языка.

Говоря о художественном переводе в рамках этой статьи, я говорю прежде всего о переводе современной национальной, в частности, дагестанской поэзии на русский язык, не затрагивая перевода классического.

Кто для нас сегодня Маршак? Детский поэт или переводчик сонетов Шекспира, за которые он получил Ленинскую премию? И как одного отделить от другого? Кто Пастернак, Цветаева, Ахматова, Гумилев, чьи переводы известных зарубежных авторов являются настоящими шедеврами? Кто Державин, блестяще переведший баллады Шиллера? Кто Пушкин с его гениальными переводами Песен южных славян? А знаменитое лермонтовское стихотворение «Из Гете»:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы…
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Кому оно принадлежит Гете или самому Лермонтову? Им обоим… Без этого взаимопроникновения двух творческих начал нет и не может быть истинного, глубокого и чувственного художественного перевода.

В Дагестане всегда ощущался недостаток в профессиональных переводчиках, если учитывать многонациональность нашей литературы. Вл. Носов (проза), С. Сущевский, М. Дугричилов, Н. Тузова и ваша покорная слуга — вот, пожалуй, и все. Разрыв между старым поколением переводчиков и молодым огромен. Кроме относительно молодых Арбена Кардаша и Максима Алимова и недавнего выпускника Литературного института Фазира Джаферова, серьезно художественным переводом не занимается больше никто.

Бесконечные сетования на отсутствие школы художественного перевода так и останутся сетованиями, если не будут сделаны какие-то конкретные шаги по всесторонней поддержке переводчиков со стороны государства, если не изменится и, мягко говоря, безразличное отношение самих дагестанских авторов к этой важной проблеме, если в их сознании не произойдет перелом, который заставит их воспринимать переводчика как соавтора, а не бесплатного интеллектуального раба. Сегодня мы наблюдаем парадоксальную ситуацию: число молодых поэтов, пишущих на русском языке за последнее десятилетие возросло в несколько раз по сравнению с восьмидесятыми годами прошлого века, в то время как молодых поэтов, пишущих на родных дагестанских языках, становилось все меньше. Но молодых переводчиков не прибывает, а прежние, как говорится — «иных уж нет, а те далече…» Ушел из жизни Сущевский, уехал Дугричилов, все меньше переводят Носов и Тузова по причине занятости да и, что греха таить, материальной незаинтересованности.

Конкурс, объявленный журналом «Дагестан», только подчеркнул тупиковость этой проблемы, ибо желающих проявить себя в области художественного перевода, блеснуть переводческим искусством оказалось не так уж и много.

И пока не изменится эта ситуация, вряд ли художественный перевод станет процветать в республике, что гибельно не только для самого перевода, но и для всей нашей многонациональной литературы.

Конкурс

Чей перевод лучший?

Говоря о проблемах литературного перевода, редакция нашего журнала решила пойти на своеобразный эксперимент. В первом номере «Дагестана» за этот год под заголовком «Поэзия и перевод» было объявлено о конкурсе среди читателей на лучший перевод стихотворения Расула Гамзатова. К участию в нем приглашались все желающие, как литераторы-профессионалы, так и начинающие поэты. Был опубликован подстрочник стихотворения, написанного нашим замечательным поэтом на аварском языке. Автору лучшего перевода его на русский язык был обещан приз — книга Расула Гамзатова с автографом автора.

Мы получили не очень много работ. Понятно: художественный перевод, а тем более — поэтический, — дело нешуточное, требующее прежде всего таланта, а не только опыта. Лучшие из переводов мы публикуем сегодня на этой странице. Для сравнения публикуется и подстрочник оригинала.

Ждем откликов читателей, отдающих приоритет той или иной работе. Ваши письма помогут редакции определить обладателя приза.

Расул ГАМЗАТОВ

Подстрочный перевод с аварского

* * *

Как много парней на этой земле,
Но тех, кто под землей, гораздо больше.
Их любовь я берегу как наследство,
Прибавляю свою любовь
И отдаю тебе, мое вишневое дерево.

Как много в этом веке красивых женщин,
Но в будущем их будет еще больше.
Я собираю цветы страсти,
Которые им готовит наш век.
Я и сам растил много букетов любви,
И все это, моя незаходящая звезда,
я тебе даю.

Так много в этом мире туманов и туч,
Но те, которые будут,
еще опаснее, еще темнее.
За один век все люди на земле погибают,
Но любовь под камень
в могилу не положишь —
Она останется с нами.

Публикация мастера (вне конкурса)

* * *

На этом свете юношей немало,
Но на другом гораздо больше их.
Всю ту любовь, что в их сердцах пылала,
Любимая, разделим на двоих.

Я к чувствам их свои прибавлю чувства,
Чтоб дерево вишневое в саду
Вдруг расцвело среди зимы, как чудо,
Подчеркивая жизни красоту.

Красивых женщин нынче много, к счастью,
Но завтра будет больше их в стократ.
Я соберу цветы их дивной страсти,
Которые мой украшают сад.

И к страсти их свою я страсть прибавлю,
Что накопил за долгие года —
И тот букет перед тобой поставлю,
Моя незаходящая звезда.

Грозны сегодня в этом мире тучи,
Но будут и зловещее они…
Печальна человеческая участь —
Недолог век и быстротечны дни.

Но над любовью все же смерть не властна,
Могильный камень не сотрет черты
Той, что, как жизнь, любима и прекрасна
И смотрит, словно ангел, с высоты.

Авторизованный перевод с аварского Марины АХМЕДОВОЙ-КОЛЮБАКИНОЙ

Перевод Фазира ДЖАФЕРОВА

* * *

На земле этой много джигитов,
Но гораздо их больше там,
Под землей — по запретным местам.
Их сердца — этот клад, что раскидан, —
Соберу я по склепам и скитам
И тебе, моя вишня, отдам.

В этом веке красавиц мильоны,
А в грядущем их будет — не счесть.
Соберу я все страсти, что есть
Во единый букет, и — влюбленный —
Я взлечу, сединой убеленный,
Чтоб тебе их, звезда моя, снесть.

В этом мире черны были тучи,
Но что будут — чернее в стократ,
Век прожил — и пора умирать,
Но любовь не схоронишь. Послушай,
Я с тобой, моя жизнь, неразлучен.
Я тебе и в веках буду рад.

Перевод Тамилы ИРАН-ПУР—ЗЕЙНАЛОВОЙ

* * *

Столь много юношей во Вселенной,
Но всех тех, кто в земле сокрыт,
Гораздо больше. Во тьме нетленной
Их души наш освещают быт.
А их любовь мне дана в наследство,
Ее навечно я сохраню.
И чувство то, рожденное в сердце,
Детство мое, тебе подарю.

Сколь много знавал наш век красавиц,
Но, отправляясь в последний путь,
Он нам наказал, чтоб цветы взрастали
Для завтра рожденных, что их превзойдут.
Я свято волю его исполнил,
Букетов много создав любви.
И все, что есть у меня сегодня,
Звезда заходящая, в дар прими.
Сколь много туманов наш мир обвивает,
Но мрачные тучи грядут впереди.
А люди рождаются и умирают,
Но их любовь не уходит в камень,
Она всегда остается с нами,
Живым помогая свой путь пройти.

Перевод Тагират ГАСАНОВОЙ

* * *

Много-много парней на земле,
Под землею же больше их,
Чья любовь не пропала во мгле,
Воцарившись в сердцах живых.

Принял я их любовь в наследство,
Будто палочку на бегу.
Сохранить ее знаю средство —
Всю для вишни моей берегу.

В этом веке красивых женщин
Много. Больше будет в другом.
Веком им страстоцвет обещан,
Я и сам со страстями знаком.

Где букеты, что я составил?
Где цветы, что растил, любя?
Я у ног твоих их оставил
Все, звезда моя, для тебя.

Много в мире туманов и туч.
Те, что будут — еще опасней.
Но любовь моя — светлый луч,
И в могильную темень ясный.

Век проходит — и в Лету канет,
А любовь не кладут под камень.
В скорби час она рядом станет.
Лишь любовь остается с нами.

Перевод Мурада АХМЕДОВА

* * *

Парней отважных много на земле,
Но больше их растаяло во мгле.
Их чувства, словно драгоценный клад —
Его отдать возлюбленной я рад.

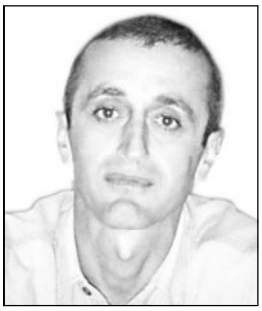
Красавиц много в этом веке есть,
А в будущем и вовсе их не счесть.
В букет единый соберу их страсть,
Чтоб получить над сердцем твоим власть.

Сгущались тучи в мире много раз,
Но хуже те, что ожидают нас.
Хоть время не жалеет никого,
Любовь способна победить его.

Любви могильный камень не грозит —
Живым огнем она его пронзит.

Яхья ЯХЬЯЛОВ

Насреддин из Кяхулая



(Юмореска)

Насреддин открыл глаза и продолжал слушать, как заливается в курятнике его любимый будильник по прозвищу Ориент. Дослушав, он поднялся и направился во двор по утренним делам. Водопроводный кран молчал.

— Эй, Водоканал, — присев, прошептал старик в отверстие трубы, — воду куда дел? Кругом наводнения, а у тебя воды нет.

«Хоть бы раз увидеть эту бесстыжую рожу, — подумал он, поднимаясь. — За деньгами Герца отправляет. Еврея, наверное. Сам не приходит, свои, водоканальи, воду мутят, а отвечать, как всегда, приходится евреям…»

С минуту поглядев на раскинувшуюся у подножия горы Махачкалу, будто выискивая проклятый Водоканал, Насреддин направился в сад к шестидесятитонной цистерне с запасом воды — внук его работал начальником на железной дороге.

День начинался с неприятностей, хотя гороскоп обещал обратное. Посмотрев немного НТВ, где вместо красавицы Митковой зудел сонный Новоженов, раздосадованный старик решил спуститься в город, навестить старого приятеля Шими Дербенди. В свое время немало чая было выпито с ним в знаменитой бухарской чайхане «Ратлуб» — может, поможет получить кяхулайское гражданство. Теперь Шими занимал большой пост в солидной организации «Золотой мост», добывающей золото на реке Самур.

Насреддин считал себя политическим беженцем, потому как бежал из Бухары, боясь репрессий из-за отказа быть усыновленным, когда президент Манатгани Казнокрадов объявил себя Бухарбаши и отцом нации. Такая азиатская дерьмократия старику не нравилась и такой папа — тоже.

Город встретил его обычными шумом и гарью. Если бы не одноглазые женские животики — смотреть не на что. В Бухаре такие «танцы живота» только в ночной чайхане увидишь, а здесь — любуйся бесплатно. Что тогда в ночных саунах творится? Жарко, наверное, предположил он, взглянув на беспощадное, как Чубайс, солнце. Интересно, не входит ли солнце в его единую энергосистему, ведь отключается иногда, заходя за тучи…

В таких размышлениях Насреддин брел по тротуару, выложенному узорчатой плиткой, начавшей кое-где рассыпаться, не выдержав и сезона. И неудивительно: все азиты — великие фальсификаторы — любую идею разбавят водичкой, доведя до состояния сносной халтуры. Исключение, разве что, японцы. Видимо, мутация произошла в лучшую сторону — после Хиросимы.

Махачкала мало отличалась от остальной Азии, но не таким представлял себе Насреддин ее народ из рассказов Шими. Особенно возмущало, что сплошь и рядом пристройщики вырубали деревья в пользу своих квадратных метров. «Пожить бы вам в песках Кара-Кума, ценили бы каждую травинку, — думал он. — Головы ваши квадратные рубить некому!»

Остановив маршрутное такси и усевшись на перекошенное сиденье, Насреддин приготовился к острым ощущениям. «Формула-I» отдыхает, когда на трассе махачкалинские маршрутники. Призовой фонд — четыре рубля, а сколько азарта и риска! Нарушение правил строго карается по курсу доллара. Судейство — неподкупные люди из ГАИ. Где таких только находят? Неужто среди нас?

Острые ощущения появились быстро — в области поясницы. Водитель, в шортах и майке, гнал рывками, будто боялся опоздать на собственные похороны, что, однако, не мешало ему курить вонючую сигарету и считать деньги. Насреддин не сдержался:

— Видать, сынок, передохнуть некогда: куришь на ходу, а зарабатываешь мало — штаны не можешь купить. Хоть бы ноги свои кудрявые причесал.

— Тебе чё, дед, больше всех надо? Едешь — едь и не учи меня жить, лучше помоги материально — на материал для штанов, — огрызнулся детина и расхохотался старику в лицо, обнажив редкие гнилые зубы и часть пищевода. Голосом этот чурбан напомнил Насреддину его бухарского ишака Хамхалабека.

– Послушай, — обратился он к водителю, — нет ли у тебя брата в Бухаре? Кажется, это он возил меня там. Поверь: лучше, когда ишаки тянут телегу, а не управляют ею. Останови-ка. — И Насреддин вышел, оставив парня хлопать ушами.

Сплюнув через левое плечо — «тьфу наджас» — старик двинулся дальше и вскоре оказался перед уличным базарчиком. Огромные азиатские дыни пробудили в нем воспоминания, а особенно — торговка, ловко ковырявшаяся одной рукой в носу, а с помощью другой виртуозно лузгавшая семечки, выпихивая шелуху себе на подбородок.

— Красавица, что продаешь: дыни или козявки? — обратился к ней Насреддин.

— А ты, что — санэпидстанция? — рявкнула женщина, не прекращая своих упражнений.

— Нет, я за страну переживаю, — взял себя в руки старик, — дырку в голове сделаешь, утечка мозгов будет, а в стране их и так не хватает…

«Совсем с ума сошел, зачем мне эти сопливые дыни, — бормотал про себя Насреддин, уходя прочь, — правы, наверное, внуки, утверждая, что настали сдвинутые времена. Или продвинутые — сразу и не поймешь. Сплошная демонократия. И конституция какая-то бесхребетная. И вправду, от великого до пошлого всего две буквы: была конституция — стала проституция, был грязь — стал князь…»

Неожиданно дорогу ему перегородили парни с бычьими шеями и сунули в руку листовку: «Голосуй за нашего кандидата, дед, получишь мешок муки». Для солидности Насреддин решил поторговаться: «Мало даете, сынки, за такого солидного человека. Он достоин барана или даже козла!..»

Наконец, вот эта улица и вот этот дом. Только бы Шими оказался на месте. Может, он растолкует старику, как называется нынешнее время: то ли это дикий капитализм, то ли одичавший социализм. А, может, какая новая клизма или деформация? Он-то, наверняка, знает — старый дербентский еврей…

Новые кяхулайские анекдоты

* * *

— Подсудимый, почему вы убили дантиста?

— Господин судья, он сказал: «Закрой рот». Кто он такой, чтобы затыкать мне рот. В натуре!..

* * *

— Папа, садовод — это кто? Водопроводчик в детсаду?

— Нет, сынок. Это воспитатель садистов.

* * *

— Папа, за что ты избил моего жениха?

— Ну, как же, доченька! Он полгода приходил в мою лавку, просил то эту часть туши, то другую. А вчера говорит: хочу просить у вас руку дочери.

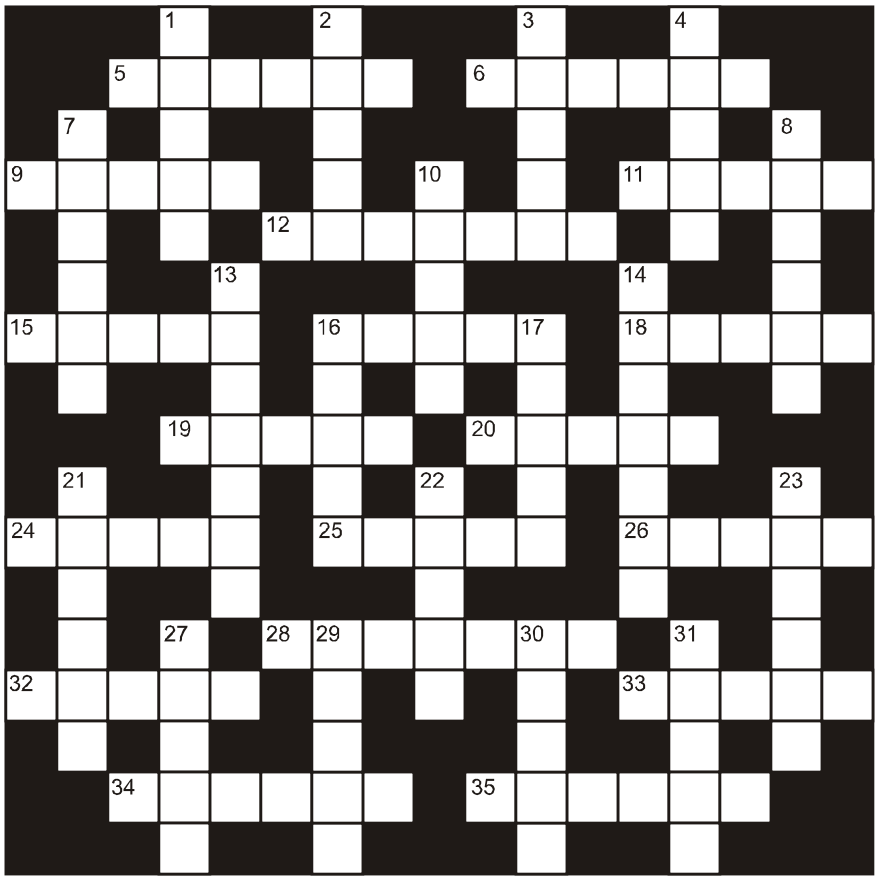
* * *

На экзамене:

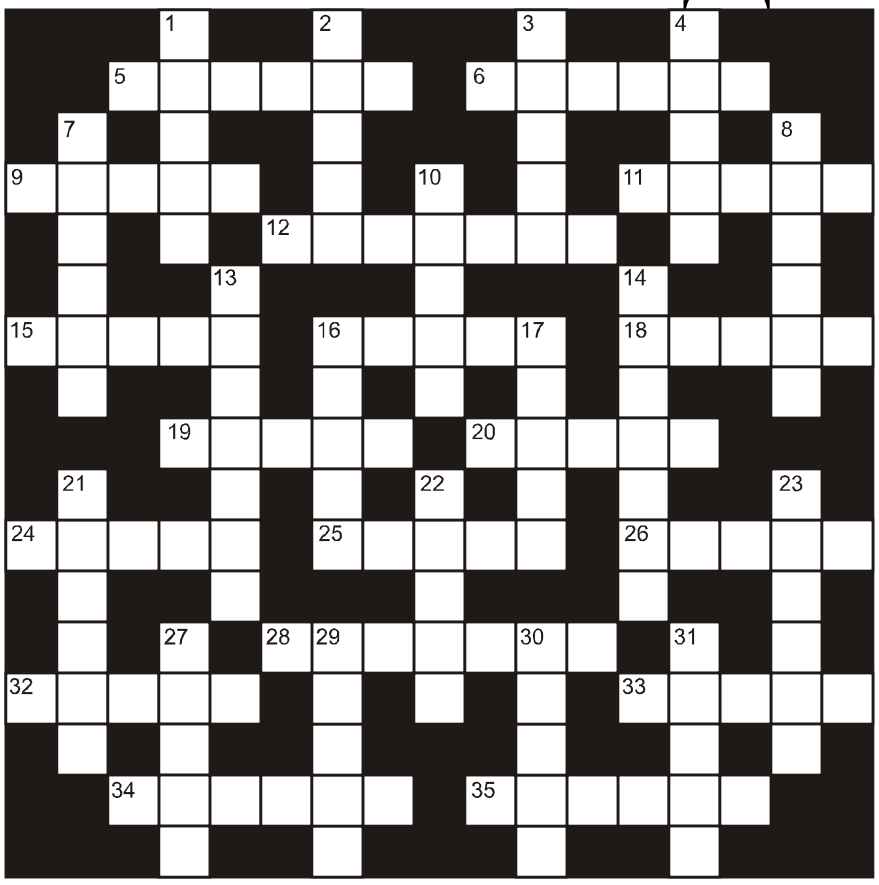
— Расскажите о какой-нибудь американской народной традиции.

— Вначале американские колонизаторы убивали индейцев. Потом, когда это стало неприлично, под Рождество стали убивать индеек. Привычка.

Собрал Яхья ЯХЬЯЛОВ



КРОССВОРДЫ



По горизонтали. 5. «Салам алейкум!» по-молодежному. **6.** Ему у нас везде почет. **9.** На столе в Ураза-байрам. **11.** Полуфабрикат для дагестанских умелиц. **12.** Аульская тусовка. **15.** Вариант Дагестана: на севере — зеленый, на юге — коричневый. **16.** В Цовкре он очень нужен. **18.** Объект критики свекрови. **19.** Цена невесты. **20.** У Тагира Курачева он, безусловно, есть. **24.** Составная часть пандура (ироничн.). **25.** С нею в горы не пойдешь (мед.). **26.** Передвижной хлебобулочный. **28.** Древний грек, вписавший в историю и нас. **32.** Самая «безрассудная» рыба в Каспийском море. **33.** В старину горец не мог быть «подкаблучником», хотя бы потому, что у этой обуви не было каблука (ед. ч.). **34.** Город-побратим Махачкалы по ту сторону океана. **35.** Производством этого материала известен один из городов Дагестана.

По вертикали. 1. Проливать не рекомендуется. У нас она горячая. **2.** Городской транспорт, недагестанский. **3.** Популярная в Дагестане кухонная утварь. **4.** Так назвали бы наш «грушевый» во Франции. **7.** Гамид … — дагестанский революционер. **8.** Наше чудище. **10.** Гравировка, эмаль… **13.** На нем играют музыканты из Касумкента. **14.** Овощное, мясное, рыбное и даже шоколадное. **16.** «Принадлежность» дагестанского предпринимателя. **17.** В горах она вьется. **21.** «Бренд» села Кахабросо. **22.** Это встретил Надиршах в Дагестане. **23.** Аульская альтернатива пекарне. **27.** Разновидность дагестанского супа. **29.** Газета-«товарищ». **30.** Село в Хунзахском районе. **31.** В старину: единица населенного пункта.

По горизонтали. 5. Теперь их увидишь не в каждом махачкалинском дворике. **6.** У нас — двоюродная сестра, во Франции — … **9.** Магазин ювелирных изделий в Махачкале. **11.** Один из состава «Анжи». **12.** Такого состояния у нашего общества не было: власть слабинку не показывала. **15.** Если царят «волчьи» законы, ему нужны кулаки. **16.** Это накидывает безвольному парню бойкая девушка. **18.** «Живет» в Бабаюрте, а родом из Астрахани. **19.** Трость дервиша. **20.** Что не кладут в рот человеку с характером. **24.** Один из признаков благополучия дагестанца. **25.** Представительница немногочисленной национальности Дагестана. **26.** Раньше была нараспашку, сейчас и пуля не возьмет. **28.** И хунзахский хан, и кайтагский уцмий, говоря церковным языком. **32.** Вторая составляющая ЛОРа. **33.** Популярный подарок на Ураза-байрам. **34.** Бывает болезнью, бывает морской, но в Каспии не водится. **35.** То, во что фактически превратился уникальный Сары-Кум.

По вертикали. 1. Большой котел маленького аула. **2.** «…–Голд». **3.** Ими славится Анди (мн. ч.). **4.** Если мой Дагестан закавычить… **7.** Прекращал конфликт горцев. **8.** Его вешают на деревьях в священных местах. **10.** Обычный вопрос в Дагестане звучит необычно: не какое, а сколько. **13.** Если Памир – крыша мира, то Кавказ можно назвать так. **14.** Она, вероятно, умрет после всего. **16.** Обязательная часть тела шайтана. **17.** Человек–шашлык–баран–… **21.** Шутка, розыгрыш на сленге дагестанской молодежи. **22.** Пастух без него — не пастух. **23.** Они все чаще возникают на улицах Махачкалы (ед. ч.). **27.** Город-побратим Махачкалы в стране на стыке Европы и Азии. **29.** В наших селах еще можно увидеть деревянную… **30.** Если верить переписи, то еще одной «национальностью» в Дагестане стало больше, это — … **31.** Сложная поэтическая форма, встречающаяся и у Р. Гамзатова, и у Шекспира.

Усадьба в Михайловском

Он знал, что станет солнцем, знал, что воздвиг себе нерукотворный памятник, и знал, что оставит тысячи лучиков своей поэзии в сердцах поклонников…

В 1999 году исполнилось 200 лет со дня рождения А. С. Пушкина. Тогда одним из центральных каналов был объявлен конкурс-викторина «Ай да Пушкин!». Из более чем 10000 принявших в нем участие пушкинистов-любителей в финал вышли 36 человек. Как не гордиться тем, что в их числе оказалась дагестанка, рассказавшая всем о причудливом творении природы – горе Пушкин-Тау. И не важно, что Айнургаят Умахановой не удалось тогда победить, главное – она приобрела друзей, единомышленников во всех уголках России.

Переписка-перепиской, а встреча с ними в день рождения гениального потомка «арапа Петра Великого» – дело святое. И дальше: встреча с коллективом студии «А», создавшим телевизионную версию конкурса, посещение Тригорского и Петровского имений и Святогорского монастыря, где был похоронен поэт.

Но больше по душе Айнургаят Государственный музей-заповедник «Михайловское», в котором Александр Сергеевич провел 2 года ссылки. Ночные прогулки по аллее Анны Керн, раздумья под сенью вековечного дуба и споры с друзьями на скамейке, где был задуман «Евгений Онегин» – все это переполняет душу любовью к Пушкину.

По дороге в Михайловское

А. Умаханова (на фото справа) с коллегами-пушкинистами

В аллее Анны Керн

Экспонаты из коллекции Дагестанского музея изобразительных искусств (стр. 14)